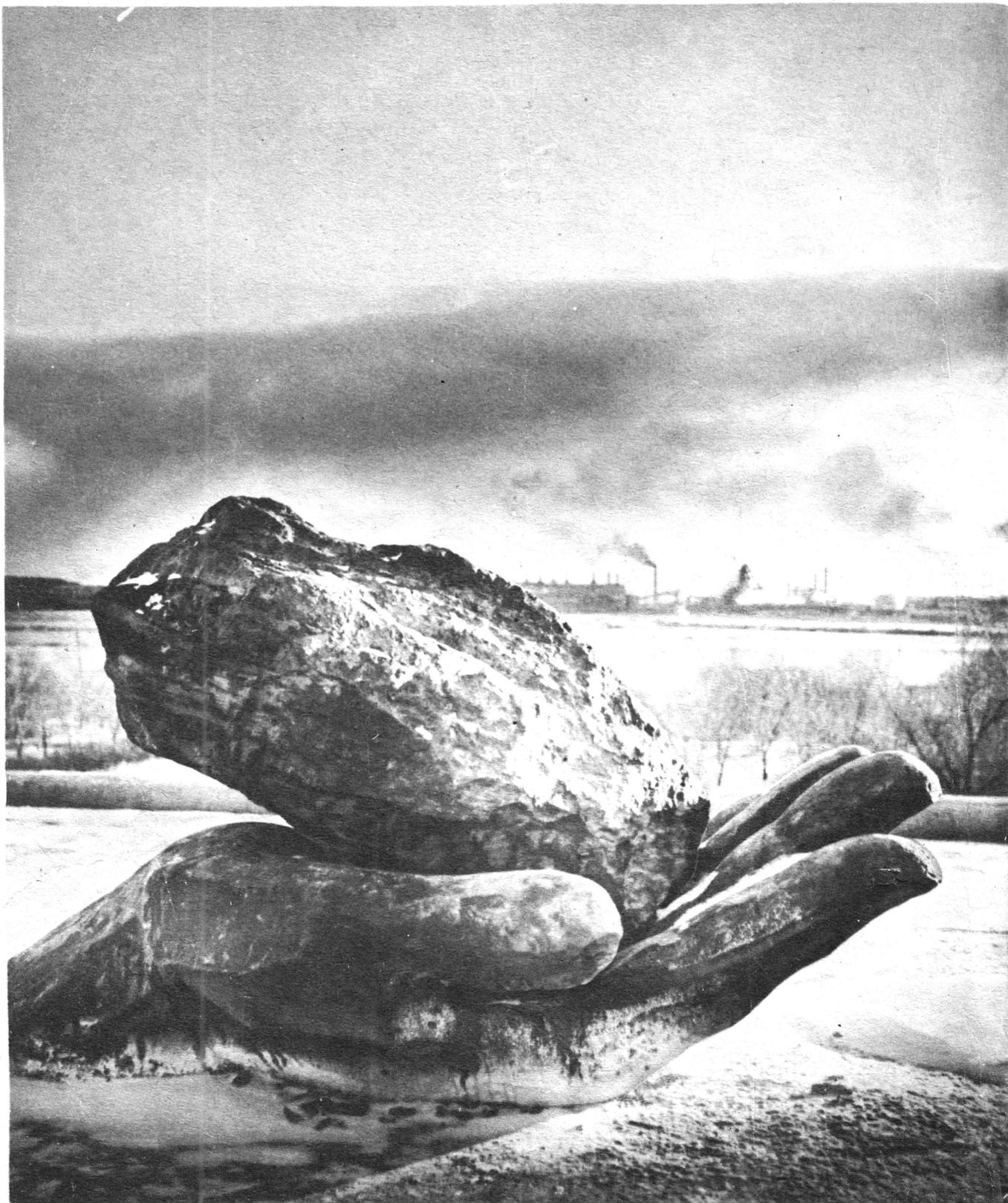

4
1972

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫМ

Тебе, страна, металл и свет,
Тепло руки моей.
Ты знаешь, что на свете нет
Таких, как ты, друзей.

Руду и хлеб тебе, страна.
Счастливой будь века!
Щедра, надежна и верна
Рабочая рука.

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания пятнадцатый

В НОМЕРЕ:

С. Сухачевский СЕРЕЖА — МОРЯЧОК. К 50-летию пионерии	2
ПРИЗ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЯКУТИЮ	9
Л. Патралов, Л. Андреев, В. Мешавкин. Стихи.	11
С. Федоров, Е. Костина МАГНИТКА: ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!	12
И. Малахеев, В. Кобисский, А. Каменский, Е. Янишевская, А. Комлев, Е. Фейерабенд. Стихи.	17
Е. Марысаев ДИВНАЯ ПЛАНЕТА. Повесть.	19
Г. Александрова ОТКРЫТИЕ	32
О. Селянкин ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ПРЫЖОК	33
В. Сергеев СОРАТНИК НОВИКОВА	36
И. Росоховатский ПУСТЬ СЕЯТЕЛЬ ЗНАЕТ. Фантастическая повесть	39
Д. Финкельштейн ОДА АЗОТУ	54
В ОБЪЕКТИВЕ — МГНОВЕНИЕ!	57
А. Никитин ПЕРМСКИЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ И ОПЕРА «РУДОКОПЫ»	58
Б. Тебиев РОДОСЛОВНАЯ САМОВАРА	62
А. Комаров, С. Еловских, К. Хромов, Р. Малышев ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	67
В. Хохлачев СЕНСАЦИИ ОИМЯКОНСКИХ НЕДР	73
А. Локерман ГОРНЫЕ ПИСЬМЕНА	76
П. Истомин РАССКАЗЫ У КОСТРА	79
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

Обложка З. Баженовой

На второй странице обложки
фото А. Нагибина,
на третьей — фото С. Слепынина

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫИТ 4 1972

**К 50-летию
пионери**

Степан СУХАЧЕВСКИЙ

Рисунки Н. Мооса

СЕРЕЖА — МОРЯЧОК

I

Миновал страшный 1921 год. За сельскими околицами выросли свежие могильные холмики. Они напоминали людям о жертвах кулацкого мятежа. В деревнях пустовали дома с заколоченными ставнями. В ту тяжкую годину по земле Зауралья прошла и другая беда — злой суховей начисто погубил посевы. От голода вымерли целые крестьянские семьи.

В это тревожное время в Сивково после долгой отлучки вернулась Анна Исаковна Третьякова. На маленькой станции Петухова, где пассажирский поезд стоит одну минуту, ее с двумя сыновья-

ми встретил брат Михаил Ермаков и привез к родителям, с которыми жил сам.

Утром к избе, стоявшей в конце Большой улицы, потянулись соседи. За взрослыми увязались ребяташки. Всем любопытно было взглянуть на «беглянку», — все знали, что муж ее большевик, недавно погиб. И самой ей туго пришлось при Колчаке. Анну допрашивали, били на глазах детей, и только чудом она избежала расстрела.

Особенно встревожился деревенский богач Михайлов: зачем она вернулась в село? Может, решила свести счеты за старые обиды?

Ребятишки же сразу занялись сыновья-

ми «беглянки». Вернее, одним Сереей, так как маленький Петя ни на шаг не уходил от матери.

— Ты кто? — допрашивал Сереею толстяк Колька Михайлов, по прозвищу Квашня.

Ленивый, вечно что-то жующий, он всюду затевал ссоры и верховодил мальчишками с Большой улицы.

— Моряк!

— Мо-о-ря-я-к, — передразнил Колька. — Вот вруша! Да от нашей Сивковой до моря тыща верст будет!

— Моряк, — упрямо повторил Сереея. — Не видишь — тельняшка?

— Ладно, — примирительно заговорил Колька. — Вижу: тьяльняшка.

— Те-ль-няш-ка, — поправил Сереея.

— Пусть по-твоему... Рубаха-то морская, а вот штаны пошто короткие? Собаки, что ль, обкусали?

Ребята захохотали.

— Ты что над новеньким измываешься? — послышался голос парнишки, стоявшего в сторонке.

— А, заступничек нашелся! — зло крикнул Квашня и принял воинственную позу. — Коль не боишься — выходи!

Ребята того и ждали: дружно расступились, и в живой круг смело шагнул парнишка, худенький, юркий. Никто не решился начать первым.

— Ребята! Квашня струсил! — раздался насмешливый голос.

Толстяк, словно подстегнутый, сбывил шею и двинулся на своего противника. Тот подпустил его поближе и внезапно нанес сильный удар в лицо. Колька взвизгнул, выбросил руки вперед, пытаясь схватить парнишку в охапку. Но тот ловко увернулся. Юлой кружась вокруг медлительного и неповоротливого Кольки, он молотил его по широкой спине.

— А здорово ты его!.. — с трудом переводя дыхание, заговорил Сереея.

— Пусть не задирается! Думает, отец богатый, так все ему можно... Ребят обижает. А я не боюсь!.. Давай дружить?

Он протянул руку: — Генка Мальцев!

— Сереея Третьяков!

II

Наступило первое сентября.

Учительница Мария Андреевна еще до звонка вошла в класс. К ней робко жались новички, а позади, у открытой двери, стояла Анна Исааковна. В руках она

держала большой ямщицкий колокольчик. На нем можно было прочитать литые буквы: «Звени-потешай, ехать поспедай». Анна Исааковна поступила в школу сторожихой и перебралась сюда вместе с сыновьями.

— Дети, — ласково сказала учительница, указывая на Сереею. — Вот к нам новенький.

— Валяй ко мне, Моряк, — крикнул Квашня.

Но Сереея прошел к парте, за которой сидел Генка.

Этот первый день сентября двадцать второго года Мария Андреевна закончила необычно: после занятий ребята стали приводить в порядок братскую могилу.

— Дети, покроем могилу свежим дерном, расчистим площадку, — сказала учительница. — В этой могиле похоронен молодой красноармеец-разведчик. Колчаковцы убили его за нашим селом. Имени его никто не знает. Он умер как герой: не просил пощады у белых.

Она смолкла, а когда заговорила вновь, голос ее звучал торжественно:

— Здесь покоится прах и другого героя, Гриши Квашнина, первого комсомольца нашего села. Он убит во время кулацкого мятежа... А Гриша был совсем еще мальчик. Он сражался как юный комсомолец за великое дело Ленина. Будем же свято чтить память нашего Гриши и неизвестного красного бойца!

III

В школе началась подготовка к встрече пятой годовщины Октября: шли репетиции. А в здании Совета спешно переоборудовали «курилку» под зрительный зал, сооружали сцену.

Простая вещь — занавес. Каких-нибудь десять аршин холста. Но где их взять? Сереея и Генка пошли по домам богатеев холст выпрашивать. Везде — отказ.

Неожиданно выручил казах-пастушок Амантайка. Он принес два широких парусиновых полотнища, сам натянул их и объявил Марии Андреевне:

— Хочу занавеску дергать... Ата¹ Касым велел!

Амантайка в концерте не участвовал, но каждый вечер аккуратно являлся в школу, присутствовал на всех репетициях.

¹ Ата — старый человек.

Забившись в укромный уголок, наблюдал за своими русскими друзьями, прислушивался к их разговорам. Пастушок дивился: на его глазах пучок кудели, скрепленный нитками, превращался в бороду, овчинный лоскуток — в усы.

Вскоре на заборах появились афиши, расклеенные Амантайкой. На них было написано:

«Граждане! 6-го ноября 1922 года в помещении сельского Совета состоится праздничный концерт. Силами школьников будут исполнены частушки, игра на балалайке, революционный танец «Яблочко», а также пойдет пьеса «Прошлое не вернется».

Билеты можно купить в школе за продукты, как-то: зерно, сушеная рыба, мясосолонина, яички, сало, подсолнечное масло (в бутылках).

Дети пропускаются бесплатно. Весь сбор поступит в фонд школы».

Мария Андреевна очень волновалась: вдруг никто не придет? Это ведь первый концерт в селе и к тому же за плату!

Ее опасения оказались напрасными: все билеты были раскуплены, и задолго до начала концерта народу набилось до отказа. Люди стояли возле стен, сидели на скамьях и подоконниках или прямо на полу.

По знаку Марии Андреевны на сцену вышли мальчики. Сперва показался Сережа, за ним с балалайкой в руках — Генка. Они неловко поклонились. Раздались жидкие хлопки. Зал настороженно притих.

Генка кашлянул в кулак, шмыгнул носом и тихо провел по струнам.

Скоро, скоро снег растает,
С нашей речки лед сойдет

робко начал он, а Сережа бойко закончил:

Скоро, скоро по всем странам
Революция пройдет.

Входя в азарт, Генка все сильнее бил по струнам, и балалайка, казалось, вываривала сама:

Вышью Ленина портрет
В золотую рамочку.
Вывел он меня на свет,
Бедную крестьяночку.

Певцов долго не отпускали со сцены, заставляли исполнять новые частушки. Они исчерпали весь свой репертуар, подготовленный с учительницей, а зал неистово гудел:

— Ничо, ничо!.. Давайте!

И Сережа подмигнул Генке: споем «свою» частушку, ту, что учительница не разрешила.

Они затаили в два голоса на мотив «Камаринской»:

В нашем Сивково поймали мы блоху
И пустили в церковь нашему попу...
И как станет панихиду он читать,
А она его кусать, кусать, кусать.

Мария Андреевна крикнула Амантайке:

— Занавес... Закрой занавес!

А зал гудел от криков:

— Давай еще!

IV

Деревенские мальчишки азартно сражались в «красных» и «белых». Игра в «войну» шла под влиянием той глухой и скрытой борьбы, которая с гражданской не прекращалась на селе. Недавний кулацкий мятеж еще больше накалил страсти...

Ребята с Большой улицы разбились на две партии. Братья Зотеевы и поповские сынки Ковригины неизменно держали сторону Квашни. За Генку горой стояли Витя и Вася Филимоновы и пастушок-сирота Амантайка. К ним присоединился Сережа.

Весной сторонники Кольки обзавелись пугачами и стали еще нахальнее.

Сережа с Амантайкой хотели не отстать от Квашни и его дружков. Они часто бродили по пустырям и задворкам в поисках какого-нибудь оружия, но ничего найти не могли.

— Сереж! — предложил как-то Амантайка. — Бежим к колодезю!

Это был заброшенный колодезь, из которого пять лет тому назад женщины, работавшие на бойне у кулака Журавлева, брали воду. После революции, чтобы избежать большого налога, Журавлев закрыл бойню, и колодезь оказался ненужным. Он постепенно пришел в негодность.

Склонившись, мальчики заглянули в старый колодезь. Изнутри сруб зарос зеленым мхом, в глубине широкой скважины, дышащей сыростью, сверкала вода.

Амантайке показалось, что на дне лежит какой-то предмет.

— Сереж, что там такое? — прошептал он и бросил в колодезь камешек.

Они припали к срубам, и когда легкая рябь успокоилась, оба увидели: в воде темнеет большое расплывчатое пятно.

— А вдруг это клад? — таинственно прошептал Сережа.

Амантайка, ни слова не говоря, полез в колодец.

— Ты куда? — попытался удержать его Сережа, но пастушок уже скользил вниз, цепляясь за скобы.

Прошло несколько томительных минут.

— Что там? — спрашивал Сережа.

Амантайка не откликнулся. Наконец над срубом показалась его взлохмаченная голова.

— Ну? — нетерпеливо спрашивал Сережа, помогая ему выбраться из колодца.

Амантайка обессиленно опустился на землю. Лицо его было красно от натуги, губы дрожали.

— Нашел, да? — тормошил Сережа, и Амантайка, тяжело дыша, кивал головой.

Но как достать клад? Кого позвать?

— Амантайка, скажем Касыму, — предложил Сережа.

— Нет, Сереж!.. Ругать будет: зачем я в колодец лазил...

— Тогда пойдем к моему дяде Михайлу! — и ребята побежали в село.

Колодец оказался тайником оружия. В брезентовом чехле, зашитом в промасленную мешковину, лежали два обреза, винтовка в разобранном виде, с полдюжины револьверов, патронташи с обоймами и несколько «лимонок».

Сам председатель Совета отвез оружие в волость. Туда же был вызван Журавлев, хозяин бойни и старого колодца...

Следствие затянулось до осени. Причастность Журавлева к бандитскому оружию установить не удалось, и его оставили в покое.

Зима 1923 года пришла неожиданно рано — в середине октября установился санный путь. Снег лег на мягкую, непромерзшую землю, и сразу ударили крепкие морозы.

Во дворе школы появился Амантайка.

— Почему сегодня долго идут занятия? — недоумевал пастушок.

Он тенью проскользнул в палисадник. Ухватившись обеими руками за крепкий сук высокого тополя, подтянулся и заглянул в окно. Ученики в ровном строю стояли перед Марией Андреевной. Вот из строя вышел Сережа, учительница что-то сказала ему и надела на шею красный лоскуток. Сережа поднял руку над головой,

отошел и стал напротив ребят. А к учительнице уже шел Генка.

В этот ноябрьский вечер дольше обычного пробыл пастушок у поленицы. Крепкий мороз пощипывал его щеки, забирался под полы короткого полушубка, охлаждал спину. Но он все равно решил дожидаться друзей, узнать, что было в школе! И они, наконец, вышли.

— Амантайка! Мы — пионеры.. Нас приняли... Вот видишь...

Сережа и Генка расстегнули ватные пальтишки, отвернули борта.

— Пионеры... Хорошо! — с завистью произнес пастушок.

А вскоре о пионерах заговорило все село.

Давно уже не было в Сивкове покоя от пьяных парней. На Большой улице они останавливали прохожих, устраивали драки.

Председатель сельсовета встревожился не на шутку. При Совете была создана тройка по борьбе с самогонварением, и он сам ее возглавил. Из волости прибыл верховой милиционер, каждую ночь он объезжал темные, заснеженные улицы. И все — безуспешно. Помог случай.

В рождество улицы запрудили ряженные. За ними неотступно следовали мальчишки.

В один из рождественских вечеров Сережа, Генка и Амантайка возвращались домой поздним вечером. Начиналась метель. Глубже надвинув шапки, друзья торопливо шагали по дороге, кое-где уже переметенной снегом.

На перекрестке пастушок внезапно остановился.

— Э, смотри... — протянул он руку в сторону избы, где жил Егорка, работник Михайлова.

В окне мелькнул огонек.

— Ребята, пойдем к Егорке! — предложил Генка.

— Да ты что? Уже поздно, — возразил Сережа.

Амантайка что-то крикнул по-казахски, махнул рукой, и они пошли за ним. Тропки к избе не было, и они шагали напрямик, увязая по колено в снегу.

Неожиданно свет в окошке погас.

— Зря шли. Егорка лег спать, — проговорил Сережа.

— Молчи! — шепнул Амантайка, падая в сугроб и увлекая за собой ребят. Они легли рядом и прислушались.

— Кто там? — донеслось из избы.

— Егорушка, как бы опохмелиться...
— А деньги?
— Завтра отдадим.
— Ну, ладно, поверю последний раз.

Давай посуду!

Голоса смолкли. Ребята не успели опомниться, как из-за угла вынырнули трое парней и, озираясь, стали удаляться.

— Ребята! — задохнулся от волнения
6 Сережа. — Здесь же самогонщик!.. А милиционер ищет. Пошли скорее!

— Нет! — рассудил Амантайка. — Ты беги, а мы покараулим.

Сережа вскочил и выбрался на дорогу. Вскоре из темноты выплыла лошадь и преградила ему путь.

— Малец, ты что, заблудился? — услышал он знакомый голос.

— Дяденька милиционер! — обрадовался Сережа. — Самогоном торгует Егорка, рабочий Михайлова.

Прошла неделя. Волостной суд осудил Егорку к двум месяцам принудительных работ, конфисковал самогонный аппарат, Михайлов как соучастник был оштрафован на 500 рублей.

Пионеры прибили на ворота Михайлова дощечку с надписью:

«Кулак Михайлов гонит из хлеба самогонку. Объявляем ему бойкот».

Люди смотрели, дивились: такого на селе еще не бывало!

VI

Зерно, намолоченное со школьной десятины, хранилось во дворе сельсовета, и вся школа нетерпеливо ждала выручку от его продажи. Дядя Михаил должен отвезти хлеб в Петухово на элеватор. С вечера груженные подводы он пригнал к себе во двор и пораньше лег спать. А племяннику строго наказал, что заедет за ним чуть свет.

Утром Сережа забрался на заднюю подводу, в которую был впряжен спокойный меринок Залетный, крепко сжал вожжи. Пионерский галстук развеялся по ветру, и казалось мальчику, что стоит он на капитанском мостике большого корабля.

На станцию приехали за полдень.

— Ну, племяш, — сказал Михаил, останавливая лошадей у переезда, — я на эле-

ватор, а ты тем часом беги в магазин. Да не задерживайся. Подождешь меня здесь.

Когда Сережа с сумкой под мышкой подошел к переезду, дяди там еще не было. Мальчик вытащил из кармана куртки два глиняных раскрашенных свистка: один по форме — петушок, другой — рыбка. Петушок свистел тонко и пронзительно, а рыбка — певуче, как рожок стрелочника. Мальчик никак не мог решить, какой свисток оставить себе, а какой отдать Генке. И он пробовал то один, то другой, закрыв глаза от удовольствия.

За этим занятием и застал его дядя. Он угостил племянника большим медовым пряником и с усмешкой спросил:

— Сколько тебе годов, Серьга?

— Тринадцать.

— А все свистульки на уме... Эх, ты...

На полпути, в небольшой лесной деревеньке, они сделали остановку у родственницы — покормили лошадей и сами подкрепились.

— Заночуйте, — уговаривала старушка. — Солнце уже садится.

— Ничего, — ответил Михаил, — лошади отдохнули. Приедем, наши еще вечеровать будут.

Лошади бежали дружно. Сережа перестал править, привязав вожжи к передку телеги, занялся своей сумкой. Он то вынимал, то складывал покупки: краски, кисточки, цветные карандаши. И большие листы бумаги, свернутые в трубку. Для учительницы он везет небольшую книжечку — сборник деревенских пьес и песен.

Быстро надвигались сумерки. На крутом повороте, там, где дорога уходит в лес, Михаил остановил свою лошадь, ожидая отставшего племянника. Он расхаживал по дороге, разминая отекшие ноги.

Подъезжая к повороту, Сережа заметил, что у придорожных кустов мелькнули тени. Ему даже показалось, как хрустнул валежник.

— Дядя... там кто-то...

Мальчик не успел договорить, как на дорогу выскочило несколько человек.

— Гони, Серьга! — крикнул Михаил и кинулся к телеге. Он выхватил из сена берданку, но тут сзади на него навалился Егорка и еще двое. Ему заломили руки, вырвали ружье, стали душить...

К Сереже подбежал грузный человек, схватил за воротник распахнутой куртки, притянул к себе.

— Ага, попался, змееныш! — хрипел кулак Михайлов и, сорвав с мальчика пионерский галстук, швырнул его в грязь, стал топтать ногами.

— Не тронь! — отчаянно крикнул Сережа, вырываясь из цепких рук.

Он нагнулся, чтобы поднять галстук, и тут же ничком упал на дорогу: что-то тяжелое и тупое обрушилось на его голову.

Письмо Генки — ныне Геннадия Игнатьевича:

«Как-то довелось мне отдыхать в Кироводске. Зашел в читальный зал, попросил подшивки уральских газет. Начал просматривать, вижу: очерк «Пионер Сережа Третьяков». Да не может быть! Столько лет прошло...

Как сейчас вижу: сельская площадь запружена народом, на помосте — небольшой гробик, обитый красным сатином. Он утопает в цветах, в хвойной зелени. Мы, школьники, испуганно смотрим на Сережу, на его изуродованное лицо...

Тихо звучат прощальные слова учительницы, и гробик медленно опускается в братскую могилу, туда, где покоится прах комсомольца Гриши Квашнина и неизвестного красного разведчика. Печально движутся школьники, каждый кидает по горсти земли, пионеры повязывают свои галстуки на пятиконечную звездочку деревянного обелиска. На холмик Анна Исааковна кладет бескозырку сына...

Разошелся народ, а мы все стоим и стоим у могилы, окружив Сережину маму. Она обнимает нас: «Дети мои...»

Многое изменилось с тех пор. Село наше стало центральной усадьбой совхоза «Спутник» Петуховского района Курганской области. На месте мрачных домов-крепостей, в которых когда-то жили кулаки, появились новые кварталы: веселые белые домики с палисадниками на солнечную сторону и телевизионными антеннами над шиферными крышами.

И этой новой улице присвоено имя Сережи.

У дороги стоит обелиск. На нем — надпись: «Здесь похоронен пионер Сережа Третьяков, погибший 2 апреля 1924 года». Возле обелиска пионеры проводят теперь свои сборы.

В селе восьмилетняя школа. Пионерская дружина ее носит тоже имя Сережи. 7

Нет уже в селе Анны Исааковны. Она переехала в Омск, где родился Сережа.

...Помню, в детстве мы часто мечтали, кем будем, когда станем взрослыми. Амантайка любил степи, хорошего скакуна. А Сережа, конечно, мечтал быть моряком, как отец. Я — летчиком.

Что сказать о себе?

Окончил авиационное училище, стал бортрадистом. Воевал. Уже давно заработал пенсию, но пока медицина допускает к полетам — тяну помаленьку. Три-

дцать лет в авиации, двадцать лет — в партии. В воздухе пробыл больше 19 тысяч часов, налетал 6 300 000 километров. Это 157 оборотов вокруг «шарика».

И на этом «шарике» есть у меня самая дорогая точка. Всякий раз, как случается пролетать над сибирской равниной, прошу штурмана: «Вот сюда чуть подверни». И качнет крылом наш самолет над Сивковым:

— Здравствуй, Сережа, дружисе-Морячок!»

ПРИЗ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ЯКУТИЮ

НА ПРИЗ
НАШЕГО
ЖУРНАЛА

В 1967 году «Уральский следопыт» объявил конкурс «На приз нашего журнала». Под этой рубрикой мы публикуем материалы об интересных следопытских поисках ребят. А итоги конкурса подводим ежегодно в апреле — месяце, в котором четырнадцать лет назад вышел первый номер «Уральского следопыта».

Лучшему следопытскому отряду — участнику конкурса — редколлегия журнала присуждает приз.

Якутский поселок Томтор расположен за Полярным кругом, на самом полюсе холода Северного полушария. Но здесь, как и по всей нашей стране, жизнь следопытов бьет ключом.

«Повесть о красном мадьяре» — так называется очерк о поиске якутских школьников из поселка Томтор (№ 2, 1972 г.). В своей работе они рассказали об Эрнесте Светеце, человеке легендарного мужества. Сын венгерского народа, он во время гражданской войны возглавлял отряд томских партизан. Потом с Аргунским кавалерийским полком участвовал в боях против частей мятежного чехословацкого корпуса. Светец был командиром героической Якутской экспедиции 3-го Верхнеудинского полка Первой Тихоокеанской дивизии и погиб от рук белобандитов. Посмертно Эрнест Светец был награжден орденом Красного Знамени.

Следопыты восстановили его подлинное имя, по их инициативе на месте гибели героя теперь стоит обелиск.

Якутским следопытам средней школы поселка Томтор в Оймяконье присуждается приз «Уральского следопыта».

Не первый раз на страницах журнала выступают юные историки школы № 10 города Челябинска. Их новый поиск посвящен интернациональной теме. В своей работе «Первый интердетдом на Урале» (№ 7, 1971 г.) ребята рассказали о том, как был создан в 1921 году на берегу озера Смолино детский дом имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Его возглавила немецкая коммунистка Лотта Пулевко. Школьники проследили судьбу воспитанников детского дома, воссоздали страницы яркой жизни Лотты Пулевко. Важно отметить, что вместе с челябинцами такой же поиск ведут пионеры ГДР.

Работа следопытов школы № 1 города Бокситогорска Ленинградской области связана с охраной памятников истории, культуры и Великой Отечественной войны («Всегда в поиске», № 3, 1972 г.). На старом кладбище ребята нашли могилу генерал-лейтенанта В. К. Кренке и решили узнать, что связано с именем этого человека. Оказалось, что Кренке — герой боев на Шипкинском перевале в 1877—1878 годах. Много полезного сделал он для своих земляков на родине. Находкой следопытов заинтересовалось Общество советско-болгарской дружбы. Сейчас памятник взят под охрану государства.

Школьники восстановили имена солдат и офицеров, погибших в годы Великой Отечественной войны и захороненных в братской могиле. Они связались с родными воинов и сообщили им, что останки героев перенесены на холм Славы в район деревни Астрачи.

Ребята составили картотеку исторических и культурных памятников района. С их помощью установлены на памятниках мемориальные доски.

Решением жюри конкурса и редколлегии журнала члены следопытских отрядов школы № 10 города Челябинска и школы № 1 города Бокситогорска Ленинградской области награждаются значком «Следопыт».

Кто еще принял участие в конкурсе «На приз нашего журнала» в 1971 году?

Наши постоянные авторы — члены литературного музея школы № 27 города Барнаула. Они рассказали о связях А. М. Горького с писателями Алтая, о первых постановках пьес Горького в Барнауле, о переписке великого писателя с алтайскими ребятами («Горький и Алтай», № 9, 1971 г.). Их земляки — следопыты отряда «Роза ветров» областной детской туристско-экскурсионной станции написали нам о Челушманской коммуне «Свободный труд», организованной на Алтае, и о юном коммунаре Павлике Волкове, погибшем от рук бандитов («Юный коммунар», № 4, 1971 г.).

«К истокам дружбы» — так назвали свою работу члены Карагандинского городского клуба туристов (№ 11, 1971 г.). Она посвящена более чем столетней дружбе уральских рабочих и казахской бедноты. Следопыты нашли интересные документы о создании первого русско-киргизского (казахского) союза рабочих, о первой забастовке, организованной уральским пролетариатом.

Следопыты школы № 2 города Белая Калитва Ростовской области по фотографии, найденной в шахтерском поселке, восстановили историю жизни своего земляка Ф. С. Вержбицкого — участника гражданской войны. Как делегат II Всероссийского съезда горнорабочих он встречался с Владимиром Ильичем Лениным. Ребята узнали, что много лет Ф. С. Вержбицкий работал и на Урале («Шел двадцать первый», № 8, 1971 год).

О героях Великой Отечественной войны, своих земляках снайпере Тоне Меньшиной и летчике Василии Свалове рассказали на страницах журнала следопыты школы № 91 города Челябинска и школы № 56 станции Егоршино Свердловской области. («Имени Василия Свалова», «Последнее письмо», № 5 и 8, 1971 г.).

Наш конкурс продолжается.

В декабре 1972 года исполняется пятьдесят лет со дня образования Союза Советских Социалистических Республик. Мы надеемся, что многие конкурсные материалы следопытов будут посвящены этой замечательной дате. А итоги конкурса, как всегда, мы объявим в апреле 1973 года.

Документальная повесть В. Левина и Н. Циписа «Кто угнал самолет?» — о подвиге советского летчика в годы Великой Отечественной войны — читайте в № 5 нашего журнала.

**Леонид
ПАТРАЛОВ**

На песке золотой жеребенок
чутко дремлет, ушами поводит.
Шустрый малый, почти что ребенок,
к жеребенку все ближе подходит.
Я в окошко любуюсь мальчишкой,
что решил он! — гадаю, смекаю,—
а глаза подозрительно слишком
у него из-под кепки сверкают.
— Эй, проказник! Ты что же надумал! —
с опозданием кричу я.— Не трогай!
Пузырем уж рубаху надуло —
только топот да пыль над дорогой...

* * *

С океана мокрых прядей волокно
с резким свистом набросало на окно.
Я — дежурный, мне не спать, не зоревать,
я солдат обязан к сроку поднимать.
Ровно в шесть я прогорланю им: «Подъем!»
А пока давай останемся вдвоем,
позабыв — хотя бы в мыслях — про Устав,
за цветами будем лазать по кустам.
Вот уж памятью все сдвинуто назад,—
и над нами та же летняя гроза,
мы бежим с тобой укрыться под сосной,—
красный шарфик, будто крылья, за спиной.
Убережь бы только хрупкие цветы!
Гром грохочет, гром хохочет с высоты...
...Вот и шесть, и надо роту поднимать,—
не успеть уже тебя поцеловать.

**Леонид
АНДРЕЕВ**

Белое утро

1.

Белые кони
Головы клонят
У водопоя
Над белой водою.
Белая птица
Пьет из копытца...
Спи, еще рано —
Это туманы.

2.

Затопило берега,
Расплескалось на луга
Молоко коровье.
Пейте на здоровье.
Даже в небе облака
Из парного молока.
Птицы, звери, люди,
Пейте — не убудет!

**Валентин
МЕШАВКИН**

**Девчонка
на мотороллере**

Девчонка на мотороллере
со взглядом прямым и гордым,
девчонка на мотороллере
продукты развозит по городу.
Работа ее не крикливая,
на ней еще платье школьное,
но эта девчонка счастливая
всем на свете довольна.
Она и с науками справиться
могла бы. Родители спорили...
Но ей почему-то нравится
работать на мотороллере.
Со взглядом прямым и гордым,—
водитель — заветная роль ее! —
Развозит продукты по городу
девчонка на мотороллере.

Рисунок В. Меринова

МАГНИТКА:

Время, вперед!

Магнитогорский завод входит в грандиозный производственный оркестр Большого Урала как огромный рояль, поставленный между гор. Непрерывно звучит его сильная музыка, гордостью наполняя наши сердца. В ней слышится песнь торжествующего социализма...

Н. Богданов «Гигант пятилетки» (1931 г.)

В ответ на обращение челябинских школьников начать поиск по истории рабочего класса Урала редакция журнала провела встречу «За круглым столом» на Магнитогорском металлургическом комбинате. В ней приняли участие ветераны Магнитки М. М. Румянцев, И. Г. Крячко, М. И. Ягнюк, Г. Б. Сурнин, В. М. Киселев, А. И. Бричко, Ф. С. Иванова, М. П. Белоглазов, П. И. Федяев, сотрудник музея Т. В. Белякова, комсомольские активисты М. Лысенко, А. Чершинцев, юные следопыты города.

Вчера, сегодня и завтра Магнитки — тема нашего разговора.

По ухабистой дороге, предназначенной явно не для экскурсантов, «Москвич» упрямо рвется вверх, к вершине горы. Виток, еще виток, и мы на площадке, открытой всем ветрам. В центре площадки скромный обелиск: ковш с рудой. Вверху высечено: 1933—1970 гг., внизу: 200 млн.

Площадка обрывается почти отвесно. Внизу — огромный котлован. При виде его невольно вспоминается циклопическая воронка, из которой выбирался уэллсовский марсианин, делая это только не при помощи треножника, а вырубая гигантские ступени-уступы. Кружит в воронке-кратере ветер, вздымая снежинки с пылью.

12 Огромный котлован это и есть знаменитая гора Магнитная. Гора, переработанная в сталь.

Цифры означают, что за 37 лет комбинат выплавил 200 млн. тонн стали.

Предания о Магнитной уходят в глубь веков. Вот одно из них.

Шли на Русь монгольские завоеватели. Дрожала земля от топота вражеских полчищ и не было сил отстоять землю. Завидели гору, богатыри-полуване, решили взойти на нее, своими глазами увидеть, какие просторы завоеваны ими. Взошли, а обратно спуститься не могли — приковала гора закованных в железную броню монголов.

В свое время Магнитная служила предметом длительной судебной тяжбы между вольными яицкими казаками и владельцами Белорецкого завода. Японцы предлагали царю за сказочную

гору двадцать пять миллионов рублей. Продать Магнитную американцам пытался адмирал Колчак.

Много преданий и вполне достоверных историй хранит Магнитка. Но самую лучшую свою сказку-быль она создала за последние десятилетия. Веками гора дремала, словно не желая тратить по пустякам свои исполинские силы, а потом вспыхнула ярко — домнами, мартенами, раскаленной рекой из чугуна и стали.

А начиналась эта сказка-быль так...

...Декабрь 1929 года. Вокзал в Карталах забит людьми, ждущими поезда в Магнитогорск. Большинство сидят на своих узелках и чемоданах. Многие с пилами и топорами. Состав подали глубокой ночью, вагоны четвертого класса. Это — сплошные нары в два яруса. Любое место занимай: хочешь верхнее, хочешь нижнее. Я попал на верхнюю полку, где лежало пять человек. Тускло горит сальная свеча. На каждом стыке вагон встряхивало так сильно, что свечка гасла. Ее снова зажигали — до следующей встряски. На станции Гумбейка состав останозили, дали пассажирам ведра, поставили цепочкой и подавали воду в тендер. Напоили паровоз и поехали дальше.

К месту назначения добрались поздно вечером. Воет метель. Видим — стоит товарный вагон, «летучая мышь» покачивается от ветра во все стороны и все-таки надпись на вагоне прочесть можно: «М-ск». Это значит станция Магнитогорск. Стали приемщики встречать народ.

— Вологодские — ко мне!

— Рязанские — сюда!

— Саратовские, где вы саратовские?

Казалось, пол-Руси было вызвано сюда на перекличку.

В тридцатом году вступили в строй первые промышленные объекты. Появился маленький паровозик-кукушка. Он выполнял роль заводского свистка. Подъедет утром к центру строительной площадки и загудит: вставай, поднимайся, стройка ждет!

Этими воспоминаниями М. М. Румянцева открылась наша встреча «За круглым столом».

Магнитку строила вся страна. Сто шестьдесят заводов поставляли оборудование для нового гиганта, сто восемь учебных заведений готовили рабочих и инженеров. На вагонах, идущих на Урал, краской, мелом, углем было выведено: «Груз — Магнитострою», «Срочно!», «Не задерживай!»

Магнитогорскую сталь ждали первенцы, пятилетки: Горьковский автомобильный, Сталинградский и Путиловский тракторные, Ростовский завод сельскохозяйственных машин. Страна считала дни, оставшиеся до пуска первой очереди комбината.

В одной из книжек о Магнитострое, которых, кстати, выпускалось тогда немало и, попутно заметим, весьма оперативно, писалось, что пуск Магнитогорского комбината «будет победой мирового масштаба, величайшим актом в соревновании двух систем: капитализма и социализма. В знойных степях Южного Урала советская страна оставляет капитализм позади и по технике

Биография Магнитки — это биография славных поколений тридцатых — сороковых годов.

Биография Магнитки — это рассказ о становлении и возмужании индустриального могущества СССР.

Сегодняшние школьники Магнитогорска идут по следам боевой юности отцов. Вот небольшие хроникальные заметки о их поисках и находках и заданиях им.

Интересна судьба Людмилы Волнистовой. В тридцатые годы она работала прорабом на монтаже первых турбин. Комсомолка удивила всех, отказавшись от помощи иностранных специалистов.

— Мы, — заявила она, — расплачиваемся валютой за технику. Обойдемся без шеф-монтера.

После пуска ЦЭС прошло сорок лет, но до сих пор работают смонтированные Людой и ее бригадой первые турбины.

Людмила позднее закончила Московский энергетический институт и аспирантуру. В 1942 году ушла на фронт. С группой советских разведчиков была заброшена в тыл врага. Замучена фашистами в Оршанской тюрьме.

Собрать материал о Людмиле Волнистовой, разыскать людей, с которыми она работала, училась, воевала, — ваша задача, следопыты!

и по масштабу производства, по главной оси материальной культуры современного производства — черным «металлам».

В этих словах не было преувеличения. Магнитогорский комбинат с его годовой выплавкой чугуна в четыре миллиона тонн должен был дать на полмиллиона тонн больше, чем Польша и Италия, вместе взятые, чем весь азиатский материк. Царской России понадобилось более двухсот лет, чтобы достичь выплавки 4 млн. 200 тонн. СССР замахивался и на такую страну, как Америка.

Крупнейший завод того времени Гэрри (3 млн. тонн чугуна в год) строился двенадцать лет. А первую очередь Магнитки надо было построить за два с небольшим года.

Магнитка многое значила на весах Истории! В мире, разделенном на два лагеря, одни с надеждой, другие с тревогой и злобой ждали — удастся ли большевикам сделать почти что немислимое.

Тогда-то и родилось знаменитое — «Время, вперед!»

Оказывается, время можно сжать, спрессовать. Да, есть нормы, инженерные расчеты, но разве составители их учитывали могучую, всепреодолевающую волю и энергию миллионов, поднятых революцией к новой жизни?

Завод и город сразу замысливался масштабно, с перспективой на десятилетия, занимая площадку в 70 километров. Строительство велось широким фронтом, менялось, с учетом обстановки, лишь направление главного удара.

Будущему комбинату требовалось огромное количество воды, больше, чем потребляла тогдашняя Москва со всем ее населением и предприятиями. Родился клич «Плотину — в срок!» Иностранцы специалисты утверждали, что понадобится два года. Километровая плотина была возведена в 72 дня. Трудовую победу магнитогорцы ознаменовали тем, что седьмого ноября 1930 года праздничную демонстрацию и митинг провели на плотине.

Строительство центральной электростанции стало новой страницей в истории мировой практики. Впервые было так: строили помещение и одновременно монтировали оборудование. Фев-

Недавно в Магнитогорском Дворце пионеров открыли музей «Дорогами отцов». Более двух тысяч экспонатов рассказывают о том, как создавался комбинат и город.

Школьники тридцатых годов активно помогали своим отцам возводить первенец советской металлургии. Большой интерес вызывают экспонаты о пионерских постах на строительстве первой и второй домны, первых мартеновских печей.

Следопыты школы № 25 много лет ведут поиск по теме «Первые строители Магнитки».

Самая радостная находка — ярко оформленные Почетные грамоты. Они выданы бригадире бетонщиков Хабидуле Галлиулину, который поставил мировой рекорд по замесам бетона. Это он явился прототипом Ханумова в романе В. Катаева «Время, вперед!»

Как попали эти грамоты к следопытам?

Нынешним десятиклассникам (а тогда они были семиклассниками) директор школы рассказал, что он учился вместе с Галлиулиным. Ребята разыскали товарищей знаменитого бетонщика, побывали у его брата, который и передал им Почетные грамоты героя.

раль тридцать первого выдался злым. Стояли морозы в 42 градуса, да еще с ветром. В эти дни плотники бригады Козлова готовили опалубку на крыше семиэтажного здания ЦЭС. Они спустились только на обед. Люди в столовой молча уступали героям дорогу. В те дни бригадир подал заявление в партию.

Магнитка гремела рекордами. Но и в пору массового ударничества вызывал удивление рекорд бригады Хабидулы Галлиулина. В августе 1931 года на строительстве коксобатареи при укладке бетона бригада дала 1196 замесов в смену при норме 140.

Александр Ильич Бричко вспоминает эти годы:

— Работал я тогда на Керченском заводе. В Крыму солнечно, чисто, светло. На работу ходил в белом костюме. Приехал на Урал в командировку, на год. Надел белый костюм, к вечеру он стал серым. Трудно привыкал к новому месту, а привык, командировка, как видите, затянулась на сорок лет.

На всю жизнь запомнилось мне 31 декабря 1931 года. Ровно в двенадцать часов ночи машинист Королев дал сигнал. Печь выдала первый кокс. Мы наполнили водой белые жестяные кружки, чокнулись, обнялись, поздравив друг друга с новым годом, с первым коксовым пиროгом.

— Моя командировка тоже несколько подтянулась, — вступает в разговор бывший машинист мартеновского цеха Иван Григорьевич Крячко. — На Мариупольский завод пришло распоряжение от Серго Орджоникидзе направить в Магнитку мартеновцев сроком на два года. Приеха-

В апреле 1943 года Совет Народных Комиссаров поручил строителям Магнитки построить в очень короткий срок новую доменную печь. Городская комсомольская организация взяла шефство над стройкой. Лучшей была комсомольско-молодежная бригада бетонщиков Егора Ивановича Смертина, в которой работали пятнадцати-семнадцатилетние подростки.

Однажды им поручили бетонировку южного тоннеля к домне. Срок — предельно сжатый. Ничего не сказал бригадир, только попросил поставить палатку с кроватями возле тоннеля. 10—11 часов изнурительного труда, короткий сон — и снова за дело. Задание было выполнено на семь дней раньше срока.

На этой фотографии вы видите всю бригаду. Фамилии, к сожалению, неизвестны. Постарайтесь, следопыты, найти этих людей, узнать, кем они стали после войны, где живут, где работают. А может быть, откликнутся они сами?

столь видимый глазу. В буднях великой стройки рождался человек новой социалистической формации. На стройку приезжали крестьяне, веками привязанные к своему клочку земли. Они не хотели идти в бригаду, их устраивала артельная организация труда. В горниле стройки менялось их отношение к труду, коллективу, менялась психология, формировалось классовое пролетарское сознание.

«Когда мы сюда приехали, была одна почти голая степь. А теперь дома по пять этажей и больше. Не только что степь изменилась, а и меня вы теперь не узнаете», — так писал своим односельчанам в ивановскую деревню Паршево плотник, ударник товарищ Петров.

Магнитка давала не

только сталь, Магнитка ковала характер.

* * *

В сорок первом, с первого дня войны, Магнитка надела суровую солдатскую шинель. Она взвалила на свои плечи тяжелейшую ношу — каждый третий снаряд, второй танк сработаны из магнитогорской стали.

— Я хотел бы на этой встрече вспомнить имя машиниста завалочной машины, Героя Социалистического Труда Петра Ефимовича Протасова, — говорит В. М. Киселев. — В военные годы он работал по несколько смен, не уходя с рабочего места. К концу вахты его бережно снимали с машины, сам он сойти не мог — распухали ноги. Как словами передать такое?

— Как не вспомнить и о женщинах, — взволнованно вступает в разговор Ф. С. Иванова. — Под силу ли женским рукам огненная работа? А пришла пора — встали и они к печи. Смена кончалась поздно, часов в девять, все вымотанные, дома детишки заждались, а тут состав подошел, некому грузить снаряды. «Фронт требует!» — одна эта фраза заставляла нас поднимать трехпудовые ящики.

Снаряды точили девочки-подростки. Станок велик, два ящика приходилось подставлять — иначе к резцу не дотянешься.

ли эксплуатировать печь, а самой печи еще нет. Были монтажниками, электриками, плотниками. Приступили к монтажу машины, американской, а американцы нам говорят: крыши нет — монтировать нельзя. А мы отвечаем: и крышу будем строить, и монтировать. Так и сделали.

Накануне первой плавки мы не хотели уходить со смены, просили оставить нас, чтобы довести плавку до конца. Увы, не разрешили. Но никто не ушел из цеха, вместе ждали первую искру металла.

Вскоре приезжает на завод Серго Орджоникидзе. Подхожу к нему, говорю: разрешите, мол, ехать домой, срок командировки кончился, люди обучены. А Серго мне в ответ: неужели вам не хочется довести начатое до конца, ведь на Магнитку сейчас весь мир смотрит. А потом спрашивает:

— Холост?

— Да, — отвечаю.

— Так женись!

— Ну как было ослушаться любимого наркомана, — улыбается Иван Григорьевич. — Женился, примагнитила меня к себе Магнитка, и нисколько я о том не жалею. Напротив, горжусь.

Рождался завод-гигант, доселе невиданный. Но одновременно происходил и другой процесс, может быть еще более удивительный, но не

Оборону Москвы и Ленинграда, разгром немцев на Курской дуге, победоносную берлинскую операцию — все это Магнитка может по праву занести на свой лицевой счет.

* * *

Магнитогорскому комбинату сорок лет. Это зрелая пора человеческой жизни. Флагман черной металлургии в расцвете сил. Разрослась семья металлургических заводов. Появились Липецкая, Череповецкая, Казахстанская Магнитки. Само слово Магнитка стало нарицательным. Уральские специалисты в качестве экспертов работают в дружественной Индии, на Бхилайском металлургическом заводе. Предприятие, построенное по проекту и с помощью Советского Союза, уже обогнало своих соседей — заводы в Руркела и Дургапуре, сооруженные фирмами Западной Германии и Англии.

И сейчас живет, полнится новым содержанием призыв «Время, вперед!»

— Вначале предполагалось, что к концу девятой пятилетки комбинат будет производить 13,5 миллиона тонн металла. Сейчас эта цифра запланирована уже на 1972 год, — рассказывает секретарь комитета комсомола Александр Чершинцев. — Мы взяли шефство над выплавкой дополнительно одного миллиона тонн стали. Создали штаб, который так и называется — штаб комсомольского миллиона. На вахту встали 80 комсомольско-молодежных бригад, тысячи комсомольцев.

Поколение первостроителей ушло на заслуженный отдых. Кто пришел им на смену?

— 22 апреля, в ленинский день, в нашем цехе проходило партийное собрание, — говорит секретарь комсомольской организации доменного цеха Михаил Лысенко. — Комсомольцы рекомен-

довали в партию Толю Федюньшина. Задали вопрос: как ты думаешь прожить и проработать кандидатский год. — Хочу прожить год как один день, — ответил Толя. Это, наверное, может сказать каждый из нас: жить бурно, интенсивно, интересно, отдавая всего себя людям.

Нашу встречу в Магнитогорске открыл ветеран Магнитки Михаил Михайлович Румянцев. Династия Румянцевых проработала на комбинате в общей сложности 500 лет. Сын, Владимир Михайлович, трудится мастером в доменном цехе, внук, Михаил, названный в честь деда, поступил в листопрокатный цех. Так уж получилось, что именно внуку довелось завершать беседу «За круглым столом».

В первые дни Великой Отечественной войны газета «Магнитогорский рабочий» опубликовала письмо сталевара Мариам Закеевой, в котором она писала: «На смену мужьям и братьям станем к станкам и агрегатам! Пусть сталь, которую я буду варить, мощной лавиной обрушится на голову зарвавшихся фашистских разбойников! Я призываю всех женщины Магнитогорска идти на производство, заменить наших мужей и товарищей, идущих в ряды Красной Армии».

На ее письмо откликнулась Александра Жаворонкова. Она освоила профессию вырубщицы и в отдельные смены обрабатывала 109 тонн металла вместо 14, положенных по норме. О ее работе сообщалось в сводках Совинформбюро.

В дни войны пришла к коксовым печам и Ольга Ивановна Лопатина. Она стала работать люковой. Это тяжелая мужская профессия. Но когда ей товарищи советовали «сбавить темпы», она отвечала: «Мы — тоже бойцы!»

К сожалению, дальнейшая судьба этих женщин — героев тыла — неизвестна. Ваше слово, следопыты!

Все собранные сведения, материалы, документы, снимки присылайте в редакцию журнала и в Магнитогорский краеведческий музей.

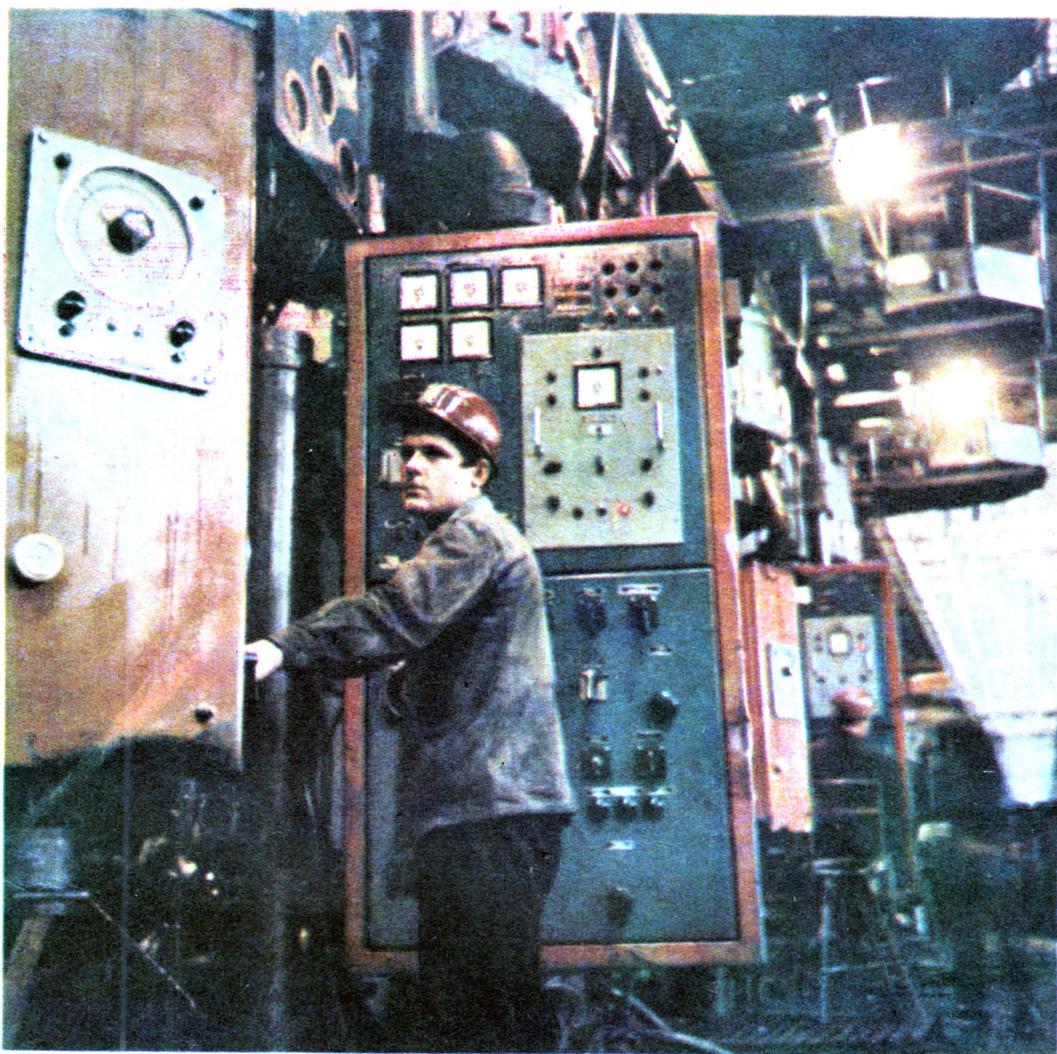

— Сидел, слушал — так здорово. О многом, что здесь говорили, я знал только из кинохроники. Откровенно говоря, я поначалу не хотел идти на комбинат. Сейчас думаю так: комбинат без меня действительно обойдется, а вот как я без него проживу?

С. ФЕДОРОВ, Е. КОСТИНА

Магнитогорск — на берегах реки Урал. Один ее берег в Европе, другой — в Азии. На европейском раскинулся современный город. Там стоит и этот необычный памятник, памятник тем, кто начал обживать неласковую землю...

На азиатском берегу дымит огромный комбинат. Здесь сотни километров железнодорожных путей, гигантские карьеры, могучие домы, мощные мартены, прокатные станы.

С берегов Урала на берега Волги идет новая продукция магнитосерцев. Стальной лист, который катает вальцовщик Валерий Поляков, превратится на волжском автомобильном гиганте в кузов «Жигулей».

АНКЕТА УС

Кто мне скажет правду обо мне, если не друг, а слышать о себе правду от другого — необходимо.

В. Г. Белинский

Дорогой читатель!

Несколько лет назад мы просили наших подписчиков ответить на вопросы анкеты. Образно говоря, это была многотысячная интересная и полезная читательская конференция.

С тех пор тираж журнала возрос вдвое.

Настало время снова взглянуть на «Уральский следопыт» вашими глазами, дорогой читатель. Спросить у вас, что вы любите в журнале, что пролистываете без внимания, а что — и это не исключено — вызывает у вас досаду.

Поверьте, это очень нужно и вам и нам.

Чем быстрее, чем точнее вы ответите на наши вопросы, тем быстрее и точнее мы сможем учесть ваши вкусы, ваши стремления, ваши пожелания.

Мы ждем от вас этого письма.

Ждем!

Наш адрес: 620353, ГСП, Свердловск, ул. 8 Марта, 8. На конверте сделайте пометку: «Анкета».

ВОЗРАСТ

- 01. До 13 лет
- 02. 14—17 лет
- 03. 18—30 лет
- 04. 31—50 лет
- 05. Свыше 50 лет

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО

- 06. Город _____
- 07. Рабочий поселок _____
- 08. Село, деревня _____

РОД ЗАНЯТИЙ, ПРОФЕССИЯ

- 09. Школьник
- 10. Ученик ГПУ или техникума
- 11. Студент вуза
- 12. Рабочий (на предприятии, строительстве, транспорте и т. д.)
- 13. Колхозник или рабочий совхоза
- 14. Работник сферы обслуживания (торговля, общественное питание, бытовые учреждения и т. п.)
- 15. Техник, инженер, специалист сельского хозяйства, работник здравоохранения или культурного учреждения, служащий, преподаватель, научный работник
- 16. Военнослужащий
- 17. Домохозяйка, пенсионер
- 18. Прочие профессии (укажите какая)

ОБРАЗОВАНИЕ

- 19. Если школьник — в каком классе учишься
- 20. Начальное
- 21. Неполное среднее
- 22. Среднее
- 23. Незаконченное высшее
- 24. Высшее

СКОЛЬКО ЛЕТ ВЫПИСЫВАЕТЕ ЖУРНАЛ

- 25. Первый год
- 26. 2—5 лет
- 27. 5—10 лет
- 28. Более 10 лет
- 29. Читаю нерегулярно, случайно
- 30. Сколько человек читает выписываемый вами журнал

Номер строки, относящейся к вам, обведите кружком. Отвечая на вопросы № 19 и № 30, поставьте цифры.

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ В «УРАЛЬСКОМ СЛЕДОПЫТЕ»

	Читаю всегда	Читаю иногда	Никогда или почти никогда не читаю
Очерки, статьи, заметки			
31. О героях революции _____			
32. О героях войны _____			
33. О новостройках _____			
34. Об умельцах, о людях, влюбленных в свой труд _____			
35. О первопроходцах _____			
36. Человек и природа _____			
Повести и рассказы			
37. Исторические _____			
38. О войне _____			
39. О наших днях _____			
40. Фантастические _____			
Другие материалы			
41. Стихи _____			
42. О современной науке и технике _____			
43. Краеведение (история) _____			
44. Краеведение (география) _____			
45. Занимательная информация _____			
46. Сообщения о делах следопытов _____			
47. О физической культуре и спорте _____			

НРАВЯТСЯ ЛИ ВАМ

	НРАВЯТСЯ ЛИ ВАМ		
	Да	Нет	Иногда
48. Обложки журнала _____			
49. Цветные вкладки _____			
50. Рисунки _____			
51. Фотографии _____			

В каждой строке от 31 до 51 номера один из трех ответов отметьте крестиком. Между прочим, когда вы это сделаете, то сами проверите себя — что же Вас больше всего интересует.

ЧТО ВЫ ЦЕНИТЕ В ПРОЧИТАННОМ

- 52. Документальность
- 53. Художественность, образность
- 54. Увлекательный сюжет
- 55. Острые проблемы
- 56. Познавательность

Обозначьте в квадратиках цифрами (1, 2, 3, 4, 5), что из перечисленных качеств Вы ставите на первый, второй, третий, четвертый, пятый план.

Если Вы хотите еще что-то сказать об «Уральском следопыте», сделать свои замечания и предложения по содержанию и оформлению журнала, то продолжите свой ответ. Если Вам не хватит этих строк, напишите нам письмо — будем рады.

Иван
МАЛАХЕЕВ

Александр
КАМЕНСКИЙ

Старые яблони

Вымерзли яблони прошлой зимой,
Память о них не дает мне пощады.
Сиро мне в домике нашем дощатом,
Маятно сердцу, и сам я не свой.
Новые саженцы в пору пришли
И расцвести обещаются к маю...
Старые яблони я вспоминаю:
Старые вместе со мной росли.

Подышать прохладю сада
Мне сегодня до боли надо,
Гроздь рябины задеть руками,
И коснуться цветка губами,
Выпить ковшик росы студенной,
По траве побродить зеленой.
...Ой, как надо мне, ой, как надо
Окунуться в прохладу сада!..

Виктор
КОБИССКИЙ

Екатерина
ЯНИШЕВСКАЯ

Поэзия

Стихи читаются легко,
стихи рождаются не просто.
Поэзия — скалистый остров,
лежащий в море далеко.

Стихи рождаются не просто,
стихи читаются легко...
Поэзия — осколок острый,
лежащий в сердце глубоко.

* * *

Теряю зрение.
Но главное не это.—
Боюсь не слепоты.— Себя боюсь.
Меня страшит, что я когда-то, где-то
не вытерплю, не выдержу, сорвусь...

Собьюсь, сорвусь
и наломаю дров,
испорчу жизнь родным, друзьям и близким.
И не найду простых и точных слов,
и даже стих мой станет модернистским,

И люди перестанут понимать
и отвернутся с жалостью, с презрением...
Пусть я ослепну! —
Только б не терять
душевной теплоты,
Ее прозренья!

Песочный человечек

Рисует девчонка у речки
Песочного человечка.
Черточки и круги,
Две руки, две ноги.
В каждой мазке
Оживает он на песке.
Раскрылись глаза.
Рот смеется.
А вдруг и сердце забьется!
Тук, тук!
Напрягает девчонка слух.
Налетает гроза.
Раскальваются небеса.
Речка темным-темна.
Прокатился гром.
Девчонка по тропинке
И — в дом.
Вон сидит она у окна
И смотрит —
Прыгают в лужи чертики,
А мимо бегут
плащи и зонтики.
Крутая волна на речке,
Где лежит человечек.
Лежит, не меняя позы,
А по лицу катятся слезы
Крупные, как горошины...
Может потому, что брошенный!

Андрей
КОМЛЕВ

В горах

1.

А по осени, снова по осени
я ловлю
и ловлю тебя

с неба...—

Все по осыпи, вверх по осыпи
и по самому краешку

снега.

2.

И только горы...

горы, горы, горы!

Ну что им — гордость, город,

горечь, годы!

Ни о чем
ничуть не беспокоясь,
Вечно дремлют,

в облаках по поясу.

3.

А чуть пониже —
первый вздох реки —
вы видели,

как плачут ледники!

* * *

Мы встретимся с тобою
однажды в сентябре...

Где небо голубое
в рассветном серебре.

Где хвойное убранство
березами горит.

Мы будем улыбаться,
Мы будем говорить —

обычное! любое!
А главное нельзя!..

Мы встретимся с тобою,
как старые друзья.

Евгений
ФЕЙРАБЕНД

Ледник

Седой, туманный и торосный,
Из заполярной стороны
Шагал ледник, ломая сосны,
Плечом толкая валуны.

А теплый ветер дул навстречу,
И на вершинах ледяных
Уступы плавилась, как свечи,
И вниз ручьи срывались с них.

Прошли века — здесь лед растаял,
И отступил ледник в борьбе.
А валуны стоять оставил,
Как вечный памятник себе.

Вяз

С рожденья
Вяз корнями грунт пронзал
И сжал в горсти,
И в узел завязал
Над пенною рекой,
Над грозной кручей.
Его листва кипит
Зеленой тучей
Над этим
Неслабеющим излом.
И, захлестнув
Береговой излом,
Тугие корни
землю удержали,
Ни разу
Мертвой хватки
Не разжали.
И берега
Крутой, лобастый выступ,
Когда ветра,
Ревя, идут на приступ,
Держа корнями,
Словно в кулаке,
Он не отдаст
Ни ветру,
Ни реке.

Рисунки В. Меринова

Дивная планета

Повесть

Евгений МАРЫСАЕВ

Рисунки С. Киприна

VII

Часа через два все собрались в полуобгоревшей времянке. На самодельном столе лежала развернутая маршрутная карта.

Было внесено три предложения. Федор записал их на чистом листе бумаги.

I. Ждать помощи из штаба экспедиции здесь, на месте происшествия.

II. Идти на место будущей работы и помощи ждать там.

III. Идти в ближайший поселок — Талилин, находящийся в трехстах километрах.

Спорили по поводу каждого предложения. Тщательно взвешивали все «за» и «против».

— Итак,— сказал Федор,— кто за первое предложение?

Все долго молчали. Старший мастер уже взял в руку карандаш, собираясь вычеркнуть это предложение, когда заговорил Дмитрий:

— Запиши: я за него. Нечего по незнакомой тайге шастать. Ты ведь, Федя, не знаешь здешних мест, и никто не знает, а Никита Иванович, хотя и не впервой тут, дорогу подсказать не сможет. Поэтому предлагаю сидеть тут до последнего и ждать помощи. На базе поймут, что с нами беда, если мы день-другой не выйдем на связь. И с самолета трактор и волокушу быстрее увидят. А попробуй-ка разглядеть с самолета человека в тайге. Это вам не тундра.

— Ясно,— сказал Федор.— Больше за первое предложение никто не голосует?.. Нет. Так и пометим: за первый пункт — один голос. Переходим ко второму пункту. Кто за?

Все молчали.

— Ну, смелее. Тут, можно сказать, дело жизни и смерти, а вы будто воды в рот набрали.

Все молчали.

— Иваныч, ты за?

— Да под лежащий камень и вода, говорят, не течет. Сидеть и ждать сложа руки — самое последнее дело.

— Значит, за. Еще кто?

— Никита Иванович еще не сказал «за»,— сказал старшему мастеру Константин.

— Ведь ты за, Иваныч? — переспросил Федор.

— Ну, пиши, как сказал,— согласился тракторист.

— Так. Еще кто? Говорите же.

— Значит, нет никого,— пояснил Константин.

— Не торопись. И я за это предложение.

И вот почему,— сказал старший мастер.— Иваныч прав: сидеть на одном месте не дело. Продукты мы напоследок не сэкономили, так что их осталось дней на пять от силы. Не найдет самолет — подыхать от голода. Теперь такой вопрос. Где нас в первую очередь будут искать? На конечной точке, куда мы путь держим. Именно там. Откуда им знать, что мы отправились в Талилин? Да и до Талилина триста километров, а до нашей точки — двести восемьдесят. Жратвы на точке вволю, до весны. Построимся и будем ждать. И еще. Путь до точки Иваныч знает хорошо, ездил не раз. А в Талилин он хотя и заезжал, но совсем с другой стороны. Так, Иваныч?

— Так.

— А потому, хотя и есть карта, отсюда на Талилин идти не советую. Чуть отклонимся в сторону — и прошли поселок. А за Талилиным

жилья на пятьсот верст в округе нет. Погибель там наша. Еще одно учтите: наша работа срочная, государственной важности... Кто еще за?

— Нечего тянуть, переходите к третьему пункту,— нетерпеливо сказал Славка.

— Ладно. Кто за то, чтобы идти в Талилин?

Одновременно вскинулись руки Константина, Славки, Савелия и Тани.

— Федор почти во всем прав,— сказал Константин.— Сидеть сложа руки нельзя. Верно. Самое лучшее, конечно, идти на точку — и помощи ждать там: и продукты есть, и самолет именно туда полетит. Во всяком случае, искать нас будут на этом пути. Кроме того, заблудиться в незнакомой тайге тоже можем в два счета. И это верно.

— Почему же тогда против моего предложения? — спросил Федор.

— Никите Ивановичу срочно нужен врач. Срочно. Ожог глаз — совсем не пустяк.

— Никита Иванович улетит с самолетом, который прибудет на точку,— сказал Федор.

— Самолет может прилететь на точку, когда мы туда еще не дойдем. Увидят, что нас нет, и начнут искать в тайге. Пройдет много дней, прежде чем самолет вернется на точку. В Талилине же Никите Ивановичу сразу помощь окажут. Кроме того, вполне резонно предположить, что, не обнаружив нас на точке, будут искать и по направлению к Талилину.

— Очень прошу, ребята, не беспокойтесь обо мне,— попросил Никита Иванович.— Как для общего дела лучше, так и решайте.

— А тебя никто не спрашивает. Помалкивай,— сердито заметил Славка.

— Надо рисковать, Федор. Понимаете? Надо,— сказала Таня.

— Конечно, идти в Талилин,— вставил Савелий.— У меня бы и язык не повернулся другое предложить. Там врач — это главное.

— Что попусту треп разводите? — Славка глянул на Федора с нескрываемой злостью.— Ведь условились дело решать большинством голосов.

— Смотрите. Мое дело — предупредить...

— У нас в детдоме за такое предупреждение темную бы сделали!

Славку никто не одернул.

Два следующие дня, по предложению Савелия, делали лыжи. Идти пешком по глубоким снегам было бы безумием.

Рубанка не было, но Савелий замечательно владел топором. Он исполнял самую тонкую работу — окончательную шлифовку лыж. И лыжи получались на славу: широкие, тонкие и прочные.

Долго спорили: что взять и что оставить?

Решили взять теплые вещи, спальные мешки, топоры. Федор упаковал в свой рюкзак запас патронов для револьвера и карабина, двухлитровую алюминиевую флягу со спиртом. Константин прихватил «мелкашку». Миски и вилки оставили. Прихватили только походные кружки и ложки. Константин и Федор пристегнули к рюкзакам по ведру, Славка взял сковороду. К кастрюлям, большим и малым, не притронулись. Весь запас спичек разделили на семь равных частей, и каждый тщательно упаковал свою часть в рюкзак. Без огня в тайге — гибель. Условились: до первой крупной охоты есть как можно реже и меньше и Рекса держать впроголодь. Голод заставит собаку проворнее искать зверя...

Последнюю ночь проводили они во время-

ке. Долго не спали. Дежурного, вопреки обычаю, не назначили. Забыли в суматохе сборов. Кто первый замерзал, тот вставал с нар и подкладывал дрова в «буржуйку».

Странно, Константин лежал и ни о чем не думал. Лишь изредка лениво проплывало в голове: что-то их ждет теперь впереди? Но этот самый важный сейчас вопрос не жег своей остротой. Он был как бы притуплен...

Неподвижно горели два ярких языка керосиновых ламп. Они освещали груды собранных рюкзаков на полу, лыжи и стол. На столе — полная кастрюля борща, наваренная Таней для завтрака. И семь маленьких лепешек, каждая из которых свободно уместится на ладони.

Не спал и Никита Иванович. Он лежал неподвижно, устремив незрячие глаза в потолок, и о чем-то напряженно, очень напряженно думал. Вместо лица — безбровая рубцеватая маска, тускло и жирно блестящая от слоя мази.

Изредка кто-нибудь заговаривал. Что-то из вещей предлагал оставить, что-то взять.

Наконец, будто бы угомонились.

Константину казалось, что только один он не спит, никак не мог забыться. Едва дрема склеивала веки, кто-то вдруг заговаривал во сне, скрипел наррой. Так продолжалось довольно долго. Язычки пламени в керосиновых лампах стали совсем маленькими.

А среди ночи его разбудил шепот, громкий и взволнованный. Он не сразу узнал изменившийся голос Славки:

— Иваныч! Не спишь ведь, притворяешься, знаю!.. Я тебя никогда не брошу. Слышь? Клянусь. Только смерть нас разлучит. А мы и смерти с тобой пендала дадим!.. Ну что ты молчишь все время? Ответь же, Иваныч!

Одна лампа уже давно потухла, вот вспыхнула и сразу погасла другая. Некоторое время тлевший фитиль светил в темноте красным светлячком, потом исчез и он.

Никита Иванович молчал.

VIII

И это третье утро после беды началось так, как и два предыдущих. Все с надеждой смотрели на Никиту Ивановича, а Славка чиркнул спичкой и поднес пламя к глазам тракториста. Широко открытые глаза медленно обвели времянку и ни на мгновение не задержались на горячей спичке.

— Нет, ребята, ничего нет.— Он будто извинялся.

Через полчаса бригада была в сборе и с лыжами вышла на мороз, тяжело навьюченная рюкзаками и скатанными спальными мешками. Никиту Ивановича хотели освободить хотя бы от рюкзака, но он решительно воспротивился. Славка помог ему вдеть валенки в крепления и пристегнул ремни.

Рекс явно беспокоился. Повизгивая, жался к хозяину. В глазах собаки был немой вопрос: куда это люди идут от жилья и тепла?

Федор еще раз сверил карту с компасом. Все уже знали — им идти строго на северо-запад.

— Что, готовы? — спросил старший мастер.

Нестроено ответили, что готовы. Славка педерал Никите Ивановичу один конец сигнальной веревки, другой намотал себе на руку. Он будет его поводить. Иного выхода не было.

Последний раз окинули взглядом времянку, трактор, волокушу. Они были облиты ярким лунным светом. «С-80», совсем недавно живой и мощный, стыл неподвижно, по гусеницы зарывшись в сыпучий снег. Густо покрыла трактор белая колючая изморозь. Белела инеем и обугленная времянка. Словно маскировочным пологом затянул мороз всю их такую неудачную стоянку. «И с самолета-то вряд ли заметят», — подумалось Константину.

— С богом, — тихо сказал Никита Иванович.

— Тебе ли бога помянуть, Иваныч? — отозвался Федор. — Что б этого гада черти на сковороде жарили, раз он такое-то допустил!..

И пошел.

С Рексом опять случилось неожиданное. Он забежал впереди Федора, повернулся к нему,

ощетинился и зарычал. Старший мастер отогнал Рекса взмахом лыжи. Тогда собака бросилась к хозяину, намертво вцепилась клыками в полу полушубка и потащила назад, к жилью. Опомнись, мол, ты, безумец!

— Долбани ее разок по башке, сразу отстанет! — крикнул Федор.

— Дай сюда лапы, Рекс, — сказал Константин. Собака разжала челюсти и послушно положила на плечи хозяина лапы. Константин погладил Рекса, потом приказал:

— Вперед!

И команда подействовала: Рекс метнулся в сторону и засеменял впереди идущего.

Заскользили низкие цветные звезды, задевая макушки деревьев. За перелеском, повыше чернеющей невдалеке скалы, поплыла громада

луны. Нежные краски луны были тоже цветными. Сиреневый круг в середине опоясывали три толстых кольца: голубой, бело-розовый и оранжевый.

Поток сиреневого света был ярк и нескончаем, и без часов трудно было бы предположить, что уже девять утра. Константин хорошо различал и ледяные доспехи на стволах лиственниц, и зубчатую вершину хребта, что вытянулся слева гигантской подковой, и даже ворс полубка Федора, схваченный инеем...

Они катились в балки, «лесенкой» карабкались на взгорья. Широкие короткие лыжи были устойчивы, но непривычны для многих. Федору доставалось больше всех: он первым пробивал след. Ему нужно было и зорко вглядываться, чтобы вовремя увидеть и обогнуть зловещий белый бугор — занесенный снегом валун, о который в два счета можно сломать лыжи; то и дело сверять направление с компасом, чтобы не отклониться от курса; требовалось быстро сориентироваться и выбрать единственно правильный путь, чтобы напрасно не расходовать силы.

— Крутой спуск!.. Слева камень!.. — поминутно раздавались его предупреждения.

Константин предложил Федору идти наперемнку; тот согласился. Потом головного стал подменять и Савелий.

С первых же метров все поняли, как тяжело приходится Никите Ивановичу. Лыжи слепо искали лыжню. Чуть отклонился в сторону — и упал. Он падал чаще всех.

— Ничего, ничего. Через час-другой привыкнешь, Иваныч, — подбадривал Славка, помогая ему подниматься.

Но для такой привычки нужны были не часы. Здесь требовались дни, недели. Особенно трудно вначале приходилось Никите Ивановичу на спусках. Но потом он приноворился: садился на лыжи и таким образом ехал; когда надо было притормозить, откидывался назад — тормозом служил туго набитый рюкзак.

Без Никиты Ивановича бригада шла бы в два три раза быстрее. Продуктов до Талилина явно не хватит при такой черепащей скорости. Придется голодать. А голодать в стужу — последнее дело.

Еще не минуло и двух часов пути, а Константин уже продрог до костей. Его не волновало то, что щеки словно резиновые. Все равно за столько дней дороги по морозу не сохранишь щек. Подумаешь, останутся шероховатые отметины! Важнее сохранить руки и ноги. И он на ходу беспрестанно шевелил пальцами рук и ног, колотил себя по бедрам кулаками. Меховые рукавицы были короткими и особенно мерзли запястья.

Стерлись разноцветные кольца луны, звезды потеряли колкую яркость. Первый признак расцвета. На востоке появилась мутная зеленоваторозовая полоска. Таинственный синий свет луны исчез; все стало вокруг серым, тоскливым: и снега, и тайга, и скалы. И люди казались серыми расплывчатыми призраками.

— Федор, — тихо позвал Константин, и старший мастер, придержав шаг, оглянулся: — Может, короткий привал сделаем?

— Да ты что, спятил? До обеда без останки!

— Тише вы... Не из-за себя. — Константин кивнул назад: Славка помогал упавшему Никите Ивановичу подняться.

— А! Тогда другое дело, — согласился Федор и прокричал: — Привал на полчаса!

Скинули рюкзаки, лыжи, живо развели костер. Повалили толстый сухостой и сели возле огня, тесно прижавшись друг к другу.

— Снежку натаить да вскипятить бы надо, — предложил Никита Иванович.

— Не рановато ли? — усомнился Федор. — Время-то не ждет.

— Не рано, Федя, не рано. Нужно больше пить кипятку. Это первое дело в мороз... И еще, Федя: дай-ка ребятам спирту, пусть ноги друг другу разотрут.

— Тебе виднее, Иваныч. Небось, раз десять в тайге плутал, а? — вынимая из рюкзака флягу со спиртом, спросил Федор.

— Что старое помянуть, — неохотно отозвался старик.

— А что, Иваныч, долго в такой мороз продержимся? — вдруг спросил Дмитрий.

— Вот доберемся до Талилина, тогда и узнаем — сколько.

— А ты не темни. — Это Дмитрий сказал строго, почти с угрозой.

Никита Иванович хмуро сдвинул брови, незрячими глазами уставился в сторону Дмитрия.

— Положение наше, Дима, не из худших. Продукты пока есть. Спальные мешки, добрая одежда, обувка, спички. Основное же — имеем револьвер и карабин с запасом патронов. «Мелкашка» не в счет, баловство одно, разве что птицу-дуру из нее подстрелить можно... Так что рано еще панихиду служить. Другие-то без еды, без оружия плутали. И ничего. Живы-здоровы по сей день.

— В Уруне сказывали, — угрюмо заметил Дмитрий, — в прошлую зиму такие же морозы стояли, геолог заезжий пошел на охоту и пропал. Через шесть дней замерзшим нашли. Через шесть дней! Карабин был, спички, жратва.

Никита Иванович не отвечал, и Константин вдруг понял: прав Дмитрий, долго не протянуть в такую стужу. Никита Иванович же просто успокаивает. Хотя и прав — панихиду служить рано.

Савелий деловито, сноровисто разложил костер, запалил его с одной спички, оставаясь безучастным к разговору товарищей. Константин украдкой наблюдал за ним. В отличие от напуганных бедою товарищей, он внешне никак не проявлял беспокойства. Видно, бывал в переделках и похлеще, привык. Вместо бесполезных разговоров он действовал. Вот и сейчас, не забывая подбрасывать в костер сухостоя, Савелий внимательно осмотрел крепления лыж. Вроде бы все было в порядке, и он перешел к груде рюкзаков.

Кто-то некстати на полную громкость включил «Спидолу». Шла трансляция предновогоднего концерта из Лужников.

— Подохнем. Как пить дать... — зло бросил Дмитрий.

Старший мастер подошел к нему, коротко приказал:

— Встань!

Тот медленно поднялся, испуганно моргая. От короткого удара Дмитрий полетел в сугроб.

— За что?!

— За панику, — спокойно объяснил Федор. — Еще нить будешь — до смерти изобью. Говорю при всей бригаде. Прав я, ребята?

Возразила одна Таня...

Потом пили кипяток, приготовленный из снега,

и растирали друг другу ноги спиртом. Таня осталась без напарника. Она сняла валенки, носки и отогрела ноги у огня. Костя подошел к ней.

— Давай-ка помогу!

— Нет, нет, что ты...

— А ну, Татьяна, не кобеняйся! — приказал Федор.— Стыдного здесь ничего нет. Ясно?

— Вон большой палец у тебя совсем побелел,— не глядя ей в глаза, сказал Константин, и Таня подчинилась.

Танины ступни были по-детски маленькими, и холодными, как льдышки...

Когда закидали снегом яркий костер, Константин понял, что уже рассвело. Зеленовато-розовая полоска на востоке превратилась в красную и быстро двигалась по небосводу, сливая звезды. Восток распался все ярче, как гигантский мартен, ворочались морозные туманы. Наконец из-за дальней гряды высунулся мгlistый хохолок солнца. Белые лучи полоснули по глазам. Небо стало одноцветным — прозрачно-розовым. В тайге заблестал короткий северный день.

Возле крутого спуска с сопки Федор остановился, поджидая Никиту Ивановича и Славку. Когда они подъехали, он взял тракториста за плечи и повернул его лицом к солнцу.

— Посмотри, Иваныч, чуть левее и повыше... вот так. Видишь хоть слабый отблеск?

— Нет, Федя. Темень непроглядная.

— Худо, Иваныч. Ты смотришь прямо на солнце. Худо...

— «Худо, худо!» — вдруг взорвался Славка.— Нечего стоять. Двигай! Каркает еще...

Константин заметил, что Славка в последнее время мог кричать на любого из-за пустяка. И не было ни единой шутки, без которой совсем недавно он и слова не мог сказать.

Солнце, будто подбадривая людей, подмигнуло им: держитесь, мол, ребята! И провалилось в преисподнюю. Небо и тайга на считанные минуты стали сиреневыми, а потом сразу надвинулась, взмахнула черными крыльями ночь.

Обед был скудным, разве что горячей воды вдоволь. На всех — банка консервированного борща. И маленькая лепешка.

— Завалить бы лося... — мечтательно сказал Константин.— Странно! Столько прошли, а хоть бы паршивая белка повстречалась!

— Зверь в такие морозы отлеживается в снегах, — пояснил Савелий.— Подыдем разве только тогда, когда наткнемся на лежанку.

Рядом с хозяином сидел Рекс, скулил от голода, нервно перебирая передними лапами. Константин отвел взгляд от собаки. После еды клонило ко сну с такой силой, что и пальцем не шевельнуть. А идти надо.

В России, небось, и сумерки не наступили, а здесь уже колдунья-ночь звездные хороводы водить да плясать заставляет. А ведь всего лишь четвертый час! И на луне опять три разноцветных кольца, стиснутые малиновым обручем. Вот оторвалась луна от скалы и поплыла, набирая высоту, словно сказочная светящаяся жар-птица на прогулку полетела...

IX

Для ночлега выбрали неширокую поляну, окруженную со всех сторон густым ельником. Расчистили ее от снега, устелили хвойными вет-

ками, достали спальные мешки. Напившись чаю, начали укладываться.

— Костя, последние ляжем, ребят снегом засыпем, теплее будет, — сказал Федор.

Вдвоем они быстро справились с этой работой. Теперь спящих можно было отыскать лишь по маленьким углублениям в снегу — у головы.

— Ложитесь, я вас засыплю, — предложил Константин.

— Погоди. Присядем, поболтаем, — отозвался Федор.

Они сели на сухостой, придвинувшись к костру, изредка подбрасывая в огонь хворост. Федор курил, пристально поглядывая на Константина. Поинтересовался:

— Еще не спал таким манером?

— Не приходилось.

— А мне случалось. Мороз, правда, был меньше теперешнего. Хорошо, что рация была, вертолет вызвали, в больницу переправили. Еле отходили. Врач сказывал: еще бы одна такая ночевка — и с жизнью распрощался. Такие дела.

— А как же охотники в тайге ночуют?

— Сравнил! У них мешки авось не из ваты. На собащем меху, с двух сторон мех.

«К чему он это?» — подумал Константин.

Как бы отвечая на вопрос Константина, Федор тихо уронил:

— Не дотянуть нам до Талилина со слепым Иванычем. Не дотянуть!

— Что вы предлагаете? — прямо и грубо спросил Константин.

— Да ты не ерпенься. Посмотрим, что запоешь через несколько дней... Прошлой зимой «Антон» с пассажирами вынужденную посадку сделал в тайге. Мотор сломался. Рация из строя вышла. Сначала к жилью все вместе пробирались. Один без передышки по четыре часа может идти, а другой через каждый час выдыхается, привала требует. Справедливо? Нет. Ясное дело, разругались. Пошли в одиночку.

— И что?

— Дошли сильные, вот что.

— А я другой случай знаю. Совсем другой. В Уруне рассказывали, — сказал Константин.— Двое в тайге заблудились. Один из них ногу себе сломал. Товарищ тащил его из последних сил до Уруна. Дотащил. Хотя и руки лишился: обморозил.

Замолчали. Услышали, как кто-то всхрипнул. Из пяти ямок в снегу, что виднелись в отблесках костра, наружу вырывались пять струек пара от дыхания. Едва поднявшись, белые струйки исчезали — замерзали на лету.

Федор закурил снова, подбросил дров в костер.

— Ты прав. Одному в тайге туго, очень туго, — задумчиво проговорил он. — Вдвоем идти надо. Но чтобы силы были одинаковые. — Константин опять поймал на себе пристальный взгляд старшего мастера. — А что, двинем вместе, если вдруг кто-нибудь захочет поодиночке добираться? Парень ты крепкий, да и я не слабак. А?

Константин долго не отвечал. Потом спокойно сказал, глядя в огонь:

— Сволочь ты, Федор. Самая последняя сволочь. — И поднялся, пошел к своей снежной постели.

Федор догнал, ухватил его за рукав.

— Да ты что, парень! Я-то не предлагаю идти в одиночку! Не понял, дурень: если кто-то предложит. А я туда, куда и вся бригада...

— Отцепись! — Константин выдернул руку.
— Костик, можно тебя? — раздался Танин голос.

Константин подошел к ней и присел возле изголовья. Таня высунулась из спального мешка. Она сидела молча до тех пор, пока Федор не улегся по ту сторону костра.

— Помоги ему снегом засыпаться, — шепотом сказала она.

— Во! — Константин снял рукавицу и сложил пальцы в кукиш. — Перебьется!

Вскоре послышался мощный храп: Федор всегда засыпал быстро.

Таня посмотрела на Константина и сказала: — Я ведь все слышала... Тебе не страшно, Костя?

Он хотел сказать «нет», но короткое это слово будто застряло в горле. Чего греха таить — страшно! Можно ли придумать более бессмысленную смерть — замерзнуть в безлюдной тайге? Лишь в одном Костя убежден: не покажет свой страх другим и никогда не бросит гнущих товарищей.

— И мне страшновато, — сказала Таня, хотя Константин ничего не ответил.

— Ложись-ка лучше, — сказал он. — Укрою снегом.

Она подчинилась.

Расстегивая свой спальный мешок, Константин наткнулся на что-то мягкое, теплое. Это Рекс лежал внутри, свернувшись крутым калачиком. Константин потеснил Рекса, лег рядом. Так они нули, согревая друг друга.

Однажды — это была уже их третья ночев-

ка — Константин, проснувшись, почувствовал тревогу. И тут же понял — рядом не было Рекса.

Константин вылез наружу, разрушив над собой пушистое белое покрывало. Савелий и Таня уже поднялись и готовили завтрак. Лица их были медно-красными в отблесках пламени.

— Рекса не видели? — спросил Константин.

— Дима и Федор, наверное, на охоту пошли и взяли с собой, — отозвалась Таня.

Константин побегал, чтобы немного согреться, умылся снегом и начал помогать Тане и Савелию.

— Хотела гречневую кашу сварить, а гречка куда-то подевалась из моего рюкзака, — сообщила Таня. — Наверное, Федор и Дима взяли. Жарим шкварки. Аристократическим будет завтрак.

— Пора тесто замесить. Мука в твоём рюкзаке? — спросил Савелий у Тани.

— У Константина. Моя уже кончилась.

Константин разыскал свой рюкзак. Он хотел развязать веревку, но с удивлением заметил, что она уже развязана. А с вечера — он это хорошо помнил — и веревку завязывал, и накидку на ремень застегивал.

Мешочка с мукою в рюкзаке не было. Исчезли и четыре пачки плиточного чая, весь запас.

— Давай же, Костя, — сказал Савелий.

— Странно... у меня все продукты исчезли.

— Как все? — удивилась Таня. — Они что, на неделю ушли охотиться?

Проснулись Никита Иванович и Славка. Таня оторвалась от стряпни, закапала Никите Ивановичу глазных капель, смазала лицо.

Константин извлек из костра горящую ветвь лиственницы и, подняв ее над головою, прошел метров пятьдесят по лыжне, убегающей в тайгу. Звериных следов нигде не было. Что они, ночью увидели зверя за версту?..

Константин поежился. Как наяву, встал перед глазами вчерашний вечер. Все уже легли, а Дмитрий и Федор сидели у костра, покуривали и о чем-то тихо переговаривались...

Когда он вернулся к стоянке, увидел, что люди молча обступили костер. Отрешенно глядели в огонь, не замечая, что шварки на сковороде съезжились, почернели, что их давно пора снимать.

— Вот обнаружили, полюбуясь...— уронил Савелий и протянул Константину листок бумаги. Записка была длинная, не записка, а целое послание. Спотыкаясь на частых ошибках, Константин прочитал:

«Моей бригаде от старшего мастера Федора Люкова и рабочего Дмитрия Азенина.

Мы решили добираца одни. Это мы сделали в ваших же интересах. Дойдем до Талилина и сообщим о происшествии и вас быстро найдут. Идите по звездам на северо-запад ни куда не сворачивайте. Продуктов мы в ваших же интересах забрали больше чем нам положено потому что нам они нужнее чтобы ити без передыху и быстрее дойти до Талилина. Кобеля тоже взяли. Нам он нужнее. Еще раз говорим: все сделано в ваших же интересах».

— «В ваших интересах!» Вот гад! — вырвалось у Константина.

— Худые люди,— согласился Савелий, вытаскивая из огня сковороду со шварками. Слова эти в устах звенка прозвучали весомо и жестко, как приговор.

— У нас в детдоме за такое бы!..

— Бесплезно сейчас ругать их, ребята,— спокойно сказал Никита Иванович.— Посмотрите-ка лучше, сколько продуктов осталось.

Федор и Дмитрий себя не обидели, основательно порылись во всех рюкзаках. И так-то продуктов было немного — дня на четыре при строгой экономии, а теперь на пять человек осталось лишь две банки консервированных котлет.

— Что б они, сволочи, сдохли! — сплюнув, сквозь зубы процедил Славка.

Таня вытщила из рюкзака чистое полотенце, ножом соскобила остывший свиной жир со сковородки и тщательно завернула его в материю. — Надо экономить...

Завтракали крутым кипятком. Таня раздала всем по шварке и маленькому, с ноготь, кусочку сала. Свинину положили в кружки, и получилось что-то вроде слабого бульона. Такой завтрак еще больше раздражил и без того зверский аппетит Константина. Он покосился на банки с консервами. Славка с жадностью тоже смотрел на них. — Котлеты лучше оставить на обед,— смущенно предложил Савелий, заметив взгляды товарищей.

Константин решительно поднялся.

— Двигаем. Время не ждет.

— Обождите, ребята...— промолвил Никита Иванович.— Оставьте меня, а? Обуза ведь я, обуза смертельная. Пропадете со мной! Точно... Да и пожил немало, хорошо пожил. Хватит...

— Поглядите на старого: спятил уже! — нервно, зло расхохотался Славка.

— Славик...

— Я уже семнадцать лет Славик!

— Выбросьте такие мысли из головы раз и навсегда, Никита Иванович. Мы — не федоры. Да как жить-то после, если вас бросим? — сказал Константин.— Словом, хватит из пустого в порожнее... В путь.

— Обидели вы нас, Никита Иванович,— тихо сказал Савелий.— Очень обидели.

Никита Иванович ничего не ответил. Из незрячих глаз, устремленных на пламя, выступили мутные слезинки. Они скатились по щекам самую малость, резко остановились и стали белыми, как снег,— замерзли...

Теперь Константин шел за головного. Часами идти было легче по лыжне, проложенной Федором и Дмитрием. Но когда рассвело, как назло, подул сиверко. Лыжня скорее угадывалась: ее заносило снегом. Потом она исчезла совсем.

Теперь он ориентировался по солнцу. В родных лесах Константин, помнится, плутал и ориентироваться по солнцу научился сам, без чьей-либо помощи. Надо лишь знать направление пути. И чтобы не было сплошной облачности, чтобы угадывалось солнце. Определив с рассветом восток, будешь знать и запад, и юг, и север. Им на северо-запад. Значит, солнечный луч, бьющий с востока, должен быть позади и скользить по правому глазу, а не по левому. Проще пареной репы.

Константин остановился и подождал Савелия, идущего позади.

— Сможешь двигаться ночью, определять направление по звездам?

— Конечно. Старые звенки-охотники до сих пор по звездам ходят, не доверяют компасу. Да и компас зимой часто отказывает: стрелка примерзает.

Как некстати задул сиверко! Дул бы себе ночью, когда люди спят, надежно укрытые снежной периной. Но даже слабый ветерок в такой мороз — сущая напасть, гибель. Стужа калеными стрелами вонзается в тело, деревенеют и щеки, и лоб, и губы. Моргнул — и слиплись ресницы. Их надо оттаивать теплыми пальцами. А как-то снимать рукавицы? Через несколько секунд пальцы что сосульки: не сгибаются. И еще голод. Подлейшая это штука. Он дает знать о себе сосущей болью в желудке, сонной вялостью. Как хочется лечь, и лежать, лежать, и пропади все пропадом!..

Константин переставлял лыжи и старался ни о чем не думать.

Первый привал сделали, когда на тайгу опустились мягкие сиреневые сумерки. Отогрелись у костра, проглотив по кружке кипятку, решили пообедать. Одной банкой консервированных котлет. Вторая — на завтрашний обед.

И снова в путь. Теперь впереди шел Савелий, ориентируясь по звездам.

Еще на привале Константин без разрешения отвязал от Таниного рюкзака скатанный спальник мешок.

— Зачем? — удивленно спросила она.

— Понесу я.

— С какой стати?

— С такой,— ответил Константин.— Я сильнее.

Шел уже девятый час и скоро нужно было выбирать место для ночлега, когда впереди идущий Савелий остановился, снял с головы ушанку, чутко прислушался. Тихо сказал Константину:

— Приготовь винтовку. Кажется, кто-то идет
Константин щелкнул затвором «мелкашки»

и тоже снял ушанку. До слуха донеслось легкое шуршанье. Звук этот нарастал. Из-за скалы, что чернела впереди, вынырнуло что-то продолговатое. Зверь? Константин поймал на мушку непрошеного гостя, хотел уже было спустить курок, когда Савелий крикнул:

— Не стреляй! Человек!

Человек? В этих забытых богом местах? Внезапная радость охватила Константина: они спасены!

Расплывчатый в лунном свете продолговатый силуэт скоро принял очертания человеческой фигуры. Человек ехал на лыжах. Уже можно было различить и руки, и ноги, и ношу за плечами. Лишь когда он подъехал вплотную, Константин узнал Дмитрия. Под левым глазом у него темнел большой синяк.

Часто, натруженно дыша, Дмитрий остановился и долго не мог вымолвить ни слова. Наконец сказал:

— Пропаду без вас, ребята...

То, что произошло, бригада узнала из рассказа Дмитрия.

...Накануне, вечером, Федор убедил Дмитрия отколоться от бригады и идти вдвоем.

— Ни за грош пропадем. Сдохнем, как паршивые собаки,— говорил он.— Им-то выгода явная будет: сообщит в Талилине, вертолет сразу вышлют. Все в их же интересах делается.

Федор часто повторял: «в их же интересах».

Когда все заснуло, Федор написал записку бригаде и принялся выворачивать рюкзаки.

— Хватит, Федя,— засовестился Дмитрий, видя, что старший мастер не пропускает ничего съестного, все складывает в свой рюкзак и рюкзак напарника.— Они же как?..

— В их же интересах, бестолочь,— раздраженно пояснил Федор.— На сытое брюхо быстрее до Талилина дойдем, быстрее сообщим о беде.

Дмитрий незаметно для Федора вытащил из своего рюкзака две банки консервированных котлет, кусок сала и сунул все это в чей-то рюкзак, который старший мастер уже обшарил.

Федор отломил кусок лепешки и подошел к тому месту, где спали Константин с Рексом и поманил собаку. Рекс, учуяв запах съестного, выбрался наружу. Федор побаивался, как бы Константин не проснулся. Но Константин спал крепко, умаявшись за день.

Федор скормил Рексу лепешку, и, лаская его, надел ему ошейник, сделанный из веревки.

— Собаку-то, может, оставим...— нерешительно предложил Дмитрий.

В ответ Федор лишь выругался.

Они навьючились, встали на лыжи и пошли. Рекс некоторое время трусил впереди, потом начал отставать, туго натягивая веревочный поводок, и, беспокойно поскуливая, глядел туда, где за скалою на стоянке спал хозяин. Федор для верности привязал поводок к широкому ремню, стягивающему в поясе полушубок, и погнал собаку вперед.

Когда они спустились в глубокий алас, когда, очевидно, уже исчез запах стоянки, Рекс рванул поводок с такой силой, что Федор не удержался на лыжах и упал в сугроб. Собака лаяла, металась, задыхаясь, с хрипом тянула ненавистную веревку в сторону, где была стоянка. Федор, с трудом приподнявшись, вплотную подтянул к себе Рекса и ударил его по голове прикладом карабина. Рекс с грозным рычанием бросился на старшего мастера и вырвал острыми клыками

изрядный клочок из ватных брюк. Федор быстро поднялся. Глаза сузились, зло блеснули. Рекс лаял, готовясь к новому прыжку.

Федор с размаху ударил его по голове прикладом второй раз.

— Убил ведь, иродь! — крикнул Дмитрий, склонившись над собакой: она лежала в снегу на спине, дергала поднятыми лапами, и снег в изголовье был в обильных кровавых пятнах.

— Не сдохнет, они живучие, — убежденно сказал Федор, рассматривая клочок, вырванный из брюк.— Вроде бы не задел ногу. Хорошо, что брюки толстые.

Закурив, он вытащил из ножен кинжал, перерезал ошейник и завязал на конце поводка мертвую петлю-удавку. Потом продел ее через голову собаки.

— Задохнется ведь...

— А, черт с ним! Зато рваться не будет, как шелковый станет. Подождем, сейчас очухается.

И действительно, Рекс вскоре замотал окровавленной головой, пошатываясь, поднялся. Потом сделал несколько шагов к стоянке, но «удавка» затянулась на шею.

— Ну, трогаем,— сказал Федор.

Собака некоторое время отставала, оглядываясь назад, но поводок, привязанный к пояскому ремню, все сильнее затягивал петлю. Рекс понуро ползл за человеком, хрипя от удушья.

Чем дальше уходил Дмитрий от бригады, тем острее он чувствовал беспокойство за остальных товарищей. Как же они выкрутятся без собаки, почти без продуктов? О матери он не вспоминал. Мозг сверлило одно: подлее предательства, совершенного ими, и быть не может. Поглядывая на широкую спину впереди идущего Федора, на вороненый ствол карабина, косо торчавшего над скатанным спальным мешком, на кобуру револьвера, пристегнутого к поясу, Дмитрий начал испытывать смутную тревогу. А вдруг они пройдут мимо Талилина, кончатся продукты — не трахнет ли Федор его, как собаку?

С рассветом Федор разрешил привал. Предложил пообедать.

Развели костер. Федор вскрыл банку консервированного борща и, орудуя кинжалом, вывалил смерзшийся концентрат в ведро, подвешенное над пламенем. Дмитрий замесил тесто для лепешек.

— Чтой-то у тебя руки дрожат, будто кур воровал? — спросил Федор напарника.

— Устал... ночь ведь не спали,— ответил Дмитрий.

Старший мастер успокоился.

Пища не шла Дмитрию в глотку. От волнения, от того, что там, на стоянке, товарищи маятся от голода.

— Давай-ка соснем полчаса,— предложил Федор.— Ночь-то и вправду не спали.

Он подкинул в костер сухьев и лег, подмяв чистый снег, и через минуту захрапел.

Самое время!..

Но прежде чем уйти, Дмитрий надумал освободить Рекса. Без собаки в тайге никак нельзя. Он выхватил головешку из костра, вставил в рот папиросу и начал пережигать поводок, не отрывая глаз от Федора. Тот вдруг всхрапнул и открыл глаза, глядя на напарника. Дмитрий поднес дымящуюся головешку к папиросе, прикурив, бросил ее в костер. Потом лег на снег, успев заметить, что прожженная веревка тлела. Может, перегорит...

Когда Федор снова захрапел, Дмитрий острожно поднялся, закинул за плечи рюкзак, встал на лыжи. Сначала поехал назад по лыжне тихо, потом припустил что было духу. И в это время позади раздался властный окрик:

— Стой!

Дмитрий вспомнил, что у Федора карабин и револьвер, и ловиновался.

— Вернись!

Дмитрий развернулся и поехал к костру.

Федор стоял, широко расставив ноги, вперив тяжелый взгляд в напарника. Предупреждая ненужные расспросы, Дмитрий прокричал, махая руками:

— Они-то как?!.. Погибнут без жратвы! Как пить дать!.. Сволочи мы самые последние!

Федор вытянул губы в трубку, долго не отвечал, раздумывая.

— Вернемся, Федя...

— Высказался? — спокойно произнес старший мастер.— А теперь меня послушай. Решил вернуться — иди. Насильно держать не имею права. Понял?

Дмитрий никак не ожидал, что он так легко отпустит его, и обрадовался.

— Федя, может, карабин или револьвер

бригаде дашь? С «мелькашки»-то что подстрелишь?

— Не дам,— коротко и твердо ответил Федор.— Еще какие вопросы?

Дмитрий заметил, что поводок уже не тлеет, но огонь успел перегрызть добрую половину толщины веревки. Эх, догадался бы кобелек рвануть посильнее!..

— Что ж, Федя, прощай тогда.— Он начал разворачиваться на лыжах.

— погоди. Не спеши,— сказал старший мастер по-прежнему спокойно, но Дмитрий испугался именно этого спокойного тона.— В интересах всей бригады приказываю: скидывай рюкзак, вынимай все продукты.

Дмитрий так и опешил.

— Да побойся бога, ирод! Мы-то как тогда...

— Снять рюкзак!

— Не дам. Хоть убей, не дам...

Федор шагнул к бывшему напарнику и страшным ударом под глаз сбил его с ног. Дмитрий, лежа на снегу, отстегнул лыжи. На глаза попалась тяжелая дубина, заготовленная для костра. Она лежала рядом, рукой подать. Он проворно, насколько позволял тяжелый рюкзак, вскочил, схватил дубину и двинулся на противника. И за-

мер. Пальцы рук невольно разжались и выпустили дубину.

Федор направил на него револьвер.

— Пристрелю. Как бешеную собаку. И отвечать ни за что не буду: необходимая самооборона. А сказать людям что угодно смогу. Мне вера, а не тебе, лагерник паршивый. Скидывай рюкзак!

Дмитрий снял рюкзак и швырнул его к ногам Федора.

— Я бы таких начальников на первой осине вешал...

— Поговори, поговори! Я и озлиться могу. Тогда пощады не жди.

Говоря это, он аккуратно перекладывал в свой рюкзак банки консервов, пачки плиточного чая, мешочки с гречкой и мукой. Для верности Федор вытряхнул все содержимое рюкзака на снег: не забыл ли чего? Убедившись, что взял все, распрямился, поигрывая револьвером.

— Можешь топтать.

— Хоть бы муку оставил...

— Иди, иди. Легче нести будет.

Когда Дмитрий уже закинул сильно облегченный рюкзак и встал на лыжи, Федор бросил:

— Бригаде скажешь, что все в их же интересах сделано. А коли по-другому расцените, мне плевать. Нет такой статьи в уголовном кодексе, чтобы мои действия наказать.

— Грамотный, сволочь. Что б тебя волки живьем сожрали, гада...

Сказав это, Дмитрий поехал обратной дорогой и ни разу не обернулся.

X

В это утро Константин проснулся не от холода и сосущей боли в желудке. Его разбудил победный радостный голос Славки:

— Иваныч видит!

Разом разрушились все снежные постели.

На лесине возле пылающего костра сидел Никита Иванович. Руки его заметно дрожали, голова дергалась, он, щурясь, переводил взгляд с одного предмета на другой, как бы не доверяя зрению.

Возле крутился Славка — прежний вертлявый, улыбающийся Славка. Стащив рукавицу, он показывал пальцы и спрашивал:

— Сколькo?

— Три.

— Точно! — Он шагнул от Никиты Ивановича подальше. — А сейчас?

— Два.

— Точно, Иваныч!

Очевидно, еще не веря в прозрение, — а вдруг Никита Иванович говорит наугад, обманывает, чтобы успокоить бригаду? — Славка опустился перед ним на колени и потребовал:

— Показывай: где мой нос?

Старик показал.

— Глаза?

Он и глаза показал.

— Вот только как бы все в тумане...

— Это пустяки! Рассосется! — с авторитетом опытного окулиста заявил Славка.

Константин, глядя на счастливое лицо старика, так радовался за него, будто прозрел он сам, а не другой. А Никита Иванович не скрывал своего счастья. Из глаз катились слезы. Константин вдруг ясно понял: причина его радости заключалась не столько в собственном прозрении, сколько

ко в том, что он не будет больше бригаде невольной обузой.

На радостях вскрыли последнюю банку консервированных котлет.

На этом продукты кончились.

Котлеты разделили на шесть равных частей. Их запили крутым подсоленным кипятком. Горсть соли еще оставалась...

Константин со страхом ждал этой минуты, когда люди съедят последние крохи. Но сейчас страх притупился. Виной тому было выздоровление Никиты Ивановича.

— Табачку бы сейчас... — тоскливо сказал Дмитрий.

Весь запас курева унес Федор.

— Не мешало бы! — согласился тракторист. — Однако и тут выход есть.

Никита Иванович расчистил снег, нащипал мху, мелко нарезал его и положил в банку изпод консервов. Банку пристроил на раскаленных углях костра.

— Присмотри, Дима. Как высохнет, так и готово.

От табака, приготовленного таким образом, Дмитрий закашлялся, хотел выбросить самокрутку, но раздумал.

— Ну и пакость!

— Привыкнешь, — успокоил его Никита Иванович. — На безрыбье, говорят, и рак — рыба.

Теперь старик шел без веревки, лишь изредка на опасных участках пути Славка помогал ему. Двигались значительно быстрее.

Когда обогнули подножье громадной горы и выехали на ровный заснеженный алас, впереди, приглушенным расстоянием, послышались неясные звуки. Константин снял ушанку. Лишь потрескивала от стужи тайга. Показалось...

Он хотел уже нахлобучить ушанку, когда до слуха явственно донесся знакомый лай.

— Рекс!! — закричал Константин и как сумасшедший бросился навстречу доносившемуся лаю.

Серый в лунном свете комок прыгал на середине аласа, утопая в глубоких снегах, и лаял, не переставая. Вот он уже совсем близко, и Константин с бьющимся сердцем протянул руки. Рекс с разгону бросился на хозяина, повалил его наизнич и не лизал — легонько покусывал и нос, и губы, и щеки, захлебываясь в визге.

— Рекс... Рексик... — обнимая собаку, чуть не плача, говорил Константин.

Собачьи глаза смотрели совсем по-человечьи, и Рекс, казалось, вот-вот заговорит, расскажет: как ему было жутко там, у чужого человека, и как этот человек жестоко бил его, и как он рад, что нашел хозяина, и как он преданно любит своего хозяина.

Немного успокоившись, Константин осмотрел, ощупал собаку.

На лбу широкая рана с засохшей темной кровью — от удара прикладом карабина. В правом ухе было сквозное отверстие размером с копейку. След от пули!.. Он догадался: Федор стрелял вдогонку собаке, когда Рекс оборвал подпаленный поводок.

Казалось бы, радость должна была придать силы, но едва Константин попытался подняться со снега, как потемнело в глазах, и он мешком вновь осел в сугроб. Еще одна попытка подняться. И опять безрезультатно. Сказалось, видимо, то, что он чаще других шел первым, прокладывая лыжню.

Послышался испуганный голос Тани:

— Что с тобой, Костя?..

Константин ни за что не хотел признаться в собственной слабости.

— Ремень за ремень зацепился,— неумело соврал Костя и показал на лыжные крепления.

Он выждал минуту-другую. Темные круги перед глазами постепенно исчезли, и парень усилием воли заставил себя подняться. И снова пошел впереди, торя лыжню.

Мигнула за сопкой тонкая рогообразная полоска солнца, и без рассвета заискрился яркий северный день.

Они спустились к неширокой реке, стилой белой лентой выющейся между сопок. Там и сям на реке высились нагромождения и голубых, и розовых, и сиреневых пирамидальных льдин, девственно чистых и прозрачных, с бритвенно-острыми гранями. Константин догадался: это буйно смерзшиеся пороги.

Они уже шли по реке, когда Савелий предложил:

— Обойдем-ка эту красоту стороной.

— Почему? — удивился Константин.

— Взорваться может. В такие морозы подо льдом большое давление.

Уже отъехали от реки с полкилометра, когда позади громыхнул мощный взрыв... Эхо долго билось о скалы и затихло далеко-далеко, у безымянного хребта. Как ни устали, как ни измучились, решили вернуться и посмотреть.

Вместо ледовых пирамид в реке зияла продолговатая полынья. Вода казалась черной. Она бесновалась, выплескивалась на кромку, обнажая ноздреватые валуны порога. Глыбы льда разорвались на куски, самородными камнями цвели в снегу. Взрвался порог немногим раньше, не поздоровилось бы людям: сверкающие осколки виднелись далеко за лыжней...

Режущая боль в желудке вдруг прошла, но мышцы рук, ног, всего тела обмякли, отяжелели еще больше. Константина бросало из стороны в сторону; тайга, валуны, скалы потеряли четкие очертания и как быплыли перед глазами. Безразличие ко всему случившемуся, тяжелое, тупое овладело им. На крутом подъеме рюкзак и спальный мешок перевесили, потянули назад, он, потеряв равновесие, упал на спину и сшиб позади идущую Таню. И опять, как давеча, почувствовал, что сил на то, чтобы подняться, совсем не осталось, и теперь даже воля, собранная в кулак, не помогла.

Подняли Константина товарищи.

— Может, привал сделаем? — неуверенно предложила Таня.

Константин понял, ради кого она хочет сделать привал, и ему стало стыдно. Он сказал:

— Нет. Мы не заработали еще отдыха.

И вновь первым пошел на штурм пригорка.

А мягкая сиреневая вуаль сумерек уже повисла над землей, и звезды, встречая ночь, начали свой танец, извечный и неповторимый.

Впереди, в этих невесомых сумерках, Константин вдруг явственно увидел крупного сохатого. На фоне пологой заснеженной скалы контуры его вырисовывались с предельной четкостью: вот мощные ветвистые рога, вот мускулистая, сильно заиндевевшая грудь, вот густые клубы пара от дыхания. Но Рекс преспокойно трясил по целине, изредка оглядываясь на хозяина. «Неужели не чует?..» — подумал Константин, срывая с плеч мелкокалиберную винтовку. Он при-

целился в черно-блестящий выпуклый глаз зверя и выстрелил.

— В кого ты стрелял? — удивленно спросила Таня.

Он глядел и не верил своим глазам: на том месте, где только что стоял сохатый, лежала непримятая снежная перина. Не доверяя зрению, подъехал вплотную к пологой скале. Ни одного следа! Неужели... галлюцинация?

Таня повторила свой вопрос.

— Принял камень за глухаря,— ответил Константин.

Этому можно было поверить: возле подножья скалы из-под снега торчал обледеневший острый камень, похожий на большую птицу.

— Что случилось с Рексом? — неизвестно кого спросила Таня, глядя на собаку.

Рекс с головой зарылся в снег. Если бы не струйка пара, о присутствии собаки никто бы не догадался.

— Холодно ему,— объяснил Савелий, задумчиво глядя на подымавшийся из-под снега пар.— Скоро, значит, еще похолодает.

— Рексик,— тихо позвал Константин.

Собака пулей выскочила из снежного укрытия, вопросительно посмотрела на хозяина.

«Обедали» кипятком. Кипятку и жаркого огня хватало. Рекс вертелся у костра, он тоже грелся.

Константин, отхлебывая из кружки, оглядывал товарищей. Он как бы только что заметил, что у всех заострились скулы, ввалились щеки, нездорово, лихорадочно поблескивали глаза. Лица — в частях черных пятнах, особенно Славкино лицо. Его нос похож на маленькую печеную картошку.

А вот Савелий... Константин не переставал удивляться выносливости звенка. Он, казалось, день и ночь мог идти без остановок, не требуя привала. Вот и сейчас все сидят расслабленные после изнурительного перехода, а он хлопочет возле костра, проверяет лыжные крепления. Не присядет, не отдохнет. Смуглое лицо его даже мороз не берет: ни одного черного пятна. И как-то незаметно всегда первым окажется рядом с тем, кому нужна помощь. И ведет себя молодцом. Ни разу ни на что не пожаловался. Будто вот-вот должны показаться теплые избы со струйками дыма из печных труб...

Перед тем, как покинуть стоянку, решили растереть друг другу ноги.

— Не надо,— смущенно попросила Таня. Она никак не могла привыкнуть к тому, что ноги ей растирает парень, ее ровесник.

Константин молча принялся за работу.

— Знаешь, Костя, я уже второй день не чувствую большого пальца...

— И когда его трут? — спросил Никита Иванович.

— И тогда.

Тракторист низко нагнулся над Таниной ногой.

— Не вижу. Какого он цвета?

— Бело-розовый. И еще красные разводы,— ответил Константин.

Никита Иванович нахмурился. Вытащил из-под подкладки ушанки иглу.

— Уколи его, Костя. Миллиметра на два.

Константин осторожно уколол и вопросительно посмотрел на Таню.

— Вроде ничего не чувствую.

— Кольни глубже,— посоветовал Никита Иванович.

И теперь Таня ничего не почувствовала. Никита Иванович отвернулся, не сказал ни слова.

Неистовый лай Рекса заставил Константина вздрогнуть. По шею увязая в сугробах, собака помчалась в тайгу. Константин схватил «мелкашку», кое-как вдел в крепления лыж ноги и побежал следом.

Рекс мелькнул за бугристо смерзшимся болотцем и исчез в густом ельнике. Тяжело дыша, не останавливаясь, Константин отыскивал звериный след, но никакого следа на снегу не обнаружил. Он нырнул в ельник. Смерзшиеся ветви стегнули по лицу как колючая проволока. Рекс заливался совсем рядом, в просвете деревьев, и лай теперь не удалялся.

Константин выбрался, наконец, на горелую поляну, редко утыканную голым сухостоем.

Собака облаивала белку. До смерти переный зверек забрался на сухой, а прыгнуло некуда. Константин щелкнул затвором, мал на мушку беличьей голове. Секунду побавшись, спустил курок. Рекс на лету поймал дающую белку и отнес ее хозяину.

Теплое тельце зверька оказалось до смешного маленьким и тощим.

Савелий, ловко работая ножом, освежевал и выпотрошил белку. Из внутренностей бросил Рексу только кишки. Собака мгновенно слизнула их со снега. Потом псу полетела беличья голова.

Мясо белки показалось чрезвычайно вкусным, только немного жестковатым. И пахло оно лесными орехами.

Беличьи кости не скормили собаке. Их тщательно завернули в тряпицу. Хорошо разваренные кости може съесть и человек...

Рекс злобно зарычал, толкая в спальном мешке Константина.

— Да тише же ты! Разбудил...— с досадой сказал Константин, переворачиваясь на другой бок.

На малое время собака успокоилась. Но едва Константин забылся, Рекс снова зарычал, работая задними лапами, попытался выбраться в узкую прореху спального мешка.

«Что-то неладное»,— подумал Константин, расстегнул замерзшими непослушными пальцами две верхние пуговицы спальника.

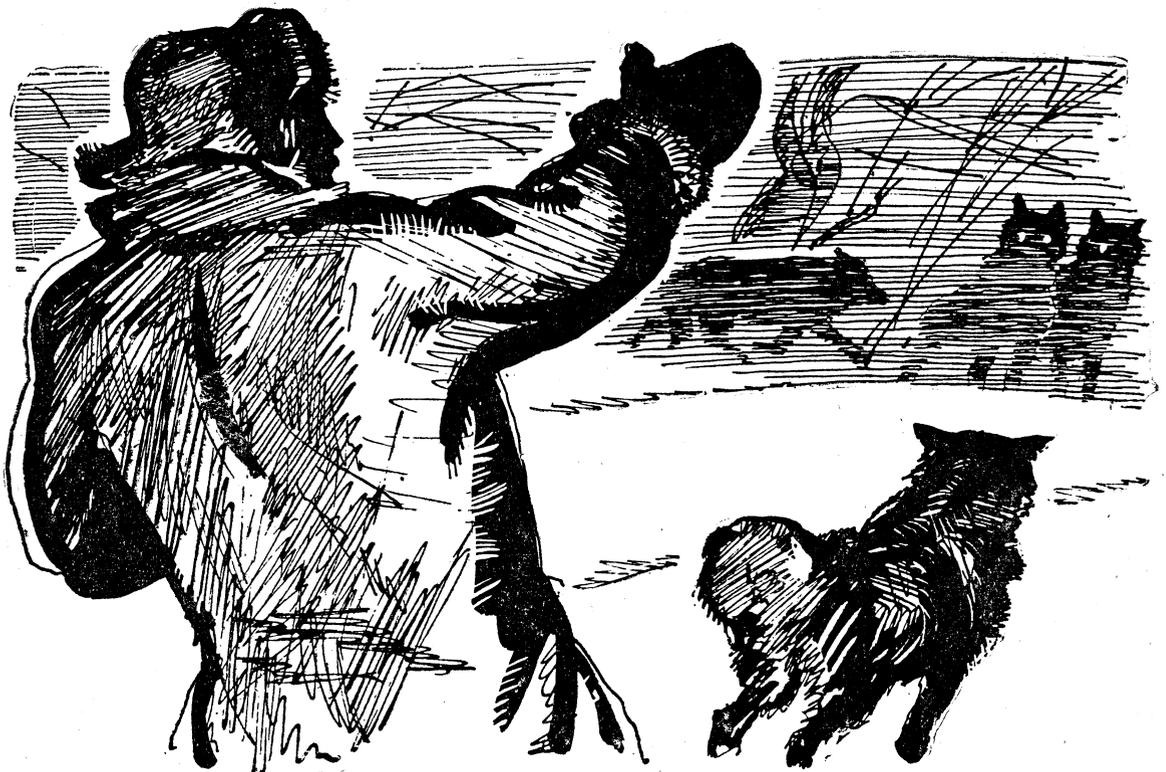
Видимо, была серьезная опасность, но он подумал о ней спокойно. Голод и адская усталость притупили все реакции.

Собака вырвалась наружу, и не азартный, как на белку, а злобный, захлебывающийся лай заставил Константина живо выбраться из спального мешка.

Рекс лаял, метался из стороны в сторону в трех-четыре шагах, не решаясь покинуть стоянку. Константин внимательно всмотрелся в тень тайги.

Мелькнула одна пара зеленых горящих точек, другая, третья...

Как во сне, как в замедленной съемке он увидел: звери — целая стая — вплотную подбежали к стоянке, мгновенно окружили Рекса и погнали его прочь от людей, в тайгу. Собака лаяла не переставая.

— Волки!! — закричал Константин.

Разом вздыбились снежные постели.

— Рекс! Назад!..— И Константин побежал за ним, проваливаясь в сугробах, совсем забыв о лыжах.

Лай отдалился на порядочное расстояние и вдруг затих.

— Рекс! Рекс!

До слуха донесся слабый короткий визг.

Константин падал, мерзлые ветви били по лицу, но он не чувствовал боли. Толстый сук сорвал ушанку — он и этого не заметил.

Выскочив на прогалину, облитую луной, Константин остановился.

Сугробы разворочены, снег утопан и в темных кровавых пятнах...

Подавленным, безмерно уставшим вернулся Константин к стоянке. Оказалось, что уже не ночь, а утро, восьмой час. Обычно в это время бригада завтракала.

Ребята разводили костер, скатывали спальные мешки, а Константин сидел на сухостое, тупо глядя в огонь, и не двигался.

— Возьми, Костик,—Таня протянула ему кружку с кипятком.— Там разваренные беличьи кости. Их можно съесть.

— Не могу...

— Можешь. Не убивайся. Рексик, может, всех нас спас от волков... Костик, ты слушаешь меня? Знаешь, Никита Иванович видит как прежде. Со всем поправился...

Снова тронулись в путь.

Все понимали, что вертолеты в такие морозы не летают. Значит, их могут искать самолетами. Но много ли шансов разглядеть с высоты маленькие передвигающиеся точки, если вокруг тайга, глубокие впадины, расщелины, а не голая равнина? Совсем мало. И светло-то лишь два-три часа в сутки. До Талилина с их скоростью передвижения еще дней шесть пути. Не будет пищи — пойдут еще медленнее...

Константина обогнала Таня. Он поглядел ей

вслед. В своих огромных, не по размеру, валенках, толстых ватных брюках и объемистом, тоже не по плечу, полушубке, она походила на неуклюжего медвежонка. Славная девушка... Танцевать бы ей сейчас в зале с хрустальными люстрами и мраморными колоннами, а не брести по тайге.

Неожиданно в голову пришла мысль — если бы судьба предоставила выбор: жить только одному из них. Он бы ответил, не колеблясь: ей.

Константин оглянулся на идущих позади Дмитрия, Савелия, Славку, Никиту Ивановича. Чувство сострадания к этим людям, режущее, жгущее, вдруг сильно, как никогда раньше, полоснуло по самому сердцу. От этого чувства потеплели глаза. Что бы там ни было, нужно вот так же крепко держаться друг за друга, сцепиться, как звенья одной цепи...

Таня остановилась, и Константин нагнал ее.

— Тише, тише...— сказала девушка, приподняв ушанку и прислушиваясь. И вдруг почти испуганно крикнула: — Самолет!..

Да, это был самолет. Константин, сорвав ушанку, сразу же различил в морозном воздухе нарастающий тарахтящий звук. Все с криками бросились вперед, навстречу этому звуку, хотя кричать было незачем, пилот, разумеется, не мог их услышать.

Только бы не пролетел стороной!..

Звук превратился в мощный рев. Рев все ближе, ближе. Константин выстрелил в воздух, хотя выстрел, как и крик, был бесполезен.

Темно-зеленый корпус «Антон» пронесся стороной, над березовой рощей, и нырнул за сопку. Через минуту ничто не напоминало о самолете.

Было очень тихо. Вихрился пар от дыхания. Все смотрели туда, где замер звук мотора. Ждали, словно он мог вернуться.

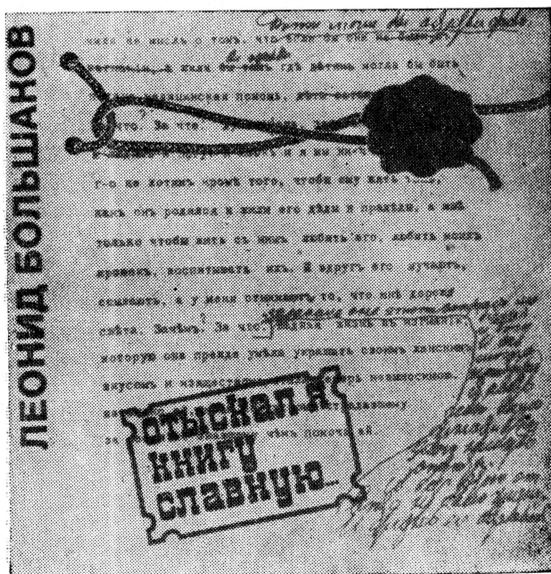
Позади кто-то всхлипнул. «Таня»,— догадался Константин.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ОТКРЫТИЕ

В этой маленькой книжке Леонида Большакова, которая называется «Отыскал я книгу славную...»¹, несколько следопытских историй. Автор не ходил в дальние походы, не взбирался на горы, не странствовал по лесам, он путешествовал по истории. Проводниками ему служили книги и архивные документы, обнаруженные в городе Оренбурге.

Удивительной силой воздействия на читателя обладают документы... С их помощью автор воссоздал историю жизни женщины, по воле судьбы оказавшейся «на краю земли» — в далекой Оренбургской губернии, куда царское правительство сослало многих польских революционеров и среди них ее мужа. Потеряв двух детей, больная, она

отважилась на неслыханное предприятие — решилась вывезти из ссылки своего мужа за границу из центра той России, которую называли необъятной и бесконечной, где путешественнику нужны были дни и недели для того, чтобы переехать из одного места в другое на почтовых лошадях. Побег провалился из-за глупой случайности на половине пути, беглецам так и не суждено было увидеть родные края, но перед страданиями и смелостью этой женщины преклонили головы сосланные польские патриоты, именно ей Лев Толстой посвятил рассказ «За что?»

В конце этой же книги Леонида Большакова можно прочитать о Чехове, в свое время участвовавшем в литературной жизни Оренбурга, о работе Шевченко-живописца, когда он служил рядовым и когда ему запрещалось писать и рисовать.

¹ Южно-Уральское книжное издательство. Челябинск, 1971.

Но не эти истории, рассказанные автором, дали название его книге. Леонид Большаков не только отыскал замечательную книгу — старинную, рукописную, самое главное — он открыл имя ее автора. Книга-то была безымянная...

И заговорила история живыми голосами, и протянулись связи между событиями, отдаленными временем, и вдруг оказывается, что и мы причастны к этим событиям, и нам они дают пищу для размышлений.

Книга называется так: «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821-го года и соприкосновенных оным обстоятельств». Необыкновенно увлекательно следить за поиском Леонида Большакова, за длительной, кропотливой, радостной работой, приведшей в конце концов к открытию: в Оренбурге больше века покоился неизвестный труд Пестеля, главы Южного общества декабристов.

Пестель, тогда служивший офицером в штабе второй армии, собрал все имевшиеся сведения об освободительной борьбе в Греции, точнее — о подпольном движении и подпольной организации «Фелики Этерии», и рассказал в своей книге об этой борьбе. Он предпринял свой труд с единственной целью — использовать опыт греческих патриотов в условиях царской России для борьбы с самодержавием.

Леонид Большаков не отвлекает читателя рассуждениями о существовании исторических событий в связи с находкой, он дает нам большее — свободу для раздумий и чувство непосредственной близости к труду Пестеля. Мы словно держим в руках книгу, которой уже сто пятьдесят лет, и, волнуясь, вместе с автором думаем над судьбой России в те годы...

И слышим голос Пестеля:

«...Дух бодрости, отваживающий на погибель, равно необходим как для блага одного лица, так и для целого племени... Безусловная покорность нераздельна с презрением: она внушает другим понятие о нашей слабости и ободряет их на причинение нам безнаказанно оскорблений... Ускорить переход народа от одного возраста к другому, особенно от младенчества к зрелости, не есть удел одного или нескольких лиц, как бы в прочем велики способности их ни были: стечение обстоятельств, сильные перевороты, разительный пример соседей, одновременное направление умов по одному намерению — вот рычаги, коими движутся сии полновесные громады, и без оных нельзя им внушить быстрого хода... Когда целый народ чувствует силу свою и решительно желает лучшего бытия — характеры являются на поприще и достойный сменяет достойнейшего; тогда нет неудач, ибо способности рождаются на каждом шагу; права дела, сильное общее желание, пылкие порывы все низвергают».

Пестель — человек кипучей энергии, полковник в двадцать семь лет, офицер с блестящим будущим, и подобные ему люди — умные, благородные, мужественные — в то далекое от нас время, когда Россия страдала от гнета самодержавия, сочли своим долгом противостоять тирании в битве за свободу своего народа. «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821-го года и соприкосновенных оным обстоятельств» — документ этой битвы.

Документ необычайной силы.

Г. АЛЕКСАНДРОВА

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ПРЫЖОК

Олег СЕЛЯНКИН

Рисунки В. Сыскова

Надя окончила седьмой класс и сразу поступила на курсы медицинских сестер. Она считала, что ей повезло. Специальность нравилась.

А когда по радио объявили, что фашистская Германия вероломно напала на нашу страну, Надя Дудина сразу же пошла в военкомат. Ей сказали: «Подождите». Потом снова военкомат и снова отказ.

Но вот в начале 1942 года ей с группой пермских девушек все же удалось уговорить военкома: Надя стала курсантом школы снайперов. Здесь она изучала теорию стрельбы, маскировку и многое другое, без чего снайперу никак не обойтись. Кончила школу снайперов, и ее откомандировали в 13-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду на должность... медицинской сестры. Надя всплакнула украдкой: и с подругами приходится расставаться, и так хорошо это звучало: «Снайпер Надежда Дудина!»

Первая неожиданность на новом месте: медсестра, оказывается, тоже обязана была уметь прыгать с парашютом. Но когда Наде сказали об этом, она не испугалась, даже с нетерпением ждала своего первого прыжка. В назначенный

день, еще на земле, заявила солдатам, которые должны были прыгать с ней: она выбросится первой. И нечего спорить: только первой!

Солдаты не перечили, лишь переглянулись, пряча усмешки.

Раздалась команда прыгать — Надя быстро встала, глянула в распахнутый люк, увидела далекую землю, похожую на вогнутую чашу, расслабленно опустилась на свое место — почти упала — и топорливо сказала солдатам:

— Нет, уж лучше я за вами...

И опять никто с ней не спорил. Солдаты, как показалось ей, равнодушно проходили мимо нее, деловитые, суровые, и один за другим исчезали в люке.

Наконец, она осталась одна. Зажмурив глаза, Надя бросилась в бездну. Ей показалось, что сердце у нее перестало биться. И так продолжалось все те долгие секунды, пока длилось свободное падение, пока сильный рывок не заставил ее открыть глаза. Приземлилась, как сказал инструктор, «для первого раза — удовлетворительно».

Как-то раз медицинскую сестру Дудину назначили дежурить на время прыжков. Сначала все шло, как положено. Но

33

вот среди солдат, которые должны были прыгать, она обнаружила больного. Отстранила его от прыжков, как предписывала инструкция, а затем...

Да, она по-прежнему очень волновалась перед каждым прыжком, испытывала страх в тот момент, когда нужно расстаться с самолетом. Но сильнее страха оказалось желание прыгать. Короче говоря, воспользовавшись тем, что одно место на самолете освободилось, она сама заняла его и — прыгнула.

За то, что самовольно оставила пост, за то, что нарушила уставное положение, обязательное для всех, кто прыгает с парашютом, ее подвергли аресту с содержанием на гауптвахте.

Правда, начальство прекрасно поняло причины, заставившие ее поступить так. У начальства ведь тоже есть сердце. И уже через трое суток с парашютом за спиной Надя вновь поднялась в самолет.

А осенью 1943 года она совершила свой восемнадцатый и последний прыжок — в тыл врага.

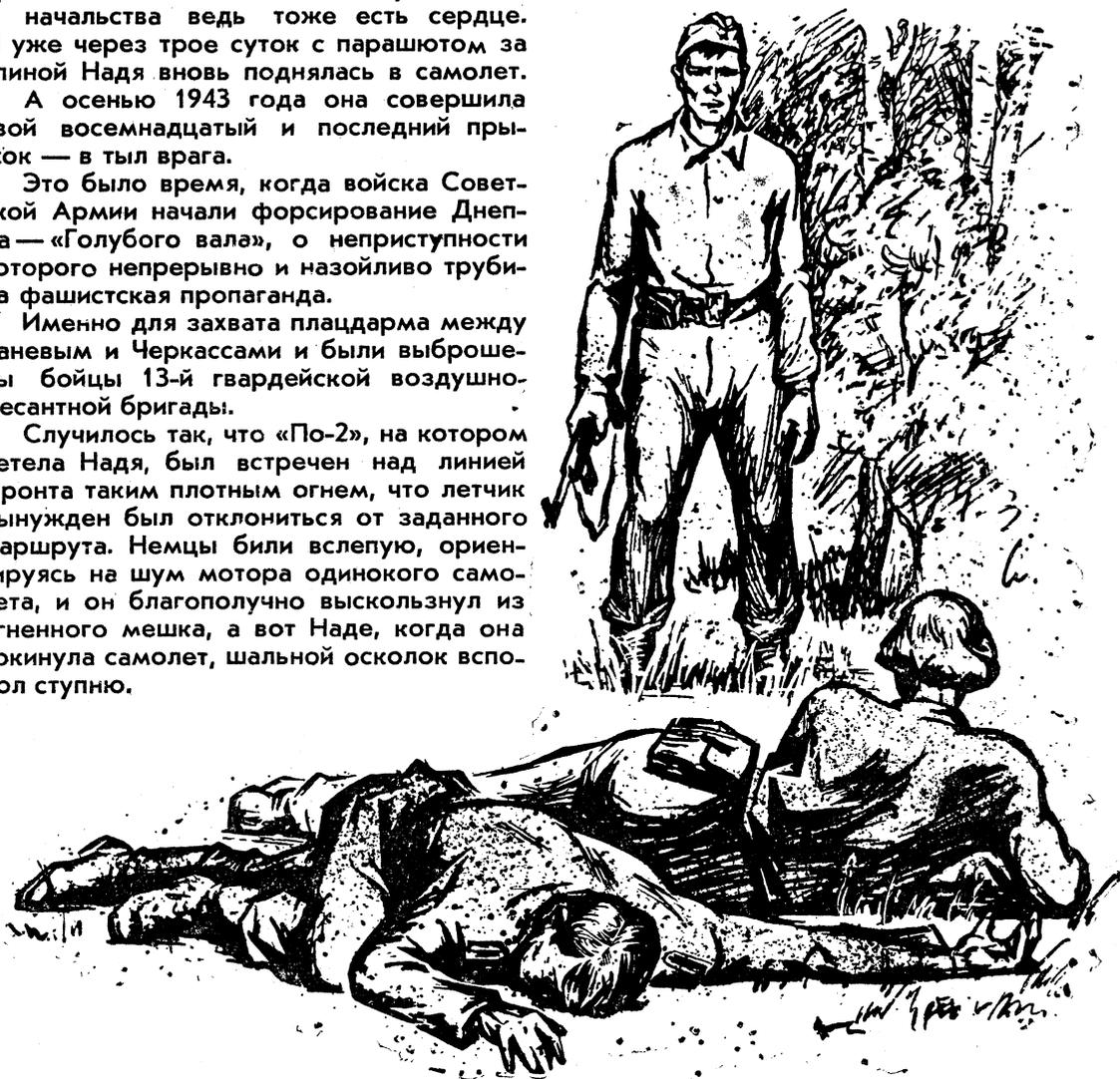
Это было время, когда войска Советской Армии начали форсирование Днепра — «Голубого вала», о неприступности которого непрерывно и назойливо трубила фашистская пропаганда.

Именно для захвата плацдарма между Каневым и Черкассами и были выброшены бойцы 13-й гвардейской воздушно-десантной бригады.

Случилось так, что «По-2», на котором летела Надя, был встречен над линией фронта таким плотным огнем, что летчик вынужден был отклониться от заданного маршрута. Немцы били вслепую, ориентируясь на шум мотора одинокого самолета, и он благополучно выскользнул из огненного мешка, а вот Наде, когда она покинула самолет, шальной осколок вспол ступню.

В момент приземления боль, казалось, разрывала ногу. Но стонать было нельзя, ведь Надя находилась на занятой врагом территории. Стиснув зубы, она затаилась и стала вслушиваться в ночь. Зенитные орудия врага уже угомонились. Теперь вокруг царил тишина.

Она достала финский нож, потрогала пальцем отточенное лезвие и твердо решила, что если немцы попытаются захватить ее в плен, она убьет себя этим ножом. Затем начала накладывать повязку на свою рану, и тут до ее слуха долетели звуки далекой перестрелки, к югу от того места, где лежала она, Надежда Дудина. «Так вот где дерутся наши!»

Поднялась на ноги, даже сделала несколько шагов и — упала: боль оказалась невыносимой. Тогда, стиснув в руке нож, она поползла туда, откуда слышалась стрельба. И думала о том, что если немцы попытаются схватить ее, она убьет себя.

Обо всем передумала она той ночью. Но желание жить и страх перед пленом были настолько велики, что и сейчас, когда с той ночи минуло почти тридцать лет, Надежда Евстигнеевна отчетливо помнит только одну, главную свою мысль: она и сейчас уверена, что непременно убила б себя, если бы не было другого способа избежать плена.

Ползла она всю ночь, а на рассвете, когда стала отчетливо видна каждая травиночка, залегла в кустах, чтобы собраться с силами и переждать день.

Ей казалось, что она не сомкнула глаз, все видела и слышала, но немецкая речь, раздававшаяся рядом, все же поразила ее своей неожиданностью.

Чуть раздвинув ветви, она увидела двух фашистских солдат. Они шли прямо на нее. Еще немного, и они просто наступят на Надю сапогами!..

Пальцы закаменели на рукоятке ножа.

Но немцы остановились буквально в двух шагах от куста. Перекинулись несколькими фразами, потом один, поправив автомат, висевший на груди, зашагал дальше, а второй сел на землю, спиной к Наде. Закурил.

Именно в этот момент Надя поняла, что ей необходимо немедленно убить этого немца. Чтобы он больше никогда не смог так спокойно сидеть и покуривать на советской земле. Широкая спина немца закрывала от нее весь мир. И Надя с ножом в руке выползла из-под куста. Так выползла, что ни один сучочек не хрустнул, ни одна веточка не шелохнулась. Что было сил, она вонзила нож в эту ненавистную спину. Точно под левую лопатку.

Немец вскрикнул и повалился набок.

Этот вскрик напугал Надю, и она юркнула снова под куст, в свое убежище. Только прижалась грудью к земле — обожгла догадка: «А если второй немец услышал крик и сейчас вернется?»

Она снова бросилась к убитому врагу, вооружилась его автоматом. И тут услышала позади себя шаги. Быстро развернулась, направив автомат на человека

в комбинезоне. Но на спусковой крючок, к счастью, нажать не успела. Чуть не разревелась от радости: перед нею стоял один из наших десантников, в руках у него тоже был немецкий автомат. Этот десантник тоже выбросился неудачно. Минут пять назад он убил второго из тех двоих фашистов. Оказывается, он видел, как Надя убила первого. Только он принял ее за мужчину: уж очень ловко она действовала.

Дождавшись вечера, они вместе пошли на юг, откуда все еще доносилась стрельба. Вернее — Надя ползла, а Вася — так звали десантника — шел; Когда Надя выбивалась из сил, он брал ее на руки и нес.

Надежда Евстигнеевна не помнит, сколько раз он брал ее на руки, не может даже приблизительно сказать, сколько километров он пронес ее. Точно она знает одно: Вася скорее бы погиб, чем бросил ее одну. Это он делом доказывал все трое суток, пока они продвигались по вражескому тылу.

И вдруг, когда им осталось преодолеть последний холм, за которым шла перестрелка, они увидели спускающихся с вершины этого холма, прямо на них, вооруженных автоматами фашистских солдат. Вася крикнул своей спутнице:

— Ложись! Бей гадов!

Она плюхнулась на траву и стала поливать фашистов длинными очередями из их же автомата.

Лишь позднее Надя узнала, что они с Васей случайно перекрыли путь отступления вражеским солдатам, на которых наседали наши десантники. И еще ей сказали, что Вася ранен в руку, а она, Надежда Дудина, настоящий воздушный десантник.

Желая после излечения вернуться в свою 13-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду, Надя попыталась бежать из госпиталя, но была «поймана» и возвращена в госпиталь долечиваться. Последующая ее служба связана с 453-м зенитным артиллерийским полком.

В 1946 году Надежда Евстигнеевна Дудина (ныне Трапезникова) демобилизовалась, приехала в Пермь и с тех пор живет и работает здесь. Она — медицинская сестра. Как видите, она верна своему призванию.

СОРАТНИК НОВИКОВА

14 февраля 1792 года чиновники рижской таможни осматривали вещи пассажиров, прибывших с почтовой каретой из Германии. Особый интерес у таможенников вызвали пожитки двух небогато одетых молодых людей. Это казалось странным, потому что своим скромным видом приехавшие совсем не походили на людей, занимавшихся перевозом контрабандных товаров.

Осмотрщики дотошно рылись в их вещах, проявляя особый интерес к увесистым связкам бумаг и книг, которые большей частью были напечатаны на немецком и латинском языках.

Во время обыска один из приехавших, нервный и с виду больной, возмущался задержкой и чуть не затеял ссору с чиновниками. Спутник больного всячески старался его успокоить.

Наконец, начальник таможни объявил, что книги, писанные по-латыни, здесь рассмотреть некому, а потому их надлежит немедленно отправить в Петербург, чтобы узнать, не содержат ли они чего-либо запрещенного.

Молодые люди, вызвавшие подозрение чиновников, были задержаны. Вскоре их усадили в закрытый возок, который под усиленным конвоем помчался в сторону Петербурга...

Странное происшествие в таможне объяснялось тем, что за несколько дней перед случившимся из столицы прискакал

курьер и вручил рижскому губернатору Броуну секретный пакет. Распечатав его, Броун прочел:

«...Двое из московских студентов, Василий Колокольников и Максим Невзоров, воспитывавшиеся в чужих краях на иждивении некоторого общества, должны вскоре возвратиться из Геттингена во свояси через Берлин и Ригу... Повелеваем вам секретнейшим образом принять меры осторожности, дабы в случае проезда сих людей через Ригу, под видом таможенного осмотра отобраны были все имеющиеся у них бумаги и письма... Путешественников под предлогом или утайки вещей, или же провоза законами запрещенных, задержите там, впредь до указа».

В конце письма стояла краткая подпись: «ЕКАТЕРИНА».

* * *

Сводчатые стены камеры Петропавловской крепости дышат промозглым холодом. По ночам крысы затевают омерзительную возню. Колеблющееся пламя сальной свечи выхватывает из темноты шаткий стол и на нем бумагу, перо и чернильницу. Узник берет исхудавшими пальцами гусиное перо и выводит на листе: «История жизни и дел моих». Он пишет по приказу начальника Тайной экспедиции Шешковского. Писать надо осторожно, чтобы не повредить ни своим друзьям, ни себе.

«Родился я в селе Пыскоре,

Пермского наместничества...»

Написав первые строки, узник задумался. В памяти встали родные места: дикая красота Урала, впадающая в Каму речка Пыскорка, соляные варницы, медеплавильный завод, тяжелый труд горнозаводских рабочих людей, малые дети, таскающие кирпич, глину и известь для строительства плавильных печей, добывающие соль на варницах...

Отец, бедный священник, мечтал о духовной карьере сына и иного пути для него не мыслил. Поэтому в 1768 году в списках учеников Вятской духовной семинарии появились строки: «Ученик школы аналогии Василий Колокольников, Пыскорской Николаевской церкви попа Якова сын, 10 лет».

Маленькому бурсаку предстояли тяжелые годы учения, полуголодное существование на скудных семинарских харчах. Великовозрастные старшекласники деспотически командовали младшими. Были среди них и рьяные любители кулачных боев. Хранители школьных преданий утверждали, что как-то отчаянные семинаристы разнесли полицейскую контору, избили самого городничего и дубьем разогнали вступивших за него караульщиков.

Но кроме драчунов, было здесь и немало книгоцеев, зачитывавшихся фолиантами из семинарской библиотеки. Интересовались не только сочинениями церковных авторов — чи-

тали поэтов, историков, ораторов. Такие семинаристы и молодые преподаватели, охваченные жаждой познания, набрасывались на какой-нибудь двадцатитомный «Корпус истории Византии», таскали его полупудовые тома в свои убогие кельи, читали ночи напролет...

В 1777 году, окончив семинарию, Колокольников остался преподавать там латинскую грамматику. Перед ним открывалось заманчивое для многих семинаристов будущее: при желании он мог стать священником богатого прихода где-нибудь в Кунгуре или Соликамске, а после пострижения в монахи ему было бы обеспечено место настоятеля в монастыре.

Но молодой преподаватель все больше и больше охладевал к духовной карьере. Страсть к чтению возростала. И если его старшие товарищи, тоже пермяки, Александр Чебыкин и Степан Колачников тяготели к богословской литературе, то Колокольников предпочитал книги по естественной истории. Пытливый, охочий до знаний молодой учитель рвался из семинарии в Москву по следам славного вятчанина Константина Шапина, ставшего одним из первых профессоров медицины в России, и бывшего семинариста Ермила Кострова, который уже успел закончить Московский университет и обещал стать незаурядным поэтом и переводчиком.

С твердым решением сменить более или менее благополучную жизнь семинарского преподавателя на необеспеченное существование студента, Василий Колокольников покинул Вятку. Он твердо решил усовершенствовать себя в светских науках, записался в Московский университет, чтобы «учиться на первой раз экспериментальной физике и математике», а в дальнейшем посвятить себя изучению медицины.

Ему приходилось туго. День-

ги, сбереженные от скудного учительского жалованья в семинарии, быстро кончились. По примеру других нуждающихся студентов Колокольников отыскал «кондиции» — учил арифметике «благородных» детей. Так ему удалось продержаться полтора года.

Будучи в столь бедственном положении, Колокольников узнал, что при университете открылась какая-то филологическая семинария и что принятых туда обеспечивают столом и кровом. Недолго думая, он подал прошение и был записан в семинарию, а вскоре увидел и одного из ее организаторов, невысокого, просто одетого человека с умными проницательными глазами, гладко зачесанными волосами над большим высоким лбом. Это был Николай Иванович Новиков.

Многие читатели знали его «Опыт исторического словаря о российских писателях», «Древнюю российскую вивлиофику». Особенно быстро расходились сатирические журналы «Трутенъ», «Живописец», «Кошелек». Говорили, что журналами была недовольна императрица.

Сам Новиков плохо чувствовал себя в холодном чиновном Петербурге, хотелось в Москву. Казалось, что там он найдет больше независимых людей, сочувствующих его борьбе за русское просвещение. В 1779 году он осуществил свое намерение и сроком на десять лет арендовал типографию Московского университета.

Дело расширилось, и когда вышел указ о вольных типографиях, то Новиков поспешил воспользоваться этим. Одну типографию он оборудовал сам, а разрешение на открытие второй подал его друг Иван Лопухин.

В университете Новиков сошелся с профессором Иваном Григорьевичем Шварцем, и они вместе открыли сначала педагогическую, а потом филологиче-

скую семинарию. Последняя предназначалась для подготовки переводчиков иностранной литературы. Новиков считал, что только такими мерами, постепенно внедряя просвещение, можно исправить существующие порядки и смягчить нравы общества. На этой почве Новиков сошелся с масонами, цель которых выглядела привлекательной — облагораживать и объединять людей на началах взаимопомощи, братства, любви и равенства.

Зачисленный на кошт Типографической компании, Василий Колокольников поселился в доме, приобретенном для семинаристов на Чистых Прудах. Здесь жил и его товарищ по университету рязанец Максим Невзоров. Общаясь с членами масонского кружка, оба друга постепенно знакомились и с их учением. Но, надо полагать, что юных неопитов масонства прежде всего привлекала не туманная основа этого учения, не пышная символика таинственных ритуальных церемоний, а обаятельная личность самого Новикова.

Работа переводчика увлекла Колокольникова, тем более, что издатель был щедр на гонорары, а литературный приработок был немалым подспорьем для бедного студента. В начале 1785 года Колокольников закончил перевод труда немецкого ученого Иоанна-Якова Бруккера «Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен». Это сочинение обнаруживало весьма обширную эрудицию автора, и переводчик работал над ним с большой пользой для себя. Книга была издана Типографической компанией в том же году.

Сочетая работу переводчика с учебной в университете, Колокольников успешно закончил медицинский факультет. Дальнейшей мечтой стало получение

докторской степени, что можно было осуществить только за границей. Колокольников и Невзоров попросили Типографическую компанию отправить их в Западную Европу. Разрешение было получено, Иван Лопухин брался содержать будущих докторов в течение трех лет.

Путь от Москвы до Лейпцига друзья совершили с обозом, везущим на ярмарку товары русских купцов. Дальше ехали почтой до Лейдена. Этот голландский город издавна славился университетом, и многие русские завершали здесь свое медицинское образование.

После двух лет старательных занятий Колокольников и Невзоров предстали перед строгим собранием профессоров и были подвергнуты экзамену, после которого им присудили докторские степени.

Перед возвращением в Россию обоим докторам захотелось посетить Париж, но узнав о намерении друзей, осторожный Лопухин немедленно написал им письмо, предостерегая от поездки во Францию: «Почитая за полезное в рассуждении царствующей там мятежности, советую избежать тамошнего житья, да и потому, что, по слухам, всех русских от двора нашего велено выслать оттуда».

Друзьям пришлось отправиться из Геттингена, где они жили последнее время, в Россию... В Риге на таможенной станции их арестовали.

Пока Колокольников и его друг жили за границей, с Но-

виковым и его московскими единомышленниками произошли большие перемены. В мае 1790 Радищев отпечатал знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». Екатерина увидела в авторе «злодея пуше Пугачева», заявив, что «сочинитель наполнен и заражен французским заблуждением» — идеями начавшейся Великой Французской революции.

Кроме того, Екатерине казалось, что масоны оказывают известное влияние на Павла, и через них наследник осуществляет тайные связи с границей и, чего доброго, с французскими мятежниками.

Подозрение пало на двух медиков, совершенствующих свои знания в Европе. Новый московский генерал-губернатор князь Прозоровский взял под контроль переписку Новикова и Лопухина с Колокольниковым и Невзоровым. Каждое письмо вскрывалось и в копии представлялось Прозоровскому.

Так, летом 1790 года стало известно о намерении Колокольникова и Невзорова посетить Париж. «Контролеры» решили, что лейденские доктора и есть «посредники между новиковским кружком и «якобинцами». Московский почт-директор Пестель доносил: «Принял осторожнейшие меры узнать через кого они (Новиков и его друзья) отправляют деньги известным студентам находящимся (!) в Париже». Распространялись слухи, что Колокольников и Невзоров были депутатами в Национальном

собрании в Париже и поздравляли «мятежников» с революцией».

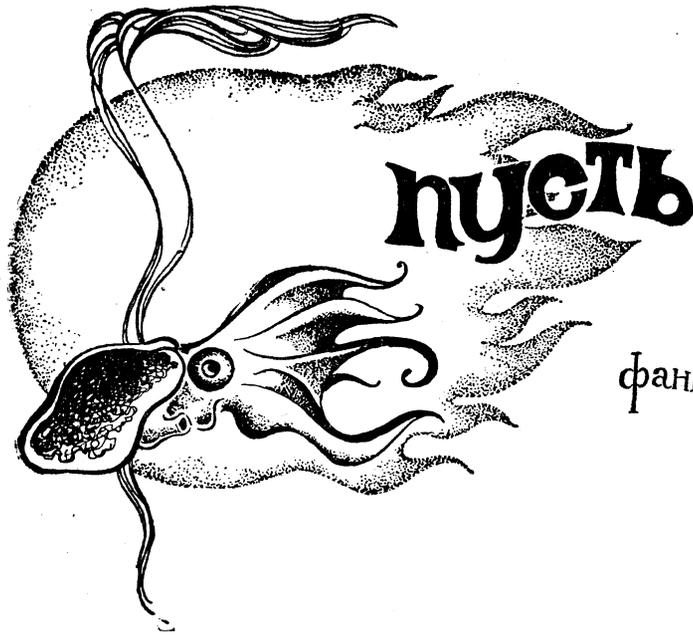
Екатерина сочла необходимым арестовать крамольных докторов по их возвращении в Россию.

Следствие по делу Колокольникова и Невзорова вел знаменитый Шешковский, сыскных дел мастер. Многие перенесли Колокольников и Невзоров в Тайной экспедиции... Внезапный арест, препровождения из одного места заключения в другое, заточение в сырых мрачных стенах Петропавловской крепости, «допросы с пристрастием» повредили разум Невзорова. Как лишенного рассудка его шесть лет продержали в больнице.

Василий Колокольников промучился недолго. В крепости он тяжело заболел и скончался весной 1792 года.

Двое русских медиков, молодые талантливые люди, мечтавшие своими знаниями принести пользу отечеству, были первыми жертвами борьбы Екатерины с Новиковым. В апреле схватили и его самого. «Крамольные» книги, изданные Новиковым, повелено было уничтожить. В кострах и печах сгорели сочинения Руссо, Вольтера, Дидро... Горели и экземпляры книги, переведенной Василием Колокольниковым, талантливым пермским уроженцем, рядовым бойцом просветительского отряда Николая Новикова.

В. СЕРГЕЕВ

Игорь Росоговалский

ПУСТЬ СЕЯТЕЛЬ ЗНАЕТ

фантастическая повесть

Рисунки Е. Стерлиговой

Загремела — кольцо о кольцо — якорная цепь. Море коротко охнуло, плюнуло брызгами, пеной.

Слава стоял у борта рядом с Валерием, вглядывался в темную воду. Где-то там скрывается ответ на загадку. Он подумал о тех двух аквалангистах... Что увидели они в морской глубине в последние минуты жизни? Их тела всплыли на поверхность, как до того всплывала мертвая рыба, — без ран, без малейших повреждений. Только в некоторых местах на коже виднелись красные пятна, да у одного из спортсменов на лице застыла улыбка — не гримаса, а самая настоящая веселая улыбка. Что развеселило его перед смертью?

— Слава, помнишь уговор? — спрашивает Валерий.

Не поворачивая головы, Слава кивает. Но Валерий, как видно, тоже смотрит не на него, а на воду, потому что повторяет вопрос.

— Я не меняю решений, — говорит Слава. (Это правда, и он любит это повторять.)

Ему кажется, что Валерий улыбается...

Вода тащит на гребне несколько мертвых рыбин и бросает их о борт. Ветер доносит сладковатый запах. И, как отмечалось всеми, кто побывал в бухте за последнее время, здесь почти нет чаек. Они каким-то неведомым чувством ощутили опасность и покинули бухту.

На палубу выкатился Никифор Арсентьевич Тукало и густым своим баритоном сообщил, что приготовления окончены. Через несколько минут низко над палубой повис рыбообразный, белый с продольными черными полосами батискаф.

— Пошли, — сказал Валерию Слава и направился к батискафу.

Скрипа и кряхтения лебедек они уже не слышали. В иллюминаторах потянулись жемчужные цепочки и исчезли. Стекла словно задержались черными шторками извне и внезапно по-

крылись серебристой амальгамой. Это ударили прожекторы.

Слава отрегулировал их, и мир за иллюминаторами медленно прояснился. Он казался Славе пустым и неподвижным, хоть и вспыхивал десятками оттенков под лучами прожекторов: в нем было слишком мало жизни. Не мчалась стрелой от яркого света треска, не мелькали падающими монетками сардины. Только медленно проплывали колокола медуз.

У пульта вспыхнул красный огонек, раздался сухой стрекочущий звук. Слава и Валера одновременно повернули головы. Да, это защелкал счетчик Гейгера. Он уловил невидимую опасность, не имеющую ни цвета, ни звука, ни запаха.

Валерий вопросительно взглянул на Славу, но тот успокаивающе улыбнулся. Излучение пока не страшно, количество рентген не достигло контрольной цифры.

Они продолжали погружение под нарастающий аккомпанемент счетчика. Потом пошли над самым дном, которое в лучах прожекторов выглядело особенно объемным и рельефным. Каждый камень был необычно выпуклым, различались все его выступы и впадины. И все сверкало, как нарядная елка в огнях лампочек.

Но вот среди этого выхваченного из тьмы великолепия прожектор наткнулся на металлический блеск. Слава сфокусировал лучи двух боковых прожекторов. Теперь из вечной ночи выступила вся металлическая глыба. Это был огромный ящик, на котором отчетливо виднелось несколько латинских букв и хорошо знакомый всем зловецкий знак.

— Контейнер... — хрипло проговорил Валерий.

Счетчик Гейгера захлебывался щелканьем, словно собачонка лаем, вопил об опасности, мигал красным глазом.

«Как новый сигнальный орган, созданный нами против нами же порожденной опасности», — подумал Валерий.

Слава осматривал пустынное, без всякой растительности дно. Оно казалось стерильным, словно хорошо обработанная рана. Но почему? Радиоактивность здесь, если верить счетчику, не такая уж высокая, чтобы убить все живое. «Если верить счетчику...»

Ему стало жарко. Пот выступил на лбу. Он нажал на рычаг — батискаф начал подъем. Усилием воли Слава заставил себя не выпустить из отсеков всю воду, — иначе пробкой вылетишь на поверхность. Но и так батискаф удирал от контейнера слишком быстро, у обоих перехватило дыхание.

В иллюминаторе мелькнуло несколько быстрых теней. Слава почти инстинктивно выключил боковые прожекторы, а носовой притушил на девять десятых. И тени появились снова.

Слава приостановил батискаф.

Он уже был убежден, что счетчик не врал

и особой опасности нет. Почему пришла такая убежденность, понял позже, когда в иллюминаторе на большом расстоянии увидел стадо рыб. А потом боковое окошко закрыла бесформенная, исцеленная морщинами и складками масса. Показалось щупальце с присосками, повисло по стеклу. Затем в иллюминаторе появились глаза, а за ними и вся голова, беззубый с клювом рот, часть туловища и воронка. Даже для осьминожьих глаза были необычны. Их выражение менялось, становилось слишком осмысленным, даже пронизательным. А в глубине их, за всей сменой выражений, сгустилась боль, какой-то мучительный вопрос.

Валерий издал нечленораздельный возглас, не в силах оторвать взгляда от этих глаз, и в тот же миг голова исчезла.

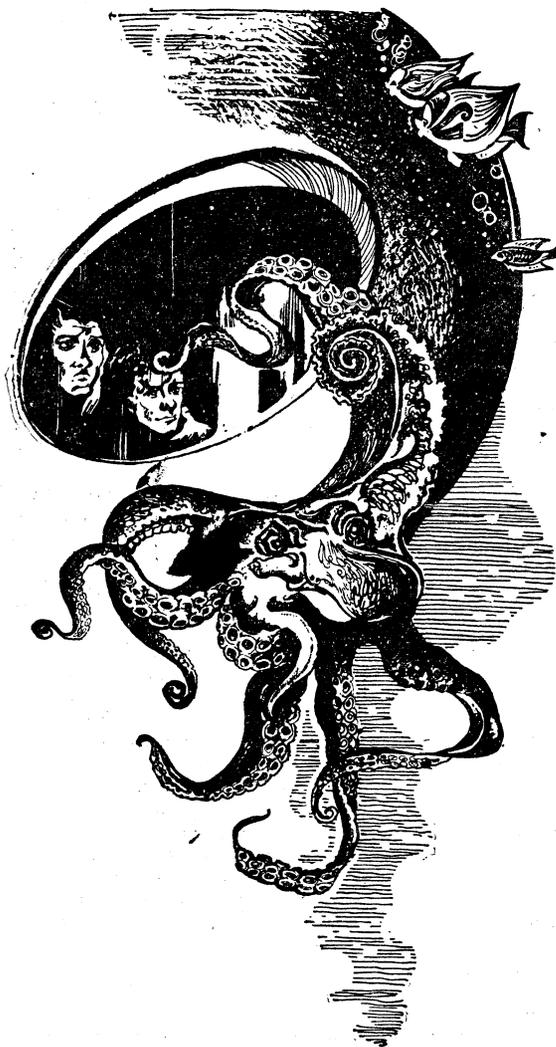
Слава напрасно прождал некоторое время, включая и выключая свет, затем продолжил подъем.

«Собственно говоря, пока ничего не удалось определить — думал он. — Радиоактивность недостаточно высока, чтобы быть ответом на загадку. Тем более на той глубине, куда могли добраться люди с аквалангами. Может быть, осьминоги напали на них?»

Он вспомнил о присосках на щупальцах. Обычно они не очень сильные, во всяком случае человека не удержат. А легенды о страшных осьминогах — выдумки. Но увиденный ими экземпляр уж очень необычен...

Сразу же после возвращения на палубу корабля Слава рассказал товарищам о своих наблюдениях. Решили, что через несколько часов батискаф начнет второе погружение. На этот раз в нем будут ихтиологи Косинчук и Павлов.

Но и второе, и третье погружения батискафа не обогатили экспедицию данными. Ихтиологи подтвердили только, что осьминог, встреченный Славой и Валерием, — какой-то незнакомый вид. Не дальневосточный *octopus dofleini*.

Слава больше всего боялся вернуться ни с чем из первой доверенной ему экспедиции. Он представлял себе недоброе торжество — оно могло бы мелькнуть на лице Ивана Герасимовича, — укоризненный взгляд директора, молчание сотрудников, которое он бы принимал за что угодно, только не за простое молчание. А он не терпел по отношению к себе ни жалостливого сочувствия, ни равнодушия.

За прошедшие дни Слава сильно похудел, пропах потом и солью, пиджак на нем провисал между лопатками, даже большой мясистый нос несколько заострился. Впрочем, все участницы экспедиции утверждали, что перемены пошли Славе на пользу: он стал интереснее... Что же касалось дела, то Слава не обходил вниманием ни одного предположения сотрудников о тайне бухты, даже самого фантастического. А из его собственных уст гипотезы сыпались, как из рога изобилия. Он даже во сне придумывал гипотезы — кстати, спал он не больше четырех часов в сутки, и днем его часто покачивало на ходу. И если он все же не слег, то держался в основном на черном кофе и ущемленной гордости.

Когда Тукало заметил, что мясо мертвой рыбы, выловленной в бухте, имеет странный запах, Слава сам проверил мясо в судовой лабор-

ратории. Сначала он ничего не установил, но затем проверял до тех пор, пока в конце концов не нашел причину: в клетках мяса мертвых рыб не сохранилось некоторых аминокислот с богатыми фосфорными связями.

Слава до изнеможения проверял результат анализа, потом — правильность проверки и был так возбужден, что не чувствовал усталости.

И сейчас, когда они с Валерием опять опускались в батискафе, в голове Славы все еще кружился хоровод гипотез — настолько ярких, что из-за одного этого он уже должен был остерегаться их.

Время от времени они поглядывали на прикрепленную к батискафу сеть, где находились рыбы и крабы, служившие приманкой.

«Если постепенно исключать все, что не могло быть причиной гибели акванангистов, то останутся лишь увиденные нами животные. Конечно, это только гипотеза, но когда не остается ничего другого...» — сказал Слава на совещании и предложил вот эту самую ловушку.

Батискаф плыл над самым дном, но осьминоги не появлялись. «Возможно, мы сбились с курса?» — подумал Слава. Он убедился в этом, когда увидел дно. Оно отнюдь не было пустынным. Перед ними раскинулись настоящие джунгли, жизнь являлась здесь отовсюду, лезла из всех пор, из щелей между камнями, из расщелин скал. По-весеннему жадная, изобильная, сочная, она разбрасывала свои дары направо и налево, кому угодно, как угодно, не замечала потерь, не подсчитывала доходов, убивала и друзей и врагов, оживляла и тех и других, предавала то, что ее порождало, перевозносила большое и презирала малое, чтобы тут же поступить наоборот, погибала в невероятных муках и снова рождалась, как бы доказывая что-то самой себе.

Валерий и Слава были поражены этим расточительным буйством рядом с мертвой зоной.

— Смотри! — вдруг крикнул Слава.

В иллюминаторе появился осьминог. Он плыл, как торпеда, выталкивая воду из воронки, сложив щупальцы, похожие теперь на стабилизаторы. За ним плыло несколько его сородичей. Они подплыли к сети, прошли вдоль нее, будто обнюхивая. Один протянул щупальце и провел по ячейкам сети. Его движения были осторожными. Осьминог словно интересовался самой сетью, а не тем, что находится внутри ее. Он ненадолго исчез из поля зрения, затем в иллюминаторе показалась его голова. Огромные глаза внимательно разглядывали людей, остановились на Славе. Над глазами появились рожки. Осьминог изменил цвет, стал линять, переливаться разными оттенками и вдруг расцвел радугой.

— Приветствует руководителя экспедиции, — пошутил Валерий.

— Типичная реакция, — совершенно серьезно заметил Слава.

— А может быть, он хочет поговорить с нами? — продолжал острить Валерий.

Осьминог вытянул щупальце и, как в первый раз, поводит им по стеклу.

— Однако он заслоняет нам сеть, — нахмурился Слава и изменил направление движения батискафа.

Осьминог исчез, сеть снова стала видна. Рыбы и крабы остались нетронутыми, а осьминогу уходило строем, подобным журавлиному клину.

— Никогда не слышал, чтобы они плыли строем, — пробормотал Слава.

Он потянул на себя ручку глубины, бросая батискаф в погоню. Надежды на успех почти не было: он не мог предугадать, куда направятся осьминоги, а батискаф явно уступал живым торпедам и в скорости, и особенно в маневренности. Славу вела лишь интуиция, и рассчитывал он только на счастливый случай.

Он догнал их у самого дна. Успел заметить, как быстрые тени скользнули в узкое подводное ущелье.

«Словно знают, что батискаф туда не пройдет», — подумал Слава и повел корабль в обход. Несколько виражей — и он увидел осьминожьей стаей, растянувшуюся теперь цепочкой. Моллюски, как по команде, рванулись ко дну и исчезли. Слава включил на полную мощность прожекторы и ахнул от удивления.

Перед ним блистал, сверкал, лучился всеми оттенками радуги осьминожий город. Слава вспомнил знаменитую книгу Кусто и Дюма, но французские исследователи описывали сравнительно простые сооружения из камней, хотя и с подвижными валами и барьерами из различного строительного мусора, включая обломки кирпича и панцири крабов. А здесь громоздились многоэтажные постройки с лабиринтами улиц и круглой площадью в центре.

— «Октопус сапиенс!» — прошептал Слава. — Вот это было бы открытие...

— А почему бы и нет! — воскликнул Валерий. Он смотрел на город, вытаращив глаза, пытаясь получше разглядеть удивительные сооружения, сложенные, казалось ему, из обтесанных камней. — Новый вид — осьминог разумный! Разве это в принципе невозможно? Что мы совсем недавно знали о дельфинах?

— Погоди, погоди, — досадуя на свой неосторожный язык, остановил товарища Слава. — Мы же еще ничего не знаем...

Из ближайшей постройки стремительно выплыл осьминог, помчался прямо на батискаф. Слава притушил прожекторы. Осьминог остановился у иллюминатора, заглянул, как прежде, внутрь корабля. Его огромные осмысленные глаза встретились с глазами людей. И Слава и Валерий почувствовали немой призыв. Осьминог отпрянул от стекла и медленно, словно приглашая за собой корабль, поплыл вдаль. Слава повел за ним батискаф.

Осьминог уверенно плыл по известному ему пути, делая многочисленные повороты и время от времени останавливаясь, чтобы подождать корабль.

Ожил счетчик Гейгера, защелкал, фиксируя микродозы облучения. Его треск неуклонно усиливался, замигала первая контрольная лампочка, потом — вторая. Если включится третья — в зоне находиться нельзя.

Впереди показалась темная металлическая глыба контейнера. Осьминог вытянул щупальцы, словно указывая на нее, развернулся, толчком выбросил воду из воронки и поплыл почти по вертикали. Батискаф направился за ним.

Осьминог привел их к месту, которое заметили с высоты летчики и обозначили на карте. Здесь вода была красноватой из-за обилия планктона.

— Так вот оно что! — с торжеством произнес Слава. — Сильвестров прав, радиоактивным излучением можно вызывать цветение планктона. Понимаешь связь: контейнер и цветущий планктон?

— Понимаю, — медленно сказал Валерий, думая о другом.

— Но ведь это как раз то, что может здорово пригодиться людям! Обилие планктона — обилие пищевого белка...

Валерий смотрел на красноватую воду с каким-то непонятным беспокойством. В подсознании бродили воспоминания, не в силах пробиться на поверхность.

Днем и ночью горел свет в судовой лаборатории, не выключались термостаты, гудели центрифуги, в бешеной карусели осаждая раствор. Микрометры нарезали зеленую ткань на мельчайшие пленки толщиной в тысячные доли миллиметра, чтобы затем эти срезы легли на стеклышки микроскопов. Одновременно исследовалась вода в полупрозрачных колонках, обрабатывалась кислотами и щелочами.

Спустя несколько дней, худой, с красными от бессонницы глазами, но выбритый, Слава собрал сотрудников. Коротко и деловито сказал:

— В этой бухте мы наткнулись на локальный островок планктона. Исследование выявило несколько повышенную радиоактивность живой массы, что наталкивает на связь между контейнером и интенсивным размножением планктона. Вот данные.

В каюте потух свет. На экране замелькали колонки цифр.

— Как видите, Сильвестров прав, и Никифору Арсентьевичу придется с этим примириться, — подытожил Слава, когда демонстрация данных окончилась.

— Отнюдь нет, — возразил Тукало, быстро вскакивая со стула. — Хотя вы и свято храните верность битому Сильвестрову, проблема не решается так, как вам хочется!

Тукало забегал взад-вперед, выставив круглый живот.

— Да, всем теперь известно, что человечеству — хочет оно того или не хочет — придется привыкать к необычной пище. Сегодня мы даем планктонные пастбища рыбе, моллюскам, чтобы затем питаться ими. Но нам предстоит самим пастись на планктоне — и это совсем не плохо. Наоборот, это и экономично, и вкусно. Процесс уже начался. Первые плавучие фабрики, эти механические «киты», заменившие живых, перерабатывают планктон, готовя из него настоящие деликатесы...

Слава попытался было заметить, что Тукало увлекся вступлением и пора переходить к деловой части, но ему не удалось вставить ни слова. Если уж Никифор Арсентьевич сел на своего конька, то немедленно пускал его в галоп.

— Не подлежит сомнению, что уже сегодня нужно думать о том, как повысить урожай планктона. Но, юный друг мой, облучение планктона с помощью изотопов, предложенное Сильвестровым, глубоко ошибочный путь. Воздействуя радиацией, мы выведем новые сорта с пониженным содержанием белка. Кормовой массы будет больше, а ее питательность понизится. К тому же существует опасность радиоактивного заражения массы, как это вы только что убедительно показали...

Тукало сделал глубокий вдох и почти выкрикнул:

— Этого вы хотите? А ведь достаточно при-

менить те же высокие энергии для перемешивания вод, поднять на поверхность воду с глубин в триста—пятьсот метров, где так много питательных веществ, — и проблема решена. Небывалые урожаи планктона, обилие рыбы, морских животных...

— Но механизмы для перемешивания вод будут созданы еще не завтра, — наконец-то бросился в атаку Слава, — а метод Сильвестрова применим уже сегодня. Допустимые дозы облучения можно определить так, чтобы не повредить людям и в то же время ускорить размножение планктона, его «цветение»...

И вдруг Валерий вспомнил. Ну, конечно: цветение! Он же сам готовил в номер газеты материал зарубежного корреспондента. Цветение воды, непонятная вспышка размножения планктона, убивает драгоценные жемчужные устрицы в Японии. Это бедствие известно давно. Древние писания говорят, что вода в Ниле иногда приобретает цвет крови, и тогда погибали животные, испившие ее. Но если это так... Выходит, и аквалангисты, и рыба погибли потому, что... Мысль была невероятно простой и поэтому настораживала, она была слишком легкой разгадкой тайны бухты. Неужели же он догадался о том, что не могли понять ученые, специалисты?

— Простите, — сказал он, слегка заикаясь. — Все же я должен сказать...

К нему обернулись. Слава — с досадой: дескать, молчал бы, не то сейчас брякнешь лишнее, а мне потом отдуваться; Тукало — с откровенным изумлением перед журналистской наглостью, остальные — с удивлением. Но Валерий все же заговорил:

— Когда-то я готовил статью одного иностранца о том, что цветущий планктон убивает животных... На калифорнийском побережье умирали люди, те, кто употреблял в пищу отравленные ракушки... Я хорошо помню статью, честное слово...

— Черт возьми! — закричал Тукало. — А ведь он прав! Жгутиковые способны вырабатывать смертельный алкалоид. Этот ваш контейнер, — он сделал ударение на слове «ваш», хотя контейнер не был ни лично Славным, ни вообще экспедиционным имуществом, — вызвал цветение планктона, «красную чуму». Вот что хотите вы вкуче с Сильвестровым преподнести людям!

Слава подбежал к Валерию, обнял его, прося, потом нахмурился и наконец высказал вывод, уже сделанный мысленно журналистом:

— Возможно, именно поэтому погибли и аквалангисты, и рыба. Необходимо провести дополнительное исследование воды в бухте.

Он смотрел на Валерию и думал: «Это похоже на фокусировку луча: чем он уже, тем все более мелкие камушки, песчинки освещает на пути, но оставляет в темноте скалу, если она выситя немного в стороне. Процесс закономерен. Мы уходим в глубину, сужая пространство для поиска. Но вот к чему это приводит. Два человека глядят в окуляры микроскопов и спорят о том, являются ли песчинки частицами скалы, а третий без микроскопа видит всю скалу. Он, дилетант, делает открытие именно потому, что не углубился, не потонул в море сведений. Широты взгляда — вот чего нам не хватает...»

Снова уходил в море батискаф. Снова работали центрифуги, микроскопы, химические ана-

лизаторы... Слава ходил яростный, худой, неуспокоенный. В очередной раз поругавшись с Тукало, он направился в радиорубку. По дороге его перехватил Валерий.

— Послушай, старик,— обиженно заговорил он,— ну я-то имею право знать, подтвердилось ли мое предположение...

Слава посмотрел на него невидящими глазами, затем его взгляд прояснился.

— Извини, дружище... Дело в том, что твердого ответа пока нет. Алкалоид мы обнаружили, но растворен он в очень малых дозах. Человек отравится им, лишь если выпьет по меньшей мере литра два морской воды. Допустим, что у одного из аквалангистов кончился кислород и он успел так наглотаться... А второй? Два одновременно — невероятное совпадение!.. В общем, тут еще много «почему». Нужно расширить исследования и в первую очередь заняться осьминогами. А для безопасности следует оттащить контейнер куда-нибудь в глухую морскую впадину, пока его стенки окончательно не развала вода. Поэтому я и вызываю специальную подлодку-буксир...

Слава заметил, как вытянулось лицо Валерия, и вздохнул:

— Ничего не поделаешь, в науке всегда так — разгадка только кажется близкой. Будем искать.

Он смотрел мимо Валерия в иллюминатор напротив. Там подымалась и опускалась изогнутая изумрудная линия волны, где два момента — падение и взлет — с таким постоянством переходят друг в друга.

Валерий услышал за дверью своей каюты шум, голоса, топот ног. Он вышел в коридор и наткнулся на Славу.

— Подлодка обыскала всю бухту — контейнера нет... Ты помнишь место, где мы его видели?

— Конечно, помню,— сказал Валерий.— Там недалеко есть характерный выступ скалы.

— Пошли! — загорелся Слава.

Они вышли на палубу. На таях, готовый к спуску, висел батискаф. Невдалеке, будто спина металлического кита, выступала из воды длинная подводная лодка-вездеход. Она была начинена столькими механизмами, что во время движения у пульта управления дежурило по три человека одновременно. Эти трое едва успевали управляться с десятками кнопок и ручек, следить за лампочками — сигнальными, контрольными, обратной связи, аварийными. Зато подлодка могла выполнять самые различные операции. Она имела танковые гусеницы, ползла, если требовалось, по дну океана, вскарабкивалась на скалы, выбиралась на берег и там развивала скорость до сорока километров в час. Она была оснащена радаром, аппаратами ультразвуковой связи под водой, приборами инфракрасного видения.

К Валерию и Славе подошел коренастый человек с широким лицом и расплоснутым носом — командир подлодки. Он отозвал Славу в сторону, тихо сказал:

— Только что получил шифровку. Недалеко отсюда замечена иностранная подлодка. Правда, наблюдатели утверждают, что она, не останавливаясь, проследовала мимо, но они могли и ошибиться...

— Думаете, она могла утащить контейнер? — встрепетнулся Слава.— Но зачем?

— Если это контейнер с отходами, то вроде бы и незачем. А если там только оболочка контейнера, для маскировки, а начинка совсем иная?

— Начинка должна быть радиоактивной. Могут подвести наши глаза, наша смекалка, но не счетчики Гейгера.

— Радиоактивность еще не доказывает, что там отходы,— сказал командир и поджал губы. Видно было, что он не привык к долгим спорам.

Зато Слава мог их продолжать бесконечно, он любил перебирать всевозможные варианты.

— Погодите, но и по отходам можно кое-что узнать о проделанной работе,— сказал он, увлекаясь.— Это похоже на мусорную корзину, попавшую к сыщику. Может быть, они предпочитают, чтобы их контейнер не попадал в наши руки?

— Вот именно,— сказал командир.

Слава засмеялся и махнул рукой:

— Э, чего там гадать, скорей всего он лежит в том же самом месте, а вы его не заметили. Уж очень громадна ваша лодка, контейнер для нее — песчинка. Спустимся в батискафе и посмотрим.

По лицу командира было ясно видно, как он относится к человеку, который сомневается в его подводной лодке. Не удивительно, что такой вот ученый способен легкомысленно шутить в ответственные минуты.

— Я пойду с вами,— сказал командир.

— Троице в батискафе будет тесновато,— заметил Слава.

— Я пойду третьим,— сказал командир и еще больше поджал губы.

Батискаф плюхнулся в воду. Слава открыл иллюминаторы и для страховки включил экраны обзора.

— Наблюдайте, пожалуйста, за экранами,— предложил он командиру,— а на нашу долю останутся иллюминаторы. Так мы наверняка ничего не упустим.

— Слушаюсь,— сказал командир, прикипая взглядом к экрану. Только теперь Валерий заметил, что он совсем молоденький, вряд ли ему больше двадцати пяти.

Слава вел батискаф медленно, манипулируя прожекторами, то усиливая, то уменьшая свет, освещая дно под разными углами.

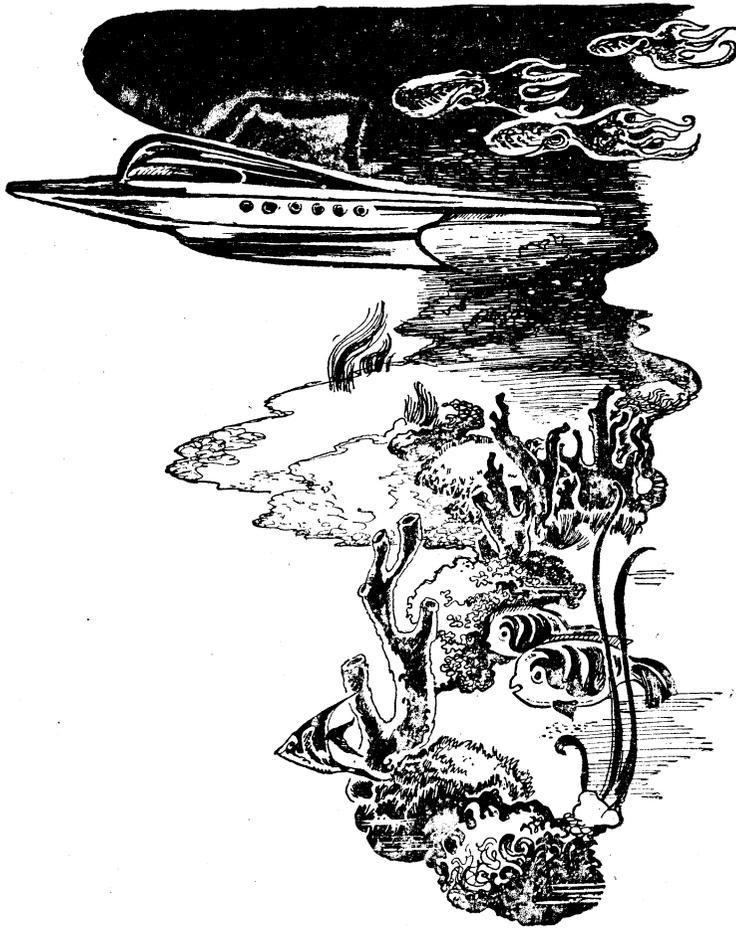
Проплывали темные расщелины, уходящие в сумеречную мглу подводные плато, скалы с красно-сине-зелеными мозаичными панно. Переливались пастельными тонами раскрывшиеся анемоны. Некоторые места были относительно пустынными, в других попадались стада рыб. Из темноты прямо на луч света выплыла зеленая змееподобная мурена. Открывая и закрывая пасть, усеянную острыми зубами, она шла прямо на батискаф.

— Вот это хищница! — восхищенно сказал Слава.— Идет на свет и ничего не боится. Даже того, что «добыча» великовата...

Показалась знакомая скала.

— Здесь,— почти одновременно сказали Слава и Валерий, увидев выступ, похожий на голову носорога.

Да, это был тот же выступ, та же скала, у подножия которой ничего не росло. Заметались лучи прожекторов, освещая белые меловые камни, песчаные островки...

Контейнера не было.

Словно кусок веревки, чуть приподнялся над камнями обрывок рыжей водоросли с какими-то пестрыми крапинками, занесенный сюда течением.

— Чтобы утащить контейнер, течение должно быть очень сильным, а приборы этого не показывают, — пробормотал Слава.

— Либо существует такое течение, либо подводная лодка не просто проследовала мимо, — сказал молоденький командир.

— Либо ни то, ни другое, — поддразнил его Слава.

— Вы на военной службе были? — будто незначай спросил командир.

— Хотите сказать, что там бы из меня сделали человека, — засмеялся Слава. — Но это сейчас делу не поможет.

Он повернул носовой прожектор чуточку влево.

— Смотрите! — воскликнул Слава. — Видите след? Как будто кто-то и в самом деле тащил контейнер. Впрочем, это могло быть и течение, если сила его не постоянна. Тут нужно поставить автоматы и замерять движение воды.

— Не мешало бы предварительно провести разведку и тщательный осмотр местности, ис-

пользуя водолазов и дельфинов, — заметил командир.

— Правильно! — неожиданно похвалил его Слава. — Здесь неподалеку есть учебная база боников, где они дрессируют дельфинов. Вызовем Лягушечку с ее друзьями.

Он улыбаясь, вспомнил что-то приятное. Валерий прильнул к боковому иллюминатору, услышался его возглас:

— Опять он!

К батискафу подплывал осьминог. В луче света было видно темное пятно там, где билось одно из трех сердец моллюска. Осьминог насколько не маскировался, наоборот — окрасился в черный цвет с продольными белыми полосами, словно хотел, чтобы его поскорее заметили. Похоже было, что это их давнишний знакомец, уж очень уверенно заглянул он в окошко и вперил в них глаза, с любопытством останавливая взгляд на командире.

Командир видел его впервые. Он пережил изумление, которое в свое время испытали Слава с Валерием. Впрочем, и на них опять подействовали эти огромные, нечеловечьи и почти

человеческие по выразительности глаза.

— Возможно, настоящие глаза у него значительно меньше, — попытался разрядить обстановку Слава. — Но вокруг них расположены кольцами ряды красящих клеток — хроматофор. Он может расширять их, пугая врагов.

— Какого бы размера ни были у осьминога глаза, они очень зоркие, — вспомнил не к месту Валерий. — С ними могут сравниться, кроме человеческих, только глаза кошки и совы.

— Вы тоже ученый? — спросил у него командир.

Валерий предпочел промолчать. Пожалуй, он бы теперь и сам не мог точно определить свою профессию. Филолог по образованию, он вскоре забыл за ненадобностью даже те жалкие сведения, которыми запасался перед экзаменами. Зато его память была напичкана самыми разнообразными знаниями по кибернетике и биологии, медицине и международному праву, космоплаванию и столярному делу. Он владел приемами джиу-джитсу, занимался слаломом и подводной охотой, имел права шофера первого класса, ходил с альпинистами на Памир. И при всем этом он служил разъездным корреспондентом в областной комсомольской газете, и только два раза ему удалось выступить в союзной прессе. Ва-

лерий, как и каждый журналист, очень надеялся, что когда-нибудь ему встретится настоящий материал, и он сможет написать книгу... И вот теперь казалось, что его мечта близка к осуществлению. Он закинул судьбу, чтобы контейнер не просто унесло течением, чтобы осьминоги оказались представителями нового, совершенно неизвестного науке вида...

Между тем осьмушки не отходили от иллюминатора. Казалось, он внимательно наблюдает за действиями людей. Командир, видимо, интересовался им уже меньше. Чаще всего осьминог останавливал взгляд на Славе, когда тот включал приборы и управлял кораблем. В такие моменты моллюск расцветал радугой красок, переходя от черного к пепельно-серому, от зеленого к салатовому, желтому, оранжевому, розовому, красному, он покрывался пятнами, становился полосатым...

— Жаль, что в этих условиях мы не можем наблюдать тончайших оттенков,— сказал Слава.— Их — сотни. Но система прожекторов даже у нашего батискафа еще далека от совершенства, а пластмасса иллюминаторов не идеально прозрачна. Зато она имеет большой запас прочности и выдерживает такое давление, где стекло превращается в порошок.

Прочность пластмассы все трое вскоре оценили по достоинству. Осьминог на минуту исчез из поля зрения, а затем послышались сильные удары по корпусу корабля. Прежде чем люди опомнились, в иллюминаторе показалась щупальце, размахивающее большим камнем. С методичностью и быстротой пневматического молота камень забарабанил в окошко.

Слава протянул ручку управления на себя, бросая батискаф круто вверх, вправо, влево. Но осьминог не отставал. Он, видно, плотно присосался к кораблю и совершал виражи вместе с ним, не прерывая своего занятия.

— Хочет познакомиться с нами поближе,— проговорил Валерий.

— Выключите свет в салоне! — приказал командир, почувствовав, что настала минута, когда следует быть решительным.

Салон погрузился в темноту. Но это ничего не дало. Осьминог продолжал барабанить, лишь изредка делая паузу, чтобы заглянуть в иллюминатор.

— Может быть, он видит нас и в темноте? — предположил Валерий.

— Вполне вероятно,— ответил Слава.— Термоскопические глаза, инфракрасное зрение. Глубоководные кальмары видят тепловое излучение. Почему бы и этим упрямым тварям...

Он оскеса, подумал, что все-таки гидробиолог не должен так отзываться о тех, кого исследует.

Осьминог тем временем убедился в невозможности пробить окошко. Он перестал барабанить, в последний раз посмотрел в темный иллюминатор и исчез.

— Фу! — с облегчением вздохнул Валерий.— Все же лучше, что близкое знакомство не состоялось.

— Еще состоится,— пообещал Слава.— И может быть, мы найдем ответы на некоторые загадки.

— Ты имеешь в виду то, как он пытался вооружаться к нам? — спросил Валерий.

— Нет,— ответил Слава.— Все осьминоги умеют обращаться с камнями. Еще Кай Плиний

Старший описывал, как осьмушки врываются в раковины моллюсков. Осьминог несет пост у раковины, стоически ожидая, пока она откроется. А затем, уловив момент, бросает в нее камень — и готово: раковина уже не сомкнется. Праздную победу, захватчик поедает хозяина.

— Так он принял батискаф за раковину? — съехидничал Валерий.

— Вот о его намерениях мы ровно ничего не знаем. А жаль,— сказал Слава, оставаясь серьезным и сосредоточенным.

Валерий перетаскал в свою каюту все книги по гидробиологии из судовой библиотеки, а заодно и из кают участников экспедиции. Помимо того он приставал с бесконечными вопросами к Славе, Тукало, ихтиологам. В основном эти вопросы касались головоногих моллюсков.

— Вы что, всерьез решили стать гидробиологом? — недоумевал Тукало.

Журналист отмалчивался. Ему не хотелось объяснять Никифору Арсентьевичу, что он просто увлекся, как увлекался много раз, знакомясь с новым для него делом.

За эти дни бухту исследовали и водолазы, и подводная лодка, и батискаф. Контейнера не нашли. Водолазы установили, что радиоактивность на разных участках дна меняется. Как ни странно, ее уровень был наиболее высоким не там, где лежал контейнер, а метрах в пятидесяти, у входа в подводное ущелье. Водолазы проникли в ущелье, но попали в такой лабиринт, что исследовать его не решились, оставив эту задачу на долю дрессированных дельфинов.

Спустя еще два дня прибыла и Людмила Николаевна со своими дельфинами Пилотом и Актрисой, уже успевшими снискать известность в научных кругах. Дельфины и здесь сразу же стали всеобщими любимцами. Даже суровый командир подлодки играл с ними в мяч и угощал их рыбой. При этом он иногда забывался и залихватисто хохотал, а дельфины раскрывали свои пасти и их глаза лучились от удовольствия. Порою Актриса от избытка чувств даже позволяла себе легонько ущипнуть командира, а потом говорила «извините». Это было одно из сорока пяти слов, которые она умела произносить дыхалом — ноздрей, снабженной сильной мускулатурой и плотно закрывающейся при погружении дельфина в воду.

Валерий подходил к ним, любуясь игрой, и тогда командир смущался. Однажды он восхищенно сказал Валерию:

— А она красивая!

— Кто? — спросил Валерий, глядя на Людмилу Николаевну, которая давала указания рабочим, собирающим блоки подводного дома-колокола. Молодая женщина стояла у борта в темно-синем спортивном костюме. Она наклонилась, вытянула руку, указывая на что-то слесарю. Ее густые волосы шевелил ветер.

— Я говорю о дельфине,— отчего-то насупился командир.

— А я так и подумал,— сказал Валерий. Он изобразил на лице озабоченность и словно невзначай обронил: — Мне, наверное, придется познакомиться с этими животными поближе... Слава хочет, чтобы я провел несколько дней в «колоколе», помог Людмиле Николаевне...

Он приврал совсем немного. На самом деле разрешение помогать первые дни в работе с дельфинами он выпросил у Славы, ссылаясь на интересы газеты и читателей.

Прежде чем опускать сам «колокол», водолазы воздвигли на дне бухты подсобные сооружения — закрытый бассейн для дельфинов и два склада. Среди водолазов был и Валерий. В глубоководном костюме он чувствовал себя превосходно. Шлем был изготовлен из специальной пластмассы, которая даже на изгибах, где сквозь стекло в воде ничего нельзя было бы рассмотреть, лишь слегка затемняла изображение, делала его дымчатым. Ультразвуковой аппарат обеспечивал связь с товарищами, а водометный двигатель позволял передвигаться достаточно быстро.

В первый же день, как только водолазы приступили к работе, к ним подплыли осьминоги. Их заметили не сразу: осьминоги приняли цвет дна и сделали это, как обычно, превосходно. Людям все время казалось, что за ними кто-то наблюдает, они не могли выяснить кто, нервничали. Однако по-своему нервничали и осьминожки. По вспышкам полос и ослепительно белых пятен люди сначала заметили одного, потом и другого незваного гостя. Осьминоги находились метрах в пяти, не подходили ближе. Когда Валерий, начитавшийся книг об осьминогах, решил поиграть с одним из них и протянул к нему руку, моллюск напугался, «надел» угрожающую маску — каждое из трех передних пар щупалец образовало большую дугу вокруг мертвенно бледного тела, окаймленного темно-красной линией, стали видны основания присосок. Расширились глаза, устремились куда-то вверх, будто осьминожки призывали помощь. Весь вид его говорил: уходи, смотри, какой я страшный! Валерий и в самом деле вначале испугался, но на него смотрели другие водолазы, и он заставил себя подойти к осьминогу еще ближе. Тот отплыл, обратив «маску» в сторону человека, а когда не помогло и это, выпустил маскировочное чернильное облако и поспешно ретировался.

Валерию казалось, что после этого случая он был отмечен особым вниманием осьминогов — два или три из них постоянно крутились вблизи него. Наблюдая за ними, он заметил немало интересного. Узнал, например, что у каждой пары щупалец есть свои обязанности: одни, самые длинные, служили ходулями для передвижения по дну, другие ощупывали предметы. Еще одна пара гибких рук предназначалась как будто для подачи сигналов.

— Вот это уже работа воображения, — сказал Тукало, когда Валерий поделился с ним своими наблюдениями. — Скорее всего вы видели «сторожевые» щупальца. Они бодрствуют во время сна и охраняют животное.

— Но мне, показалось... — упрямо начал Валерий.

— А то, что показалось, изложите в статье для вашей газеты... Так сказать, для занимательности. В прессе это, возможно, и принято... Но в науке недопустимо, юный друг мой...

Он демонстративно отвернулся от Валерия.

Людмила Николаевна и Валерий потратили немало времени, чтобы удобно устроиться в «колоколе». Нужно было так расположить аппаратуру, чтобы она занимала как можно меньше места, но чтобы доступ ко всем приборам был свободен. Много хлопот доставляла мебель. Валерий удивлялся, что вместо легких складных стульчиков здесь были пластмассовые кресла с настоящими деревянными ручками. Оказалось,

что такие кресла включили в меблировку подводного дома специалисты-психологи, по мнению которых «человеческий фактор» в конструировании вещей значил необычайно много: опустив руки на деревянные, а не пластмассовые подлокотники, человек почувствует себя уютнее и — что самое главное — менее оторванным от других людей... Кресла меняли форму, приспосабливаясь к фигуре и позе человека. Так же были устроены и откидные койки. Среди прочих вещей имелся громоздкий секретер с многочисленными ящиками. Психологи отводили ему очень важную роль в создании привычной атмосферы «одушевленности».

Салон был соединен трубой-коридором с закрытым бассейном-дельфинником. Люди часто навещали животных.

— Потерпите, маленькие, скоро выпущу, — уговаривала дельфинов Людмила Николаевна.

— Скоро, скоро! — трещала Актриса.

— Скоро, скоро? — спрашивал Пилот, молотя хвостом и становясь вертикально в воде.

Несколько раз к подводному дому приплыли осьминоги, рассматривали людей, водили щупальцами по пластмассе. Валерию казалось, что и тогда, когда их не было видно, они наблюдают за людьми: он постоянно чувствовал себя скованным.

Людмила Николаевна заинтересовалась осьминогами. Она рассказала Валерию, что осьминоги легко поддаются дрессировке, и предложила: — Давайте попробуем на этих? Только сначала вам придется наловить для них крабов.

Способности осьминогов превосходили все ожидания. После нескольких сеансов моллюски безошибочно узнавали геометрические фигуры. Стоило показать им квадрат, как они мчались к окошку, чтобы получить еду. Ромб же означал, что сейчас включат сильный прожектор, и осьминожки поспешно уходили с того места, куда должен был ударить луч.

— Не думала, что они так быстро усвоят, — удивленно говорила Людмила Николаевна. — Пожалуй, они могут соперничать с дельфинами.

В ее устах это был наивысший комплимент. Однако осьминогам дрессировка пришлась не по душе. Выполнив несколько упражнений, они уплывали.

— Надо всерьез заняться ими. Для начала поймем одного, — решила Людмила Николаевна. Вдвоем они приготовили аквариум, обеспечив будущему пленнику постоянную подачу свежей воды. Валерий связался по телефону со Славой и попросил спустить в грузовом контейнере несколько пустых бочек и мелкую сетку. Когда контейнер был получен, Валерий надел водолазный костюм и расставил бочки вокруг «колокола».

Ждать пришлось долго. Спруты почему-то не хотели селиться в бочках, хотя все книги — и специальные и популярные — в один голос утверждали, что стоит осьминогу увидеть пустой сосуд, как он со всех восьми ног спешит к нему. Только спустя больше двадцати часов один спрут наконец-то появился у ближайшей к «колоколу» бочке. Он исследовал ее, затем подплыл к «колоколу», стал шарить щупальцами по пластмассе, будто сравнивая ее на ощупь с материалом бочки.

Людмила Николаевна увлеченно следила за его манипуляциями и наконец произнесла:

— Он действует так, будто у него есть разум! Валерий вспомнил определение «октопус сапиенс» и улыбнулся.

Осьминог так и не полез в бочку. Но людям помогло почти невероятное стечение обстоятельств. Спрут оказался одним из старых знакомых, и когда Людмила Николаевна взяла в руки квадрат из осьминожьей «азбуки», он решил, что сейчас его будут кормить. Спрут подплыл к окошку шлюз-камеры. Но для того, чтобы угостить его через окошко, нужно было сначала установить давление воздуха в камере, равное давлению за стенами «колокола», и последовательно включить механизмы. Обычно все это готовилось заранее, сейчас же Людмила Николаевна поспешила открыть шлюз-камеру. Она ошиблась совсем ненамного, однако этого было достаточно, чтобы струя морской воды ворвалась в воздушный отсек, втащив туда и осьминога. Включилась автоматическая система безопасности, отсек блокировался, и осьминог оказался в плену. Как ни удивительно, он не пыжился, не угрожал, не раздувался, чтобы придать себе больший вес в чужих глазах, и не щелкал клювом. Он был почти спокоен.

Пленника перенесли в аквариум, и это оказалось делом весьма нелегким. Осьминог не сопротивлялся, был не очень велик — два с половиной метра в длину, но весил не менее шестидесяти килограммов. Такие же по размерам осьминоги Дофлейна весят двадцать-двадцать пять кило-

граммов, причем щупальца у них толще. Пленник был мускулист, как все осьминоги, но почти не имел обычных для них бородавок. Его глаза все время были устремлены куда-то вниз, щупальца переплетались, и в такие минуты он напоминал Людмиле Николаевне восточную статуэтку многорукую мудреца. Это и решило выбор имени: пленника назвали Мудрецом.

Удивительней всего была кожа осьминога — упругая, «резиновая», похожая на кожу дельфинов, только слизи на ней было больше.

— Никогда не слышала о таких созданиях, — сказала Людмила Николаевна.

— Может быть, и в самом деле новый вид? — откликнулся Валерий, стараясь не выдать радостного предчувствия.

Пленник оправдывал свое имя: он сразу же освоился, исследовал аквариум и ощупал его стенки. Он безошибочно реагировал на фигуры осьминожьей «азбуки» и с удовольствием играл с людьми в мяч. Он запоминал предметы и по первому требованию протягивал палку или пластмассовый кораблик.

Из аквариума Мудреца выпускали ненадолго, боялись, что он повредит аппаратуру. Валерий научил его приносить туфли, снаряжение, одежду и таким образом ввел в роль комнатной собаки.

Но как ни странно, Мудрец отказывался брать плату за услуги и, когда ему протягивали краба, демонстративно отворачивался.

— Гордый, — сказал как-то Валерий.

— Можно было бы сказать «гордый, как дельфин», если бы в этом отношении он не превосходил их, — призналась Людмила Николаевна.

Валерий встретился с глазами Мудреца. Ему показалось, будто восьмирукий пленник понимающе прислушивался к их разговору.

«Почудилось», — подумал Валерий.

Людмила Николаевна начала выпускать дельфинов в море. Они кружили вблизи «колокола» и, как казалось ей, и Валерию, с удовольствием возвращались в бассейн.

— Не понимаю, что с ними творится. Такое впечатление, как будто они боятся моря, — беспокоилась женщина.

Она попробовала поговорить с ними.

— Вы себя плохо чувствуете в море? Что-то болит? — спрашивала Людмила Николаевна.

— Нет, — ответил Пилот.

— Акулы?

— Нет.

— Другие животные?

— Нет, — опередила ответ самца Актриса.

— Не знаю, — просвистел Пилот.

— Нет или не знаю?

— Не знаю.

— Значит, животные не исключаются?

— Не знаю.

— Они могут быть опасны и для человека?

— Не знаю.

Людмила Николаевна вспомнила предостережение командира подлодки, спросила:

— Возможно, там были люди? Другие люди, кроме нас? Похожие на нас? Люди?

— Не знаю.

Она задала еще несколько десятков вопросов, но ничего не добилась. Во всяком случае, лучше было бы не посылать животных в таком состоянии на разведку в ущелье, где была отмечена повышенная радиация. Приходилось ждать, пока их настроение изменится.

Валерий с удовольствием помогал Людмиле Николаевне кормить дельфинов. В самый первый раз, принеся рыбу, он выпустил ее сразу всю в бассейн. Небольшие рыбки не кинулись врассыпную, а образовали кольцо и плавали по кругу хвост в хвост одна за другой. Пилот тотчас подплыл к ним и замер с открытой пастью, словно замороженный.

— Надо пускать рыб по одной. А так, видите, он не решается разомкнуть кольцо, — засмеялась Людмила Николаевна.

— Не знает, с какой начать? — пошутил Валерий.

— Представьте себе, вы почти угадали! Дельфин намечает себе жертву в этом хороводе, но она тут же ускользает, а на ее месте появляется другая. Пока он решает, не схватить ли другую, появляется третья, четвертая, затем опять первая... Неразрешимость задачи завораживает хищника, приводит его мозг в состояние торможения. Но стоит нарушить это колесо жизни, — она взяла длинный шест, опустила его в бассейн, — и смотрите!

Послышался низкий хрюкающий звук, и рыбы одна за другой исчезли в пасти дельфина.

— Интересно! — воскликнул Валерий.

Людмила Николаевна осталась довольна его удивлением, поспешила подлить масла в огонь:

— Рыбы инстинктивно знают о силе оборонительного строя и часто используют его. Но вот что самое удивительное. Вспомните о волшебной силе хоровода в сказках. Его образуют девушки, чтобы злой колдун или ведьма не могли выбрать жертву...

В подводном доме люди ложились спать по часам — в то же самое время, когда на поверхности наступала ночь. Но им не всегда хотелось спать именно в эти часы. Исчезало чувство времени. Опасаясь, чтобы это не отразилось вредно на их нервной системе, врачи предписали снабдить подводный дом миниатюрными аппаратами электросна, в которых использовались записи биотоков засыпающего человека. Достаточно было подключиться к аппарату — и люди мгновенно засыпали без всяких порошков.

На «ночь» аквариум с осьминогом накрывали сетью с мелкими ячейками, чтобы Мудрец не путешествовал по «колоколу» сам.

Однажды Валерия разбудил громкий и тревожный свист дельфинов. Он быстро встал, накинул халат. Дверь в коридор оказалась закрытой неплотно. Валерий удивился: обычно дверь закрывали до щелчка. Он бы не придавал этому значения, если бы первая из дверей, ведущих в дельфинник, тоже не была приоткрыта.

Валерий включил полный свет, прислушался. Из бассейна не доносилось ни звука.

Он распахнул дверь и увидел дельфинов. Они забились в угол, повернули к нему головы. В их глазах, позах — панический страх.

Послышались быстрые шаги. Людмила Николаевна с самого порога задала вопрос:

— Почему вы здесь? Что случилось?

— Они тревожно свистели. Первая дверь бассейна и дверь в коридор были закрыты неплотно....

Женщина развела руками:

— Не может быть. — Несколько секунд подумала, добавила: — Значит, кто-то входил сюда после меня. Но кроме нас тут никого нет... Может быть, Мудрец?

Валерий пожал плечами:

— Проверим...

Но осьминог мирно спал под сеткой, закрепленной на все крючки. Валерий проверил, не порвана ли сеть, не мог ли осьминог ее приподнять и пролезть в образовавшуюся щель. Когда от Мудреца были отведены все подозрения, люди вернулись к бассейну.

— Попробуем узнать что-нибудь у них, — сказала Людмила Николаевна.

Она подозвала к себе Пилота, погладила его, когда он высунулся из воды и положил голову ей на колени.

— Пилот, тебя кто-то напугал?

— Не знаю.

— Кто-то, кроме нас двоих, кроме меня и его, — она показала пальцем на Валерия, — входил в бассейн?

— Не знаю, — ответил дельфин.

— Почему же вы свистели? Там, за стенами, что-то происходило, вы почували опасность?

— Опасность, — произнес дельфин. Он не мог выговорить полностью это слово, у него получилось «опасность».

— Опасность для вас? Или и для вас и для нас?

— Опасность.

— Там были люди?
 Дельфин молчал.
 — Животные?
 Слышно было только тяжелое свистящее дыхание Пилота.
 — Но ты ведь сказал «опасность»...
 — Опасность, — повторил дельфин.
 — Опасность может грозить со стороны человека, акулы, другого животного. Ты ведь умеешь произносить и «человек», и «акула», и еще много слов. Назови того, кто испугал тебя.
 — Опасность.
 Валерий прикоснулся к плечу Людмилы Николаевны, шепнул:
 — Море...
 Она поняла и снова наклонилась к дельфину:
 — Что-то происходит в море? Шторм? Повысилась радиация?
 Она спохватилась, что последних слов дельфин не поймет, и спросила по-иному:
 — Пилот, опасность все-таки была?

— Опасность.
 — Ответ, да или нет?
 Дельфин молчал.
 Людмила Николаевна рассердилась:

— Ты сегодня плохой, Пилот! Уходи!

Дельфин послушно поднял голову с ее колен и, обиженно заскрипев, почти не шевеля хвостом, скользнул на дно бассейна. Актриса улеглась рядом с ним и ни за что не хотела выходить, сколько ее ни звали. Тогда Людмила Николаевна запела какую-то песенку и в такт ритму мягко захлопала в ладоши, повторяя время от времени имя дельфинки. Актриса нехотя всплыла и направилась к ней.

— Ты же умница, ты понимаешь, что я должна все знать. Надо рассказать все. Тогда тебе и Пилоту будет хорошо.

Актриса внимательно слушала Людмилу Николаевну, кося глазами то на нее, то на Валерия.

— Постараюсь не утомлять тебя, дружок. Ответ на несколько простых вопросов. Скажи, опасность была здесь, в бассейне, или там, в море? Здесь или там? Только одно слово: там или здесь?

— Опасность.

Можно было подумать, что это опять отвечает Пилот. Тот же присвист в конце слова, те же интонации.

Животных, которые совсем недавно были так понятливы и послушны, словно подменили. Куда девались месяцы дрессировки? Людмила Николаевна почувствовала, как в ней растет раздражение. Она призвала на помощь всю свою волю, чтобы вернуть спокойствие. Разжала пасть Актрисы, погладила ей десны, ласково спросила:

— Ты здорова? Хорошо себя чувствуешь?

— Да.

— Ну вот, ты же не разучилась говорить это слово. А теперь скажи, тебе плохо сейчас?

— Нет.

— Все в порядке, и это слово ты произносишь. Остается совсем мало. Ответ одним из этих слов, опасность была в море? Да или нет?

— Нет.

Людмила Николаевна переглянулась с Валерием.

— Опасность здесь, в доме? Да или нет?

— Опасность.

Людмила Николаевна повернулась к Валерию:

— Их как будто подменили...

— И чего они упрямятся? — недоуменно проговорил Валерий.

Его слова навели ее на новую мысль.

— Это не упрямство... Похоже на заболевание мозга, при котором преобладают процессы торможения. И еще... такое впечатление, будто отдельные участки памяти заблокированы... Животные отупели. Надо скормить им активин... Пошли, приготовим его.

В коридоре Валерий полюбопытствовал:

— А что это вы напевали, когда вызывали Актрису?

— Мотив одного полинезийского танца. Однажды, когда Актриса так же вот заупрямилась, мой руководитель рассказал, как вызывают бурых дельфинов жители островов Тихого океана. Они заходят по пояс в воду и, напевая мотив, хлопают в ладоши. И дельфины выплывают из глубин...

В салоне Людмила Николаевна отыскала коробку с белым кристаллическим порошком.

— Достаньте несколько рыбин из аквариума и приготовьте их. У дельфинов сегодня будет на обед фаршированная рыба.

Валерий старался не смотреть на ее встревоженное и растерянное лицо. Руки женщины дрожали, порошок просыпался в воду. Чтобы хоть немного отвлечь Людмилу Николаевну, Валерий попытался было рассказать об одном смешном случае из своей жизни, но, убедившись, что она не слушает, замолчал.

Они приготовили рыбу, накормили дельфинов. Людмила Николаевна сделала несколько записей в лабораторном журнале, затем стала заносить показания приборов. Валерий приготовил обед Мудрецу, который уже давно проснулся и ползал по аквариуму.

— Ладно, погуляй с нами, — сказал Валерий, отстегивая сетку.

Мудреца не пришлось уговаривать. Над стеной аквариума показалось сначала одно, потом другое щупальце, ухватились за трубу для подачи воды. Осьминог подтянул свое туловище, перебрался на пол, заковылял к осциллографу. Больше всего теперь его почему-то привлекал этот прибор, и он изменил своей первой «любви» — счетчику Гейгера.

И Валерий, и Людмила Николаевна все время думали о том, что случилось с дельфинами, ожидая с нетерпением, когда можно будет проверить, подействовал ли активин. Его следовало давать животным восемь—десять раз с интервалами в шесть часов. Это была обычная дозировка.

— Спать будем поочередно, — сказал Валерий, когда наступила условная ночь. — Чур, сегодня — моя вахта.

Людмила Николаевна постаралась улыбнуться, согласно кивнула. Она легла, подключившись к аппарату электросна, а Валерий загнал Мудреца в аквариум и принялся писать очередной раздел своей документальной повести.

Взглянув на календарь, он поставил число: «18 июля». Подумал немного над названием. В голову пришло несколько вариантов, но ни один не понравился. Поэтому он условно назвал раздел «Что случилось с дельфинами?» Почерк у него был косой, размашистый. Буквы прыгали по бумаге и были похожи на пляшущих человечков.

Сонливость навалилась как-то сразу, сделала тяжелыми веки, разлила вялость по телу. Казалось, будто он подключился к аппарату электросна.

Валерий встал, сделал несколько упражнений и снова тел и взял ручку.

Но веки сами собой закрывались. Сон сморил его, ручка выпала из ослабевших пальцев, голова опустилась на руки. Последнее, что он увидел, за-

НОВИНКИ

МОЙ ДРУГ- ОАН- ТАС- ТИКА

Александр АБРАМОВ, Сергей АБРАМОВ

«СЕЛЕСТА-7000».

М., Изд-во «Детская литература», 1971, 288 стр.

На одном из островов Бермудского архипелага герои романа обнаруживают гигантский информарий, засланный некогда на Землю инопланетной цивилизацией. Каков будет результат этой встречи с Неведомым? Как поведет себя Селеста — селектор стабильной информации — по отношению к людям, к человечеству? Откроет ли свои тайны? Поискам контактов с Селестой и посвящен роман.

Петр ВОРОНИН

ПРЫЖОК В ПОСЛЕЗАВТРА.

Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1970, 199 стр.

Инженер Валентин Селянин, наш современник, замерзает в эвенкийской тундре. Но он не погибает: в глыбе льда его находят и оживляют наши далекие потомки, люди коммунистического завтра. Не сразу, не просто входит Валентин в жизнь обновленной планеты. Ведь он все утратил, всех потерял. Того мира, в котором он жил когда-то, больше не существовало, а новый мир пугал неизведанностью...

сыпая, был странный фейерверк из огоньков, по форме похожий на светящегося паука. Паук прошел по столу, по листам бумаги, протянул две ноги к Валерию, а затем, передумав, отдернул их, подпрыгнул и исчез... Но было это наяву или во сне, Валерий уже не мог определить. Он спал...

Проснувшись, он долго мучился, напрягал память, пытаясь вспомнить, что же с ним происходило, откуда взялся огненный паук. Он уже готов был просто отмахнуться от этого кошмара, когда заметил, что листы бумаги почему-то влажные и буквы на них кое-где расплылись.

«Может быть, Мудрец выбросил фонтанчик воды из своей воронки и попал на бумагу?»

Валерий посмотрел на аквариум. Осьминог, как кошка с мышью, играл с крабом, прежде чем его съест. Он втягивал голову в тело, покрываясь пятнами под цвет камней, лежащих на дне аквариума, окрашивал остальную часть тела в светло-зеленый цвет. К тому же он приподнимал края мантии, и тогда его контуры размывались, моллюск сливался со средой и становился почти невидимым. Затем он чуть вытягивал пару щупалец, чтобы преградить дорогу крабу, их кончики грациозно загибались и подрагивали, как кончик кошачьего хвоста. Стоило незадачливому крабу быстро попятиться от осьминога, как голова Мудреца резко приподнималась над телом, казалось, что он вскакивал на ноги. Темная волна пигментации пробегала по щупальцам и мантии, октопус покрывался буграми, вокруг глаз вспыхивали концентрические круги, делаая их огромными. Те щупальца, которые были до того скручены, тоже распрямлялись и ползли к жертве, жадно щелкали роговой клюв.

«Не хотел бы я оказаться на месте краба», — подумал Валерий и помахал рукой Мудрецу.

Сергей СНЕГОВ ЛЮДИ КАК БОГИ.

Калининград, Книжное изд-во, 1971, 464 стр.

563-й год новой эры. Человечество, живущее по законам коммунизма, достигло отдаленных уголков Галактики. Люди создают новые планеты, вступают в контакт с разумными существами, населяющими другие звезды... От обитателей далеких Гиад земляне узнают, что где-то — пока еще далеко от них — идет невообразимо огромная космическая война. «Объектами разрушения в этой войне являются уже не существа и механизмы, как в древних человеческих сражениях, а небесные тела, планетные системы»... Перед землянами, пятьсот лет не знавшими войн, воз-

никает задача — создать вокруг солнечной системы мощное кольцо оборонительных сооружений. «Можем ли мы, — размышляют герои романа, — равнодушно пройти мимо разумных существ, томящихся без света, тепла и пищи? Повернется ли у нас язык бросить им: — Вы по себе, мы по себе — прозябайте, коли лучшего не сумели...» И земляне решают выступить на борьбу с «разрушителями»...

Анатолий ДНЕПРОВ ПРОРОКИ.

М., Изд-во «Знание», 1971, 298 стр.

Новый сборник Анатолия Днепровского открывается повестью «Человек для архива».

...Врач-психиатр Пэй Сорран попадает в засекреченную лабораторию, где ведутся опыты над изменением сознания людей. Наблюдая за окружающими его «добровольцами», он постепенно постигает чудовищную тайную цель этих опытов, финансируемых военщиной: «всех сделать беззаветно храбрыми, бездумными, звероподобными»...

Александр КОЛПАКОВ НЕТЛЕННЫЙ ЛУЧ.

М., Изд-во «Советская Россия», 1971, 112 стр.

Действие рассказов сборника происходит и в далеком прошлом, и в не менее отдаленном будущем. Читатель встретится

Тот взглянул на него одним глазом и в знак приветствия окатил человека стружкой воды из воронки.

— Спасибо за душ, — пробормотал Валерий и подумал: «Вполне возможно, что таким образом он ночью и залил бумагу, а паук мне приснился».

Валерий обернулся на шорох и встретился взглядом с Людмилой Николаевной. Она, видимо, только что проснулась.

— Доброе утро! — приветствовал ее Валерий.

— Доброе, — протяжно ответила она, и в ее голосе была вопросительная интонация. — Ну и страшный сон мне снился. Вроде какой-то огненный паук бегал по салону...

У Валерия пересохло во рту. О случайном совпадении не могло быть и речи. У таких явлений совсем иные причины. Людмила Николаевна заметила его состояние.

— Что с вами, Валерий?

— Голова немного болит, — соврал он, чтобы не волновать женщину еще больше.

Людмила Николаевна взглянула на шкалу кондиционера, проверяя, в норме ли влажность, температура, давление, вынула из настенной аптечки тюбик в золотистой обертке.

— Примите две таблетки.

Пришлось подчиниться...

— А теперь пойдем к дельфинам, — предложила Людмила Николаевна. — Если состояние не улучшилось, придется увозить их отсюда. Мне бы очень не хотелось этого делать, ведь, возможно, разгадку нужно искать именно здесь. Но и риск велик...

Она не могла ни на что решиться. И никто не мог ей ничего посоветовать. Услышав по телефону о странном поведении дельфинов, Слава попытался ее успокоить, сославшись на неизученные

капризы животных. Тукало предположил, что причиной может явиться просто перемена обстановки.

Людмила Николаевна уцепилась за эту версию, потому что она давала отсрочку. Но и ожидание было слишком тревожным.

— Почему вы молчите, Валерий? — спросила она почти спокойно, хотя в ее тоне пробивался оттенок раздражения.

Валерий насильно оторвался от своих мрачных мыслей о «пауке» и постарался перевести разговор на отвлеченную тему.

— Природа умеет задавать загадки. Каждый раз, когда кажется, что чего-то достиг, она как бы предостерегает...

— Ого, вы становитесь дипломатом. Хотите работать в президиуме Академии, что ли? — укорила его Людмила Николаевна и сказала, словно обращаясь к себе самой: — Сдается мне, что природа тут ни при чем.

— Думаете, люди? — встрепенулся Валерий.

— Да.

Он удивленно и пристально смотрел на нее: ему показалось, что она не раскрывала рта. Затем растерянно оглянулся, как будто кроме них двоих в салоне могли быть еще люди. А Людмила Николаевна почему-то улыбнулась и насмешливо спросила:

— Вы задаете вопросы и сами отвечаете на них?

— Что вы имеете в виду?

— Вы спросили о людях и сами ответили себе «да».

— Это слово произнес не я.

— Значит, почувдилось...

— Обоим почувдилось одно и то же? — не поверил Валерий.

здесь с загадочными обитателями Лемурии и Гондваны — древних материков, миллионы лет назад исчезнувших с лица Земли; с ярлом Асмундом, за пять веков до Колумба побывавшим в Южной Америке; с «гомо галактос» («человеком галактическим») Земли звездного будущего.

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ КАКИМ ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ?

В 1960 году Игорь Росохватский опубликовал первую свою повесть о «сигмах» — могучих помощниках людей, искусственных существах, созданных гением человека из веществ еще более разнообразных по свойствам и реакциям, чем белки. За первой повестью последовали другие; одна из

них («Прыгнуть выше себя») печаталась в 1968 году в «Уральском следопыте».

Гипотеза, выдвинутая писателем, поначалу казалась чистой фантастикой. Но за прошедшие годы она получила неожиданно много подтверждений. Успехи биологии, кибернетики, химии, создание искусственных органов, способных заменять в живом организме естественные, — все это позволило ученым в разных странах начать самую серьезную работу над этой проблемой.

СКВОЗЬ ЗАВЕСУ ВРЕМЕНИ.
Магадан, Книжное изд-во, 1971,
159 стр.

...Сквозь иллюминатор виден оранжевый лес и блестящие доспехи роботов, окруживших ракету. Эти музейные экспона-

ты словно бы взбесились; похоже, будто именно они, а не люди — низкорослые краснокожие аборигены — являются хозяевами неисследованной планеты...

В этот странный мир попадает герой повести Бориса Борина «Оранжевая планета» — одного из десяти произведений, составивших первый коллективный сборник фантастики, вышедший на Дальнем Востоке.

Вадим ШЕФНЕР
ДЕВУШКА У ОБРЫВА.
М., Изд-во «Знание», 1971,
222 стр.

«Девушка у обрыва» — повесть-мечта о будущем. О том времени, когда уважение и не замутненная никакой корыстью дружба станут единственно ра-

Он подошел к двери, подумав, что, может быть, злополучное «да» донеслось из дельфинника.

Дверь была закрыта плотно.

Вернувшись, Валерий остановился у аквариума, где находился Мудрец. Осьминог приподнял свое туловище на щупальцах и прислонился к стеклу, так что были отчетливо видны даже морщины на коже, пигментные кольца у глаз. Эти глаза как бы поймали Валерия в невидимую паутину. Будто подчиняясь чьему-то приказу, человек поверил в невероятное и спросил:

— Мудрец, это ты сказал «да»?

— Да бросьте вы тратить время на чепуху! — не удержалась Людмила Николаевна. — Всем известно, что осьминог говорить не может. Нет у него органа для этого. Идите лучше...

Она не закончила фразы... Из аквариума прозвучало:

— Да.

Людмила Николаевна уставилась на осьминога, который еще больше выпучил глаза и приподнялся на щупальцах. Верхние его «руки» аркой загнулись вокруг головы.

— Черт возьми, — сказал Валерий, — может быть, у вас есть все основания не верить мне. Но это все-таки он!

— Похоже... — прошептала женщина, не в силах поверить своим ушам.

Она подошла ближе к аквариуму и заметила, как из пульсирующей воронки Мудреца вырвалось несколько пузырьков воздуха.

— Может быть, он производит звуки воронкой, как дельфин дышалом? — предположила она вслух.

— Да, — послышалось опять, и в такт слову раздалось бульканье воды.

— Но как же он мог научиться разговаривать, понять значение слов? Чертовщина какая-то! — сказала Людмила Николаевна, глядя то на осьминога, то на Валерия. — Да мы бы с вами, мы, люди, находясь в плену у иных существ, не смогли бы так быстро понять их язык!

В глазах осьминога появилось какое-то новое выражение, но оно промелькнуло так быстро, что Валерий не мог определить, что оно означает.

— Нам, людям, во многое трудно поверить потому, что мы слишком часто ошибаемся, — проговорил он, раздумывая. — Впрочем, причина всего не в недоверчивости, а в нашем высокомерии.

Он посмотрел на Мудреца. Осьминог втянул присоски, и теперь щупальцы казались совсем гладкими, округлил мантию и приподнял ее над головой капюшоном. Людмила Николаевна тоже наблюдала за октопусом. Она предложила Валерию:

— Спросите его о чем-нибудь еще, чтобы он ответил другим словом.

Валерий согласно кивнул и спросил:

— Ты сыт, Мудрец, и я могу съесть всех крабов?

— Нет, — отчетливо прозвучал ответ. — Нет! Нет!

Людмила Николаевна, не в силах ни на миг отвести взгляд от Мудреца, нащупала кресло и опустилась в него. Она могла произнести лишь одно слово и без конца повторяла его:

— Невероятно, невероятно...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

зумной основой отношений между людьми; когда люди будут свободны от всего дурного, унижающего человека как личность; когда даже незначай причиненная кому-либо обида будет считаться тяжелым проступком...

В книгу включены также две новых повести Вадима Шефнера — «Круглая тайна» и «Дворец на троих».

ТАЙНА ВСЕХ ТАИН.

Л., Лениздат, 1971, 695 стр.

...Буднично светит солнце, закатное, но еще теплое; совсем близко, в конце проспекта, уходящего в оранжевую дымку, плещется океан; город полон жизни, люди спешат по своим делам, читают газеты, выбирают в парламент, а где-то в тайнике притаилась до времени

чужая, еще не понятная сила. Сила, направляемая далеким Разумом. Чужим...

О встрече с этим чужим Разумом увлекательно рассказывает Александр Мееров в своем романе «Право вето» — центральном произведении нового сборника ленинградских фантастов.

ТОЛЬКО ОДИН СТАРТ.

Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1971, 210 стр.

Огромн, поистине необъятен Космос. Сможет ли человек с космически ничтожной пылинки по имени Земля добраться когда-нибудь до самых далеких звезд?

В рассказе П. Амнуэля и Р. Леонидова, давшем название всему сборнику, выдвигается оригинальная и очень привлекательная идея: для

исследования дальних миров нашим потомкам понадобится... только один старт. Этот старт совершит автоматическая ракета, похожая на гигантскую молекулу ДНК. Долеет до ближайшей звезды, собрав и отправив на родную планету нужную информацию, ракета проникнет внутрь звезды и из ее вещества создаст своего двойника. Две ракеты, заново запасшиеся энергией, улетят к другим звездам.... После второго удвоения их станет четыре, затем — восемь, шестнадцать и т. д. И каждая из ракет будет слать на планету-прародительницу свои «разведанные»...

ОДА АЗОТУ

Научные открытия возникают как ересь, а завершаются как непререкаемое поверье.

Д. Хаксли

Воздушный пирог

Когда Лемюэль Гулливер, «сначала хирург, а затем капитан нескольких кораблей», попал в страну Бальнибарби, местные власти дозволили ему осмотреть Великую Академию Прожектеров. Там он увидел «универсального искусника» и пятьдесят его помощников, погруженных в странные исследования. Занимались они и такой диковиной — «сгущали воздух в вещество сухое и осецаемое, извлекая из него селитру и процеживая водянистые и текучие его частицы».

Автор «Путешествия Гулливера», романа, написанного два с половиной столетия назад, придумал эту забавную нелепицу, чтобы осмеять ученых-схоластов и лежученых-шарлатанов своего времени, предававшихся бесплодным мудрствованиям. Ведь тогда представлялось бессмысленным пустопорожним занятием обрабатывать воздух.

Занося бич сатиры на отжившее и ложное, Джонатан Свифт в боевом пылу задевал иной раз и правых, и великих. Даже Исааку Ньютону досталось в том романе. За что, вы помните? За опыт по разложению божьего белого света на составные элементы.

Однако особый, чуточку юмористический интерес представляют описанные Свифтом опыты по «сгущению» воздуха. Сам того не подозревая, явно вопреки своему желанию, он оказался пророком. Почти два столетия спустя высмеянные

сатириком занятия академиков-прожектеров стали будничной реальностью.

Ныне почти во всех странах мира, почти во всех крупных городах работают промышленные установки по разделению воздуха на составные газы. Современный мощный агрегат способен выдать в сутки 4500 тонн азота и 1200 тонн кислорода.

Начинается работа воздухо-разделительной установки как раз с того, что воздух подвергают очистке — «процеживают его частицы» по терминологии Свифта, затем глубоким охлаждением «сгущают» его в жидкость. Ее-то, постепенно испаряя, и разделяют на фракции, пользуясь тем, что температуры кипения составляющих газов различны. Этот многократно повторяемый процесс называется низкотемпературной ректификацией.

Каковы же продукты таких установок? В основном — азот и кислород. А попутно, прибегая к технологическим усложнениям, получают весьма ценные малые компоненты воздуха — благородные газы неон, аргон, криптон и ксенон. Все эти газы, кстати, получают только из воздуха.

Из азота и кислорода химическими путями получают великое множество веществ и материалов, без которых культура наших дней немислима. Любопытно, что в своем предсказании «навыворот» Свифт угадал и такую деталь как получение селитры из воздуха. Да, среди многих химических продуктов, получаемых из азота и кислорода воздуха, есть и селитры — азотнокислые соли натрия, калия и кальция.

Нежизненный?

Вот уже два столетия азот несправедливо носит кличку «нежизненный». Ну какой же он нежизненный, если без его участия не обходится построение живого вещества в любом организме. До 17 процентов азота содержится в белках и нуклеопротеидах — сложных полимерных агрегатах из белков и нуклеиновых кислот. Им-то, выразителям жизнедеятельности организмов, азот придает пластичность и многоликость живых конструкций. Без этих качеств они не смогли бы осуществлять — через обмен веществ — верховные функции управления организмом: его движением, ростом, деятельностью органов чувств, размножением и проявлением наследственности, иммунитетом к болезням...

Азот — химически необычайно активный элемент, но только в соединениях с другими элементами. В свободном же виде в атмосфере азот химически недейтелен. И жизнь в его среде невозможна для организмов, дышащих кислородом. Все это до недавнего времени было неоспоримым.

Участие азота в процессе дыхания вовсе не ограничивается ролью пассивного разбавителя кислорода воздуха. Было бы удивительно, если бы за сотни миллионов лет эволюции живая материя не нашла бы путей для более активных контактов с азотом. Об этом давно, но смутно догадывались ученые, экспериментально же впервые доказал это М. И. Волский.

Профессор М. И. Волский — не химик и не биолог. Он заве-

дует кафедрой сопротивления материалов в одном из горьковских вузов. Но вот уже четверть века он изучает, какую роль играет атмосферный азот в дыхании. Вначале он проводил эксперименты в созданной на личные средства скромной лаборатории, затем — в хорошо оборудованной лаборатории при Горьковском университете. В 1951 году М. И. Волский получил первые доказательства того, что в растущих организмах накапливаются белки за счет усвоения свободного азота воздуха.

Показательна динамика содержания связанного азота в инкубируемых куриных яйцах на последовательных стадиях развития эмбрионов. Яйцам пищи извне не требуется, а воздух к ним поступает. Полученные достоверные результаты оказались впечатляющими: в только что вылупившихся цыплятах азота было на 3—10 процентов больше, чем в яйцах. Очевидно, если не пытаться идти против закона сохранения материи, надо признать, что эмбрионы обогатились фиксированным азотом только за счет азота воздуха. Стало быть, эмбрион в процессе развития усваивает свободный азот.

Эксперименты с куколками пчел, семенами кукурузы и другими объектами дали тот же результат.

Выводы М. И. Волского были слишком новы и необычны, чтобы можно было рассчитывать на быстрое их признание. Лишь постепенно его работы привлекли к себе внимание видных ученых страны. В сентябре 1968 года Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР принял решение о внесении в Государственный реестр СССР открытия М. И. Волского. Формула открытия записана так: «Установлено неизвестное ранее свойство животных и высших растений усваивать азот атмосферы, необходимый для их нормальной жизнедеятельности».

«Тайна сия велика есть»

Вокруг открытия Волского идут и вероятно долго не затихнут обсуждения и споры. И понятно: оно породило уйму вопросов. Их разрешение потребует многолетних усилий науч-

ных коллективов — биохимиков, физиологов, химиков, морфологов. Чтобы достичь ранга детально разработанной научной истины, открытию предстоит обойти плетью и наполниться кровью. Этот путь тернист и усыпан не столько розами, сколько шипами.

Каков биохимический механизм усвоения азота и какие органы, локальные части организмов ответственны за первичный акт фиксации газа? Что снижает энергетический барьер реакции до уровня, необходимого для фиксации при обычных температуре и давлении? Важно знать состав продуктов фиксации на всех ее ступенях, характер белков, построенных из усвоенного азота. На каких стадиях развития организма фиксации газа происходит и на каких исчезает? Нужно также знать, сколько азота фиксируют разные организмы и какие жизненные факторы способствуют фиксации?

Все эти вопросы ждут ответов. По поводу механизма фиксации выдвинут ряд гипотез. Полагают, что и в данном случае имеет место ферментативная деятельность неизвестных микробов, сожительствующих с организмом — потребителем фиксированного азота. А быть может, здесь действует такой активизирующий партнер фактор, как еще изрядно таинственные микроэлементы? Не исключено, что в этой роли выступают космические лучи и атмосферные ионы или неизвестные функции хлорофилла, может быть крови.

М. И. Волский вторгся в область, у входа в которую в пору начертать старинное изречение: «Тайна сия велика есть»... О том, сколько неизведанного таится в акте дыхания, косвенное представление дает таинственная роль в нем аргона — третьего компонента воздуха. Уж этот газ химически абсолютно инертен, в природе нет даже его соединений, не получены они и искусственно. Казалось бы, что при таком свойстве аргона живое вещество должно быть к нему безучастно. Но вот доказано положительное воздействие аргона на рост растений. Семена риса, кукурузы, ржи, огурцов выкинули ростки в атмосфере чистого аргона, а лук, морковь, салат и другие культуры хорошо прорастали в атмосфере из 98 процентов аргона и двух

процентов кислорода. Недавно появилось сообщение, что при действии ультразвука аргон каким-то образом стимулирует синтез аминокислот из простых соединений, различные превращения белков, нуклеиновых кислот и гетероциклических соединений.

Известному немецкому физику Генриху Герцу в свое время задали вопрос: какое практическое значение могут иметь его работы по теории электромагнитных волн? Герц с категоричностью ответил, что никакого значения для практики они не имеют и не будут иметь. Это о работах, которые впоследствии стали фундаментом радиотехники!

Полезно здесь вспомнить и высказывание английского физика Д. Томсона, который заметил, что крупное изобретение чревато реформами в технике, а научное открытие — революцией.

А что ждет открытие Волского? Думается, оно должно затронуть завидно обширную область практики.

Какой будет биохимия азота XXI века? Она, возможно, доведет синтез до конечного пункта — образования белковых тел. И вообще будут пересмотрены существующие представления о механизме белкового обмена в организмах. Когда обновленные представления встанут на один уровень с экспериментальными фактами, когда механизм белкового обмена будет детально познан, откроется возможность, назимая не «педали», интенсифицировать процесс усвоения азота, закреплять приобретенные свойства, скажем, на пути направленной генетической селекции многих растений и животных.

Можно здесь и пофантазировать о новых качествах, какие обретут животные, может быть и человек. Не будет ли он как гоголевский Пацюк прямо из воздуха брать и глотать если не вареники, то нечто близкое к ним по питательности?.. Можно ожидать, что где-то пересекутся линии развития космической биологии и открытия Волского. И уж наверняка — определяются точки соприкосновения открытия Волского с жгучей научно-технической проблемой современности — созданием синтетической белковой пищи.

По призыву Крукса

В один из весенних дней 1898 года в Лондоне собрались ученые Англии на годовичное собрание своей ассоциации. Там и выступил со знаменитой речью химик и физик Уильям Крукс. Нет, не фактами — они в общем-то были известны, — а логически неумолимыми выводами поразил оратор всех присутствовавших. Выступление Крукса на ученом собрании через день-два обсуждалось под кричащими заголовками в газетах многих стран мира, вокруг него велись споры в далеких от науки кругах — на улицах, в домах, кафе. О чем же говорил Крукс? О грозящем населению Европы, а затем и всему человечеству голоде из-за надвигающегося обеднения почвы связанным азотом.

Оратор указал на то, что гармония круговорота азота в природе нарушается сознательной деятельностью человека. Вывозя в города урожаи земли, сжигая топливо, применяя взрывчатые вещества, человек переводит азот из его соединений в свободный азот атмосферы. Из почвы азот выносится во все возрастающих количествах. Чтобы поддерживать на высоком уровне урожаи, надо вводить в почву все больше и больше азотных удобрений. А где их взять? Единственное крупное месторождение природных удобрений — чилийской селитры — близится к истощению. Когда селитры не станет, не будет иного выбора, как непрерывно расширять посевные площади. Но Крукс рассчитал, что к тридцатым годам XX века свободные земли исчезнут в Европе и тогда закон убывающего плодородия почв обернется для всего человечества большими бедами.

Долг ученых, призывал Крукс, изыскать способы фиксации атмосферного азота в промышленных масштабах. Он напомнил об одном таком способе — «сжигании воздуха»,

осуществленном Г. Кавендишем в XVIII веке.

Теперь, через много лет, видно, что Крукс «перебрал». Он недооценил благодатную силу фиксирующих азот микроорганизмов, не учел внушительную массу аммиака, какую может дать каменный уголь при газификации и коксовании. В целом же Крукс был прав и призыв его прозвучал своевременно. Крукс ударил в набатный колокол и был услышан. Прошло не более 15 лет, и на двух континентах задымили заводы синтеза азотных соединений из воздуха. Одна из крупнейших научно-технических проблем XX века была решена быстро. И «виновник» этого не только инициативный Крукс. Задача, что называется, висела в воздухе, ее решение зрело во многих умах. Это был один из тех случаев, о которых писал Ф. Энгельс: «Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десятков университетов».

Известны три способа фиксации азота. При цианамидном процессе азот пропускают над сильно нагретым карбидом кальция и получают цианамид кальция. «Норвежская селитра» — это азотно-кислый кальций. Его вырабатывают сжиганием воздуха в вольтовой дуге. И третий способ — синтез аммиака по способу немецкого химика Ф. Габера. Смесь азота и водорода нагревают примерно до 500 градусов и сжимают до 300—400 атмосфер. В этих условиях и в присутствии катализатора — губчатого железа — образуется аммиак. Сам аммиак — прекрасное удобрение, из него же делают все прочие азотные удобрения — сульфат аммония, мочевины, селитры. Синтетический аммиак — исходное сырье и в производстве почти всех взрывчатых веществ, многих пластмасс и химических волокон, красителей, медикаментов, отравляющих веществ.

Техническая фиксация азота атмосферы навсегда отвела угрозу азотного голода: азота в атмосфере 4 тысячи триллионов тонн!

Сегодня производство связанного азота — основа химической индустрии, и первенствует здесь синтез Габера, как самый экономичный. Между тем процесс сжигания воздуха более прост, его технологическая цепь короче, однако при этом расходуется очень много электроэнергии. Недавно было найдено, что выход окиси азота можно увеличить до десяти раз, если на реагирующие в вольтовой дуге газы воздействовать сильно ионизирующим бета- или гаммаизлучением. Способ близок к технической реализации, и не исключено, что в этом варианте он вернет себе былую славу.

Перспективным находят и озоновый способ сжигания воздуха. Кислород превращают в концентрированный озон, и последний, смешав с азотом, взрывают. Взрывное окисление азота ведет к образованию его окислов.

Однако и процесс Габера таит в себе немалые резервы, на реализацию которых химиков нацеливает бионика. Ведь те бактерии, что гнездятся в корнях бобовых растений, делают в конечном счете то же, что синтез Габера, но с несравнимо меньшими затратами энергии. Благодаря ферментам, процесс идет в клубеньках при обычных давлениях и температурах. Биохимики работают над раскрытием секрета ферментов. Когда будет познан механизм их действия, появится возможность синтеза неорганических моделей ферментов, чтобы применить их в синтезе аммиака. Это, бесспорно, будет крупным научным открытием.

История искусственной фиксации азота атмосферы внушает уверенность в том, что наука найдет пути решения и других трудных проблем современности, которые также возникли в результате конфликта между цивилизацией и природой, таких, например, как нарушенное равновесие в экосфере Земли, загрязненность воздуха и воды, профессиональные болезни.

Д. ФИНКЕЛЬШТЕЙН,
кандидат химических наук

КОНФЛИКТ

Фото И. Большакова (г. Свердловск)

— Я НАШЕЛ
— НЕТ, Я!

Фото А. Грахова (г. Свердловск)

ПЕРМСКИЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ И ОПЕРА „РУДОКОПЫ“

Катастрофа на Горках

— До Горок можно доехать трамваем, — объясняют пермяки впервые попавшим в город людям.

— Планетарий открыт на Горках, — слышим мы в разговорах...

Словом, мы часто слышим эти «Горки», не задумываясь над тем, откуда появилось название. Старожилы, наверное, вспомнят, что на краю того огромного поля, где вырос современный жилой район Перми, еще недавно стояла деревня Горки. Если название района от нее, то откуда тогда название деревни? И почему именно это уменьшительное «Горки», а не какая-нибудь там Гора?

Если бы над этим задумались раньше, то, возможно, не произошло бы осенью 1962 года такого тревожного случая. Выстроенные на бывшем картофельном поле два новеньких пятиэтажных дома вдруг раскололись как орехи. Извилистые трещины, словно весенние ручейки, пробежали по белокаменным стенам домов и замерли.

Из Кизела вызвали шахтопроводчиков. Недалеко от треснувших домов, на самом углу улиц Крупской и КИМа, заложили «шахту». Прошли несколько метров упругих красноватых глин, а затем отбойные молотки нащупали какие-то бревна. Проводчики в недоумении переглянулись: «Не провалиться бы в тридевятое царство!»

Но дерево оказалось настолько прочным, что от толстого кругляка с трудом удалось отколоть тяжелую, как железо, зеленоватую щепу. Вниз посыпалась глина. Из темной расщелины повеяло сухим и, как показалось проходчикам, немного нагретым воздухом.

Еще день работы, и кизеловские шахтостроители оказались в обшитом лиственничной крепью штреке старинного медного рудника. Видимо, это была откаточная выработка с довольно заметным уклоном. По ней вывозилась на поверхность руда — медистый песчаник, которым славилась когда-то Пермь и ее окрестности.

Один конец выработки уходил под треснувшие дома, пересекая их фундаменты наискосок, и обрывался здесь свежим завалом. Другой конец штрека был длиннее. По нему удалось пройти несколько десятков метров, но дальше шахтеров также ожидал завал. На этот раз старый. Стало ясно, что причиной аварии были старые горные выработки.

После этого строители стали более осторожными в выборе площадок. Особенно на Горках. Прежде чем строить, например, здание цирка или вторую очередь полиграфического комбината «Звезда», все вокруг внимательно прощупали буром: нет ли внизу пустот?

Не оказались в стороне и пермские историки. Начали они издавать. С того самого майского дня 1723 года, когда в глубокой впадине небольшой речки Егошихи в присутствии известного сподвижника Петра I капитана артиллерии В. Н. Татищева был заложен казенный медеплавильный завод. Потом появились другие заводы — казенные и частные. Историки установили, что тогда руду копали здесь же, рядом с заводами. То огромное поле, на котором стоят сейчас современные Горки, сплошь покрылось отвалами пустой породы — горками.

С 1863 года руда здесь не добывалась. А оставшиеся отвалы за сто с лишним лет сгладились, исчезли сами горки, но осталось название...

Забывтое либретто

История подземелий на Горках натолкнула меня на другую, уже литературного характера.

В свое время профессор Московского университета Александр Васильевич Западов читал нам, студентам МГУ, лекцию о последних годах жизни знаменитого певца Фелицы, русского поэта Гаврилы Романовича Державина (1743—1816). Говоря о забытой опере «Рудокопы», вернее, о либретто этой оперы, профессор подчеркнул, что в ней поэт сделал некую попытку уйти от романтизма к реализму. Недаром, якобы, и место действия своей оперы Державин выбрал ничем не прославленный в литературе, малоизвестный в России тех дней край — Пермь.

Не оговорился ли тогда профессор насчет Перми? Неужели в самом деле Пермь, насчитывавшая на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков всего 1470 жителей, вдохновила автора преимущественно высокопарных, торжественных од на драматическое произведение?

И вот в одном из томов редкого ныне девятитомного издания сочинений Державина (1867 года) нахожу: «Рудокопы», опера в 3-х действиях». Открываю страницу 639-ю тома шестого. Сразу после заголовка идет перечисление действующих лиц: Златогор — владелец рудных заводов и почетный член горного начальства, Лиза — его воспитанница, Давыд — горный староста, горные работники и служители Златогора...

И вот она, эта строка:

«Действие происходит частью на заводе, частью в руднике Златогоровом, в Перми».

А вот как должна была начинаться опера: «Театр представляет на рассвете дня замок Златогора, окруженный высокими, дымящимися горами, с которых вправо низвергается шумящий источник, приводящий в движение вододействующие машины; а влево виден вход в пещеру (или шахту), близ которого по обе стороны скамьи. Слышен колокол, и на оный сходятся

со всех сторон работники, всякий со своим оружием, надевая на себя горное платье».

Хор работников поет песню, которая начинается словами:

Ну, братцы! Прочь дремоту.
Бог помочь на работу.
Он нас блюдет
В трудах от бед.
Чу! чу...

Другие голоса подхватывают:

Пойдем, друзья, и потрудимся,
Помучимся и потомимся.
Чтоб хлеб достать, не страшен гроб.
Ну, ну, скорей! Топ, топ, топ, топ...

Песня довольно длинная. Завершается же она строками:

И с лопатой и с киркой
Покряхтим мы под землей.

Но вот появляется горный староста Давыд со списком в руках:

Сюды! На переключки зов,
И отвечать, кто здесь таков.

Начинается переключка:

Симон Кот — я.
Тимон Скот — я.
Фофан Крот — я.
Трифон Мот — я.
Ступайте, ройте руды.

Хор работников отвечает:

Готовы мы повсюды...

«Хочу попытаться...»

Значит, Державин бывал в Перми?

Нет, не бывал. Во всяком случае, ни один документ этого не подтверждает.

Но если он не бывал в Перми, то откуда тогда почерпнул сведения о горнозаводском деле, столь заметные в основе оперы? И опять же, почему все-таки «действие происходит... в Перми?»

Как ни странно, но ответ на это надо сначала искать не в Перми, а в тысячах километров от нее — в Олонецкой губернии. Одно время Державин был олонецким губернатором и, конечно, был знаком с работой петровских казенных заводов, с железными и медными рудниками. Мало того, поэт подружился там с талантливым русским инженером, обер-бергмейстером олонецких заводов Аникитой Сергеевичем Ярцовым.

Впоследствии Аникита Сергеевич был начальником горных заводов в Перми и Екатеринбургe, пока не вышел в отставку в 1802 году. На Урале Ярцов проявил себя как умелый строитель заводов, основатель многих рудников. Как знак признания заслуг перед государством ему было поручено (уже после отставки) написать историю горного дела в России. Труд был исполнен в 12 рукописных томах, иллюстрирован рисунками и планами. К сожалению, история горного дела не была издана. Автор умер в 1819 году в селе Новоселье Тверской губернии. Он оставил также подробные записки о своей

службе. В середине прошлого века они хранились у дочери Ярцова — Надежды Аникитичны, детской писательницы. Интересно, где хранятся эти рукописи теперь? Наверняка, они рассказы-вали и о Перми, и об уральских заводах. Думается, их читал Державин, часто встречавшийся с Ярцовым, слушавший его рассказы о службе на Урале. Видимо, один из таких рассказов о Перми и натолкнул поэта на мысль написать оперу о рудокопах.

Когда это было? Биограф поэта считает, что написана она до 1813 года. Но еще в январе 1804 года Державин писал одному из своих друзей: «Теперь хочу попытаться в драматическом поле...» В эти последние годы жизни им и создаются несколько драматических произведений, в том числе «Рудокопы», трагедии «Добрыня» и «Пожарский». На этот раз успех, сопутствующий перу Державина, изменяет ему. То ли сказывается здесь старость поэта, то ли его прежняя приверженность к так называемой ложноклассической драме, процветавшей в пору его юности.

Так или иначе, но поэт и профессор русской словесности Александр Мерзляков (кстати, уралец по рождению) назвал его последние произведения «развалинами Державина». Несмотря на то, что в «Рудокопах» должны были появиться на сцене простые рабочие люди, основу сюжета составила все же не их жизнь, а семейные драмы и любовные интриги владельцев и служащих рудников и заводов.

Еще и балет...

И тем не менее, это произведение Державина интересно для нас, уральцев, хотя бы уже тем, что оно было чуть ли не первым в русской литературе, где упомянута Пермь. И не только упомянута, но даже туда перенесено действие целой оперы. Следующим упомянет Пермь в своих произведениях Александр Пушкин. Но это будет лишь спустя двадцать лет.

Интересны «Рудокопы» еще и тем, что воссоздают отдельные картины труда и быта горных рабочих. Вплоть до технологических операций, если только можно так назвать существовавшую уже тогда некую специализацию горных работ:

«Камни сверлить вам...»
«А вам в подставки ийти...»
«Идите вы к отливке вод...»

Работая над оперой, Державин, конечно, не мог заранее предположить, что она не увидит сцены. Поэтому он осмелился предложить также и специально составленную им программу балета: «После оперы, ежели рассудиться, может быть следующий приличный балет».

Приведем здесь лишь сокращенную часть балетного либретто:

«Театр представляет Рифейский хребет, или Уральские горы, во всем природном их ужасном великолении. Сибирь в образе величавой древней жены в серебряной одежде, опушенной соболями, имеющая на шее из драгоценных самородных кристаллов ожерелье, на главе золотый венец, в правой руке того же металла скипетр,

а левою облокотившись на свой щит, сидит на превознесенном выше всех гор прозрачном зеленоватом яшмовом холме под навесом блистающих снегов и мрачных густых кедров, окруженная несколькими седыми женами, из аматистовых фиолетовых урн своих великие с шумом реки проливающие. По горам, между скал, в разнообразных пещерах видны гномы обоего пола, богатство из недр земли добывающие. Иные на оленях в нартах возят руды; другие мехами раздувают пламенеющие горны; гретьи плавают и выпускают из них ручьями металл; четвертые куют их на наковальнях и так далее».

Не правда ли, целый трактат о горном деле в поэтическом переложении? Но железный восемнадцатый век здесь удивительным образом перепелелся с мифами и легендами всех народов. Как греческая богиня, величава Сибирь. Из сказок Западной Европы пожаловали гномы.

«...Шаманы просят позволить прийти к ним для отыскания их богатств россиянам. Гномы не соглашаются. Шаманы падают на колени и простигают с благословением руки свои к Сибири. Она помовает скипетром. Гномы ударяют с шаманами по рукам и убегают в свои пещеры. Является Россиянин и играет на свирели. Шаманы со вниманием его слушают, а увидя, что на глас его собираются соболы и прыгают по деревьям, сходятся лешие и русалки, а потом и разных племен сибирские народы, одетые в разноцветные платья, ...уходят на горы и дают жезлами своими гномам знать, чтоб они вышли из пещер и отдали русским их богатства. Гномы в берестяных кузовеньках и мехах приносят куски золота и серебра и рассыпают оные перед ногами Россиянина, который раздает их сибирским народам...»

Конечно, трудно в этой красочной аллегории освоения русскими Урала искать исторические концепции поэта. Да это и не нужно. Важно лишь отметить, что Державин возводит Сибирь в сан независимой царицы, тогда как в России существовал только один царь — Александр I. Благороден и образ Россиянина, раздающего богатства уральских недр сибирским народам. Это немного не вяжется с официальным взглядом на Урал того времени как на вотчину только русских. И Державин вносит здесь свои коррективы. Предвидя великое будущее Урала, поэт считает край сокровищницей всех народов, населяющих огромное государство.

Вот о каких поистине древних преданиях напомнили пермские подземелья. Пока одна за одной читались эти строки, исследователи подземелий наносили на карту современной Перми 821 заброшенный рудник. Пусть не забывают впредь о них строители. Ведь если под деревянными улицами рудники почти не давали о себе знать, то под тяжелыми многоэтажными домами так называемой точечной конструкции, которыми все больше застраивается Пермь, подземелья молчать не будут.

Ну, а как быть с теми домами, которые уже стоят на выработках или рядом с ними? Такие дома выявлены и взяты на учет. Специальная служба в городе ведет за ними пристальное наблюдение, чтобы в нужный час прийти на помощь. Жаль лишь, что никакая служба не может найти место, где был когда-то рудник, который Державин назвал Златогорьем. Тот самый рудник, в котором добывали свой черный хлеб пермские рудокопы,

Кто напишет музыку?

Здесь я поставил было точку. Но вдруг возникла мысль: что если познакомить с этим материалом работников Пермского театра оперы и балета? И вот я в кабинете главного режиссера театра, заслуженного деятеля искусств РСФСР И. И. Келлера, автора романа «Суровые дни», либретто многих оперных и балетных спектаклей, в том числе «Овода» и «Хождения по мукам» для композитора А. Спадавецкиа, «Суламифи» — для Б. Асафьева, «Каменного цветка» — для А. Фридендера...

Главный режиссер говорит:

— Конечно, опере Державина теперь вряд ли когда удастся выйти на сцену. Что же касается балета, здесь еще не все потеряно. К балетному либретто не столь суровы постановщики, нежели к оперному. Язык музыки и танца более гибок. К тому же, тема освоения Урала — интересная географическая тема. Все дело в музыке. Кто и как ее напишет?

— Значит, вы допускаете мысль, что даже через века забвения балет может ожить на сцене?

— Да, конечно!

— Возможно, даже в Перми?

— Скорее всего в Перми...

После этих слов режиссер рассказал об одном, казалось бы, малоприметном событии. Лет десять назад, во время капитального ремонта театра, каменщики решили укрепить фундамент здания в его закулисной части. Отодвинули старые кирпичи, и, к удивлению всех, открылась, как говорили в старину, зияющая бездна. По-видимому, это был обвал одной из старых горных выработок. Правда, зданию он вреда не принес, но зато понадобилось несколько самосвалов щебня и бетона, чтобы заполнить так неожиданно обнаруженную пустоту.

— Кто знает, — завершил свой рассказ режиссер, — может быть, наша сцена и расположена как раз на месте рудника, о котором писал поэт?

А. НИКИТИН

К «Рудокопам»

Редакция попросила прокомментировать эту статью исследователя истории горнозаводского Урала, кандидата исторических наук, доцента А. Г. Козлова. Оказалось, что может быть и другая версия происхождения либретто оперы «Рудокопы».

— Содержание оперы, конкретные характеристики персонажей, в том числе родственников заводовладельца Златогора и заводских служителей, хотя и носят обобщенный, собирательный характер, но, как мне кажется, созданы на материалах Сысертских, Кыштымских и даже Златоустовских заводов, а не города Перми, где к началу XIX века был лишь остановленный казенный Егошихинский завод и не было действующих рудников. То, что, по словам автора либретто, «действие происходит в Перми», еще не дает оснований говорить о городе с этим именем. Надо помнить, что в городе Перми в те годы находился центр горного управления края, а территориальное понятие «Урал» еще не было в

широком употреблении. В данном случае слова «в Перми» можно понимать и как «в Пермском крае», «на Урале». В документах тех лет такое встречается часто.

Или еще такое соображение. Г. Р. Державин хотя и на Урале и не бывал, но знал его не только по рассказам.

Державину приходилось дважды официально разбирать семейные конфликты уральских горнозаводчиков. В конце XVIII века он как сенатор, занимался «затяжным делом» В. А. Всеволожского, владельца Пожевских заводов, а в 1800—1804 годах, в качестве опекуна Н. А. Колтовской, расследовал сложный конфликт совладельцев Сысертских заводов. Сохранились текст «Наставления» Державина своему поверенному и переписка по этому вопросу с екатеринбургским горным начальством за 1804 год. В ходе расследования выяснилось ведение дел на Сысертских заводах, примерно, за двадцатилетний период. Располагая этими данными, поэт мог использовать их в определенной мере и при создании либретто «Рудокопов».

В середине прошлого столетия друг А. С. Пушкина, русский поэт П. А. Вяземский писал:
О, самовар родной,
семейный наш очаг,
Семейный наш уют,
источник всяких благ...

Простой, незамысловатый предмет, «водогрейный сосуд», как называет его в своем словаре Владимир Даль, знаком нам с раннего детства. Но знаем мы о нем, если разобратся, в сущности очень мало. Давайте же заглянем в родословную русского самовара...

Медные пращурь

Года два назад в журнале «Техника — молодежи» я напечатал небольшую заметку, которая так и называлась — «Пращурь русских самоваров». В ней мне хотелось восстановить одну историческую подробность, забытую за давностью лет. Дело в том, что вопреки утвердившемуся у нас мнению самовар, оказывается, изобретение не русское. Странно, но увы, это так.

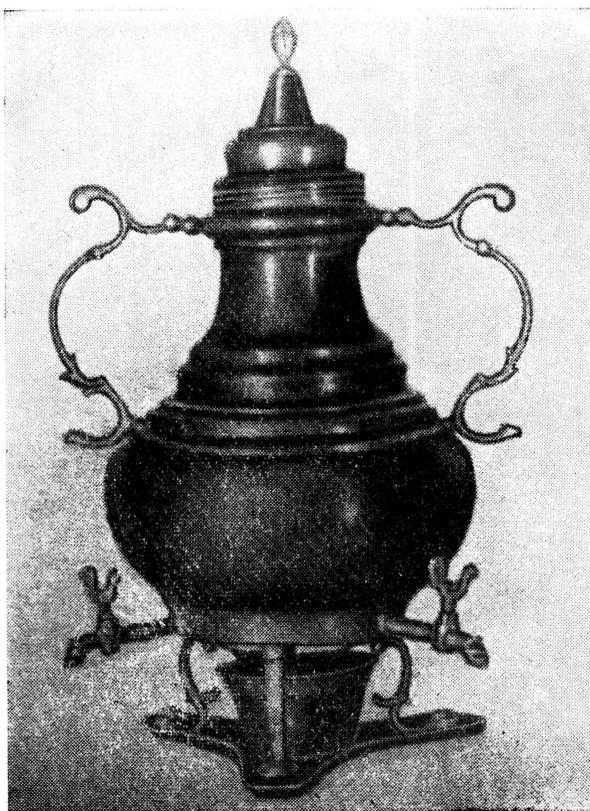
В конце прошлого столетия большая группа археологов из разных стран мира вела раскопки древнеримского города Помпеи, погибшего во время извержения Везувия. Среди многочисленных предметов, извлеченных во время работ, археологи обнаружили странные металлические предметы, отдаленно напоминавшие известные на весь мир русские самовары. Как оказалось, это и были самовары, только древнеримские, автепсы, как их называли.

Р О Д О -
С Л О В -
Н А Я
С А М О -
В А Р А

Об одной из таких автепс, принадлежавшей богатому римскому сановнику Хрисогону, упоминает в своей речи «В защиту Секста Росция» знаменитый древнеримский оратор и политический деятель Цицерон. «В доме у него (Хрисогона. — Б. Т.), — отмечает Цицерон, — множество сосудов коринфской и делосской работы и среди них знаменитая автепса, за которую он недавно заплатил так дорого, что прохожие, слыша цену, которую выкрикивал глашатай, думали, что продается имение».

Изготавливались автепсы обычно из различных медных сплавов. Самые же дорогие, вроде той, о которой упоминает Цицерон, делались из так называемой делосской бронзы — сплав меди, серебра и золота. Сочетание этих трех металлов придавали автепсам необычайную красоту.

Применялись автепсы для подогрева, жидкости — воды или вина, но не для кипячения. Вот почему у автепс не было кранов. Черпали жидкость небольшими ковшами. Но по конструкции и по форме автепсы отличались от самоваров незначительно. Один из двух экземпляров, найденных в Помпеях, напоминает амфору, внутри которой проходит изогнутая воронкообразная труба — по самоварной терминологии «кувшин». Узкий конец кувшина выходит сбоку амфоры и образует отверстие, в которое закладывались угли. Вторая автепса — цилиндрическая и внутри двухдонная.

Интересно, что по сравнению с русскими жаровыми самоварами древние автепсы имели выгодное отличие — трубчатые решетки, соединяющиеся с самим резервуаром для жидкости. Такое устройство позволяло, во-первых, сохранить решетку от перегорания и, во-вторых, использовать получаемое решеткой тепло для подогрева самой жидкости.

С русскими самоварами автепсы роднит не только принцип устройства и назначение, но и само название. В дословном переводе слово автепса означает — самовар.

Второе рождение

Широко распространено и второе заблуждение: что родина русских самоваров — Тула. Увы, и это не так. Хотя я сам туляк, патриот своего родного города, но — истина дороже. Родина-то Урал!

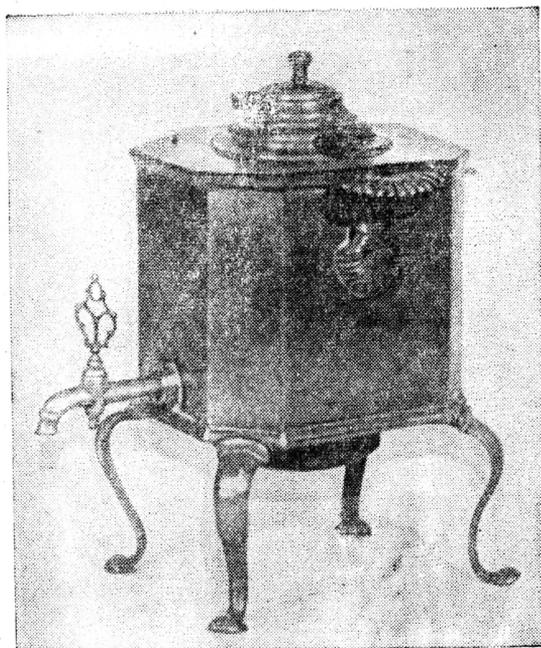
Уральские мастера, чьими умелыми руками были изготовлены первые русские самовары, конечно, не могли и предполагать, что нечто подобное было изобретено за много столетий до них в далекой южной стране.

В России первые самовары появились в XVIII столетии, когда употребление чая стало прочно входить в повседневный обиход нашего народа.

О производстве их одно из первых (насколько известно) упоминаний относится к 1767 году. В этом году самовары уже числятся в реестре изделий Троицкого завода Турчаниновых на Урале (около Усоляя).

На родине чая, в Китае, воду для заварки кипятили в обыкновенных медных чайниках. Русская смекалка пошла дальше — внутри «чайника» появилась труба-кувшин, куда закладывали горячие угли. Но использовалось это приспособление первоначально не для приготовления напитка из «Поднебесной империи», а для питья исконно русского — сбитня, сваренного из меда с добавлением лечебных трав и пряностей. У Л. Н. Толстого в рассказе «Севастополь в декабре» читаем: «На набережной шумно шевелятся толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин. Бабы продают булки, русские мужики с самоварами кричат: сбитень горячей!...»

В XVIII веке на Урале в большом количестве изготавливались кухни-самовары. Их с успехом использовали путешественники по Сибири, беря с собой в дальнюю дорогу. Кухни-самовары были просты и по форме напоминали собой братину. Это тот же самовар, но разделенный внутри перегородками на два-три отсека. Останутся путники после трудной дороги где-нибудь посреди тайги на привал, достанут заветную кухню, нарубят сухих веток или шишек еловых насобирают, и уж не долго ждать, когда кухня-самовар, словно ска-

терть-самобранка, приготовит им и суп наваристый из таежной дичи, и кашу, и чай.

В XIX веке нужда в таких кухнях поубавилась, зато их ближайшие родственники — походные самовары — объехали немало стран и континентов. Один из таких самоваров, принадлежавший известному русскому историку И. Е. Забелину, хранится сейчас в Москве, в Государственном историческом музее.

Самоварная столица

Хоть и говорит пословица, что в Тулу со своим самоваром не ездят, было так не всегда. Кто-то привез с Урала в Тулу самовар в XVIII веке. Может быть, это были выходцы из Тулы, уральские заводчики Демидовы, может быть, кто-то из их мастеров. Но не в этом суть. Город искусных

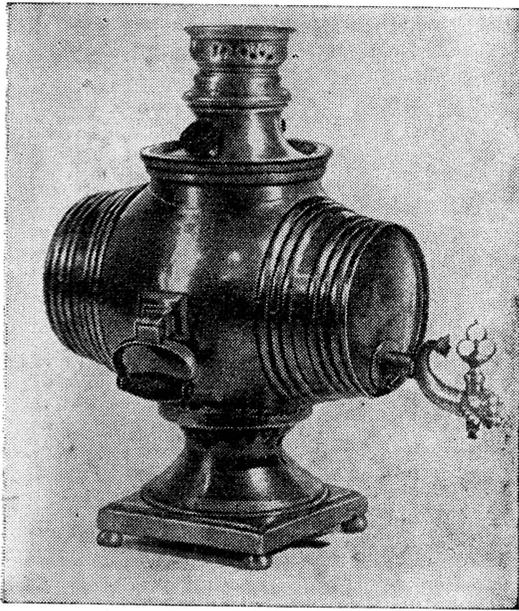
ПАРАДЫ РУССКИХ САМОВАРОВ

1. В Невьянске

В Невьянском краеведческом музее (Свердловская область) открыта выставка русских самоваров и медной посуды. Посетители с удовольствием рассматривают ступы, ковшы, сковороды, чашки, подносы, кофейники. Отдельно красуются подсвечники, валдайские и собольские колокольчики, славившиеся своим серебряным звоном. Привлекают внимание посетителей красочные котлы-пузачи, изготовленные в XVIII веке на Невьянском заводе, и банка с завертывающейся крышкой, на дне которой клейма неизвестных мастеров, слово «Сибирь», написанное латинскими буквами, и дата — 1776.

Самую различную медную посуду изготовляли в XVIII веке в Невьянске. При этом беспощадно эксплуатировался детский труд. Д. Кашинцев в своем труде «История металлургии Урала» писал, что на Невьянском заводе были побиты в этом отношении все рекорды. И. Гмелин, путешествуя по Уралу в 1752 году, записал в своем дневнике: «Я видел мальчиков от 7 до 8 лет, которые выделывали из желтой меди чашки и другую посуду. Плата определялась после учета сделанного...» Ядовитый воздух, тяжелый труд и гроши за него — вот удел многих невяньских мальчишек в прошлом.

В Невьянском музее есть и сбитенник с двумя трубами, каждая из которых закрывается своей крышкой.

русских оружейников вскоре стал самоварной столицей со своими «самоварными королями». Вот уже два века слова «Тула» и «самовар» стоят рядом, стали почти синонимами.

Начало славе тульских самоваров положил слесарь-оружейник Никита Лисицын, открывший в 1785 году на Штыковой улице первую в городе самоварную мастерскую. Дело оказалось весьма прибыльным. Изделия пользовались большим спросом. Вскоре у Лисицына нашлись последователи.

В 1825 году в Туле было уже восемь самоварных фабрик, к 1850 году их число возросло до 28, а к концу века до 50!

В прошлом столетии тульские самовары проникли во все уголки России. Стройные красавицы-туляки, сверкая на солнце своими медными, начищенными до зеркального блеска боками, служили прекрасным украшением нижегородских, тверских, ярославских и прочих ярмарок. Народ охотно покупал их, порой отдавая последние гроши. Особенно ценились изделия фабрики братьев Батшовых. Лишь за одно клеймо этой фабрики платили на рубль дороже обычного.

Вывозились тульские самовары и за границу. В далекой африканской стране Марокко, в Персии, Турции и других государствах пили чай из тульских самоваров.

Нелегко доставалась тульским мастерам-самоварщикам мировая известность. Почти все детали выделывались вручную, с помощью примитивных орудий — чугунной болванки-кобылины, деревянных молотков да напильников. По 12—14 часов в сутки, в душной атмосфере медной пыли и наштабля, применявшегося при чистке готовых изделий, трудились не покладая рук рабочие на фабриках, получая за труд жалкие гроши. В конце прошлого века дневной заработок самоварщика не превышал 50 копеек. Зато «самоварные короли» — Батшовы, Ломовы, Шемарины и им подобные богатели, получая на российских и международных выставках призы и медали «За высокое качество и художественное мастерство изделий».

Самовар — чудо техники

Популярность самовара, естественно, привлекала к нему и техническую мысль. Над усовершенствованием конструкций и форм «водогрейного сосуда» работало немало специалистов. «Самоварная мысль» кипела вовсю: было выдано множество

Самовары в форме банки были самыми распространенными в начале XX в. В отличие от других, они более просты в производстве, поэтому и стоили дешевле. Образцы таких самоваров наш музей получил в дар от А. М. Кузнецовой, М. И. Камелиной, А. И. Брюхановой, А. И. Медовщицкой, А. М. Пискуновой, Н. Ф. Башкирова и других.

Украшением выставки являются самовары в форме репки и рюмки, подаренные музеем А. Н. Рязановой, М. И. Ушковым, П. Ф. Замоткиным, А. С. Голубиным.

Особый интерес представляют самовары-кухни. Семьи наших земляков П. В. Елфимовой и О. В. Ветогшиной брали свои самовары-кухни на покосы и в дорогу. Сейчас они подарены музею.

На выставке имеется двухведерный самовар-гигант и маленький самоварчик — всего лишь на 7 стаканов воды. Первый — дар М. Д. Кузнецовой — был сделан в Туле по особому заказу, а на втором — подарке Ф. И. Куклина — стоит именная надпись: «Сей самовар Анны Ивановны».

Тридцать три самовара красуются на выставке, а всего их собрано свыше пятидесяти.

Н. ПУТИЛОВА,
научный сотрудник Невьянского
музея

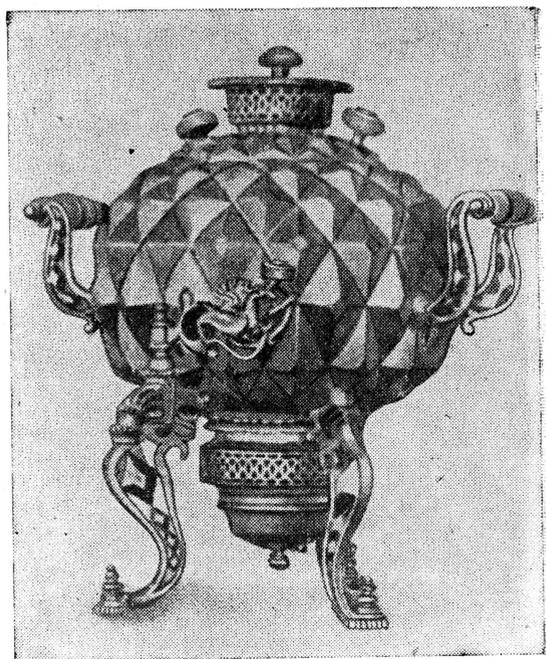
2. ...и в Соликамске

На открывшейся в Соликамском краеведческом музее выставке представлено 70 уральских самоваров. Мастера придавали изделиям самые разнообразные формы: шара, бочонка, яйца, репки, рюмки, кубка и даже сундучка, украшали их затейливым орнаментом.

В число экспонатов включены также и предшественники самоваров — сбитенники.

В. ПАШИН, корр. ТАСС

65

патентов и привилегий на различные виды самоваров и усовершенствования. Некоторые изобретения находили практическое применение, большая же часть так и осталась в проектах, не имея практического смысла. Листая страницы «Сводов привилегий на изобретения и усовершенствования» конца прошлого — начала нынешнего века, нельзя без улыбки читать о проектах самоваров, отапливаемых керосиновыми лампами или с помещенным внутри чайником, о хитроумных, но абсолютно бесполезных кранах для соединения самовара с чайником и так далее.

Первые керосиновые самовары появились в Туле в 1885 году. Их изобретателем был предприимчивый немец, ставший богатым тульским фабрикантом, Р. Тейле. Век «керосинок» оказался недолгим — они были неказистыми на вид и громоздкими. К тому же керосиновый «аромат» был плохим добавлением к столу.

Такая же история произошла и с самоварами, работавшими на спирту. Чай из них был слишком дорогим удовольствием для простого народа.

Иная судьба у самоваров электрических, почти вытеснивших сейчас жаровые. Впервые они появились в конце прошлого столетия в Северной Америке. В 1902 году популярный в России журнал «Нива» поведал читателям о чуде тогдашней бытовой техники — электрической кухне канадского монастыря кармелитов. В числе прочих дико-

вин монастырской кухни были и электрические самовары.

В России производство электросамоваров началось лишь в советское время.

Живые традиции

Замечательные традиции тульских мастеров самоварного дела продолжают жить и в наше время. И сейчас тульские самовары — лучшие в стране. Не имеют они конкурентов и на мировом рынке. Их с охотой покупают в США, Швеции, Бирме, Иране, Польше, Венгрии и других (более 50) странах.

Несколько лет назад на тульском заводе «Штамп» было налажено массовое производство самоваров - сувениров «Ясная Поляна» — миниатюрных копий восьмилитрового самовара, принадлежавшего некогда Л. Н. Толстому и хранящегося сейчас в музее-усадьбе писателя. Малютка-самовар точно повторяет все детали настоящего. Вмещает он 125 граммов воды. Вскипятить самовар можно даже от спичек.

На международных выставках ЭКСПО-67 в Монреале и ЭКСПО-70 в Токио тульские самовары были для посетителей одним из самых желанных сувениров.

ИЗ ЖИМЛОСТИ И ПЕРСОБДЫ

ИГУАНА И СОНЯ

Я тогда жил в лесу в одиноком домике. Была весна, и светило солнце, и на березке звенел зяблик, а на другой, около скворечника, качался на ветке скворец и пел, трепеща крыльями.

Его песенка лилась, журча как ручеек, и в нее он вплетал все, что слышал. Закудахта в сарае курица — он тотчас же вставил «кудах-кудах» в свою песенку; заржал в поле жеребенок, заскрипели ворота, залаяла собачонка — все хорошо, все годится. С мира на нитке — скворушке песенка. Он не гонится за славой великих артистов. Он не соловей, не певчий дрозд, не ученая канарейка, даже не такой самородок, как жаворонок, — он просто веселый малый. Сидит на ветке, пригретый солнцем, черный, блестящий, отливающий то синим, то фиолетовым, размахивает крылышками и, широко разевая рот, поет. Поет вдохновенно и радостно.

Я брожу тихонько по лесу, греюсь на весеннем солнышке и слушаю голоса вернувшихся из дальних стран певцов.

Ку-ку! — неожиданно раздается знакомый голосок. Первая кукушка! Лес еще голый, а она уже кукует.

Тут мое внимание привлек напольвину вывороченный корень жимолости. Какой интересный корень! Я сильно дернул его из земли, и у меня в руках оказалась... голова игуаны. Немножко коегде подрезать, подчистить, вырезать дру-

гой глазок — и будет чудесная голова. Сама природа сделала ее из корня жимолости и украсила шипами и наростами. Я так увлекся этой головой, что не обратил внимания на серенький комочек, лежавший в ямке под головой игуаны. Это было удивительное существо: оно не шевелилось, не открывало глаз. Оно свернулось калачиком, мордочку уткнуло в живот и закрылось хвостиком. Крепко спало, охраняемое игуаной.

Я взял зверька в руки, переключивал с ладони на ладонь. Зверек не подавал признаков жизни. Он лежал свернувшись, холодный, твердый, заколенелый. «Ну что же, если вы так крепко спите, я подожду, когда вы проснетесь. Тогда и познакомимся». Я устроил его в коробочке от конфет. Положил туда пустое гнездышко зяблика, уложил там зверушку, которая при ближайшем знакомстве оказалась лесной соней, и сверху покрыл одеяльцем.

Спящая царевна! Соня уютно спала в гнезде, а я занялся головой игуаны. Перочинным ножом, стамеской и рашпилем я усердно старался придать морде страшное выражение. Потом мне пришла идея сделать из головы щелкушку для орехов. Это было не так-то просто, и я до самого вечера трудился, не жалея сил и позабыв о соней.

Наступил вечер, и спящая царевна проснулась. Я узнал об этом, когда со

стола слетел со звоном стакан. Потом с полки грохнулась фарфоровая па-стушка, а следом с подоконника слетел горшок с геранью.

Я вскочил и увидел соню. Она с ловкостью заправского верхолаза взлетела по оконной занавеске под потолок и гигантским прыжком переметнулась на шкаф, с которого посыпались какие-то

коробки и книги. Через секунду соня оказалась на спинке дивана и тут же исчезла в печном отдушнике.

Я испугался за судьбу сони, но она уже выскочила из другого отдушника, вся черная, но возбужденная, видимо, довольная своими приключениями, и шлепнулась на подушку моей кровати. На чистой наволочке четко отпечатался черный след. След побежал по всему одеялу, по оконным занавескам, по стульям, по полу...

В комнату вошла моя хозяйка — старушка Аксинья Николаевна. Соня в неистовом восторге носилась по комнате. Легким прыжком с этажерки она перелетела на плечо старушки. Старушка в ужасе присела и завопила: «Да где же это ты взял такую пакость? Да убери ты ее, Христа ради! Напугала как, окаянная!».

Что было делать с буйной царевной? Я открыл настежь дверь, и моя милая гостя помчалась на крыльцо, с крыльца на дорожку — и в лес. Счастливейший путь!

Но кто же будет охранять твой сон?

Голова игуаны лежит на моем столе и свирепо смотрит на меня.

ГРИБНОЙ ЦАРЬ

На лесной полянке на бугре отдыхали двое, молодой и старик. Молодой был худощав, с едва пробивающимися усиками и кудрявой головой, в сильно поношенной куртке цвета хаки и в черных, тоже потрепанных брюках. Он полулежа курил самокрутку. Рядом с ним две собаки — прекрасный борзой кобель, весь в завитках, и маленькая беспородная собачка.

Собаки лежали высунув языки и часто дышали. В стороне стояли две корзины почти полные белых грибов.

На голове у старика была шапчонка непонятного фасона, сильно напоминающая шляпку старого гриба, на плечах домотканый армячок, на котором было больше заплат, чем самого армячка. Изпод лохматых бровей, как две незабуд-

ки, зорко глядели маленькие, светло-голубые глазки. Чалая бороденка окружала сморщенное темно-коричневое личико.

Старичок жевал печеное яичко и, строго глядя на молодого, поучал:

— Нет. Ты этого не говори... Иной идет по лесу — и уши у него заткнуты, и глаза завязаны, ничего-то он не слышит, ничего-то он не видит. Какая птаха поет — не знает, чей следок — понять не может. Зашел за дерево — и заблудился, куда какой стороной елка повернута — разобрать ума нет. Слепой человек... Такому человеку и гриб в руки не дается. Прячется гриб... Грибов полно, а у него пустая корзинка... Ты, парень, вот ружьем балуешься, по лесу гуляешь, а все же всей лесной премудрости понять не можешь, а я в лесу вырос. Мне лес все

равно как дом родной — я в нем и днем и ночью куда хошь...

— Правда, леший меня один раз по лесу кружил, — продолжает старик. — Было дело... Теперь я и с ним в ладу живу. Ничего. В каждом лесу, значит, свой порядок. Вроде как своя семья... Матка есть. Ее сразу узнаешь. Она всех дерев толще и на ней шишек, шишек — видимо-невидимо. И дятлы к ней с особым криком подлетают и далеко ее семена разносят. Рядом с ней никогда не расклеиваются. Закон, значит, такой есть.

И вот, опять, грибы... Каких только грибов нет, а каждый гриб свое место знает. Кому на пеньке, кому в ямке, кому на бугорке... Рыжик, он во мху любит, на полянке, хороводом, а лисичка в глуши таится. Белый гриб свежие места любит, не затоптанные ни людьми, ни скотиной. А то вот еще гриб есть... Ты, парень, его, пожалуй, и не видал никогда. А может, и не слышал про него. Царь грибной... Он у себя под землей сидит, всеми грибами правит. А зовут его хитро: трухвиль.

— А ты, Лехтеич, видал его?

— Раз видал, да и то давно, а больше не приходилось. В нашей деревне, Лексей, мужичок один есть, а у мужичка собачонка, так, махонькая, немудрящая, а он ее пуще глаза бережет. Пойдет этот мужичок с ней в лес, и, гляди, корзинку этих трухвелей тащит. И с ними в Москву, в большую московскую гостиницу. Хорошо на них зашибает... Пахучие грибы, страсть пахучие.

Старик вдруг пригнулся к земле и стал принюхиваться.

— А ты не чуешь, Лексей, вроде как грибом пахнет?

Тут он прополз на четвереньках и опять стал принюхиваться.

— Пахнет, чую, пахнет! Э... глянь, земля-то растрескалась... Это беспренно он!

Лехтеич руками стал раскапывать землю, потом осторожно запустил руку в ямку и... вытащил самого грибного царя.

— Ну и царь! — засмеялся молодой. — Это сморчок какой-то!

Гриб был величиной с кулак, темно-коричневый, сморщенный и очень пахучий.

Дед завернул его в тряпочку и осторожно положил в карман.

— Нет, ты не смейся, Лексей, цари смешливых не любят... Он так делает, что ни одного гриба не унесешь!

— Очень я боюсь твоего грибного царя! Вон у меня целая корзина белых...

Из леса на вырубку вышло стадо. Обе собаки вскочили и стали опасно смотреть на коров. Белая крупная борзая была принята коровами за опасного зверя. Они глухо загудели и кинулись на собаку. И молодой и старик вскочили и встали за деревья. Стадо промчалось по тому месту, где сидели грибники, и исчезло в лесу. За коровами выбежали телки, овцы и большой бурый бык. Одна телка подошла к корзине молодого и стала нюхать грибы. Она поддела корзину рогом, все грибы посыпались на землю, а корзина повисла на рогах. Молодой выскочил из-за дерева и бросился спасать грибы, но, сделав два шага, остановился. К телке с глухим ревом подошел бык. Он грозно покосился на человека и лизнул телку.

— Не ходи, Лексей! Брось! Бык дурной — брухается!

Телку испугала повиснувшая на рогах корзина, и она, мотая головой, бросилась в лес. На просыпанные грибы накнулись овцы, и миг от грибов не осталось и следа.

Вот тебе и грибочки! А старикова корзина стоит целешенька!

Дед вышел на полянку и покачал головой:

— Эх, Лексей! Говорил я тебе, не смейся над царем.... Вон оно какое дело-то вышло — ты и впрямь ни одного гриба из леса не унесешь!

Оба грибника — и старик и молодой — подошли к стоящей под елкой корзине и замерли... Вот это да!

— Дед, а ведь телка-то твою корзину растрепала! Гляди! Ведь это моя стоит целешенька! Видишь, ручка проволокой замотана.

— Тьфу-ты, елки-палки! Ах она, окаянная! И корзину в лес затащила. Теперь ищи ее... Вот горе-то!

Лехтеич совсем расстроился и приуныл.

— Не горюй, старина. Брось. Вот пойдем и найдем твою корзину, а грибы пополам разделим. В честь грибного царя!

Алексей КОМАРОВ

О ЗАЙЦАХ, ПОБЕЖДАЮЩИХ СОВ

Непроглядная таежная ночь. Все замерло. И вдруг — какая-то возня в кустах. Это насмерть перепуганный зайчишка пытается удрать от глазастой совы. Хищница схватила его одной лапой за спину, а другой бороздит по жидким веткам кустов, ища за что бы зацепиться, остановить жертву и убить. Заяц несется что есть мочи. А сова голодна, не хочет упускать добычу. Вот она наконец уцепилась мертвой хваткой за толстую ветку. Но косою молод и силен. Он делает мощный прыжок и... надвое разрывает птицу. Ошалевший победитель убегает с свиной лапой в спине. Когти хищницы глубоко вошли в его тело, и уже никогда не освободиться от них косому. Лапа высохнет и потом вызовет безмерное удивление у какого-нибудь выдавшего виды охотника.

Заяц-победитель — это еще куда ни шло. В мире животных бывают вовсе забавные случаи.

Крестьяне румынского села Келмак любят хвастаться своими овцами. Еще бы! Ведь только у них в селе овцы задавили волка, правда, пока единственного и лет десять назад, но зато сами, без помощи человека.

Было это так. Голодная волчица прыгнула в загон к отаре. Началась страшная паника. Овцы бросились кто куда и развалили изгородь. А в загоне

осталась... затоптанная ими волчица. А еще говорят: «Молодец против овец».

Или такой пример. Чтобы накормить змею, к ней подсаживают белых крыс. Змея съедает сколько ей нужно, а остальных не трогает, лежит, отдыхает. Опытный зоолог тут же уберет оставшихся крыс, иначе... лишится самой змеи. Крысы нападают на нее и загрызают насмерть.

Салехардский натуралист Н. Патрикеев рассказывает: «Тихим осенним утром плыл я на легкой лодке по безымянному притоку Оби. Вдруг сильный всплеск заставил меня оглянуться. Недалеко крупный белохвостый орел тяжело бил крыльями по воде и никак не мог взлететь. Я подобрался поближе. На моих глазах птица скрылась под водой. Но через несколько мгновений орел вынырнул и, загребая крыльями, как веслами, устремился к берегу. Затем снова погрузился в воду, и в бурлящем водовороте мелькнул рыбий хвост. Все продолжительней птица оставалась под водой, все слабее становились взмахи ее крыльев, потом вовсе исчезла. Увидел я орла снова минут через пятнадцать. Безжизненно распластались по воде его могучие крылья. А когти его крепко вцепились в спину громадной щуки, которая тоже выбилась из сил и была мертва».

С. ЕЛОВСКИХ, студент-зоолог

ПАВЛИНЯ ФЕРМА

Не знаю, есть ли что-либо в природе ярче павлиньих перьев? Они то раскрываются чудесным веером, то сжимаются в букет, играющий неповторимыми красками.

Восточных жар-птиц я увидел недавно в Закавказском зоологическом комбинате в Кировабаде. Это единственная в стране павлинья ферма. Птицы важно расхаживали в больших вольерах. Они глядели на меня зелеными, розовыми, синими, фиолетовыми, золотистыми глазами. Часто поворачивались, меняли положение, как бы предлагая осмотреть себя со всех сторон и оценить их красоту.

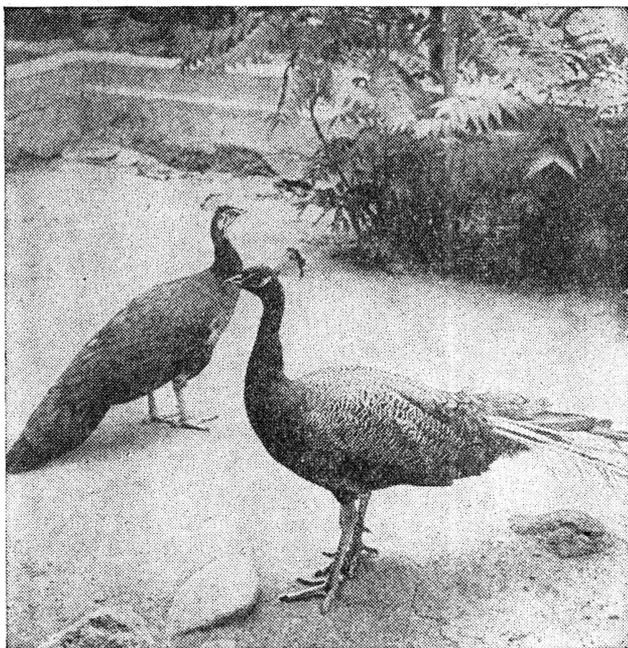
Из фермы маршруты восточных жар-птиц идут в зоопарки Москвы, Ташкента, Еревана, Тбилиси, Ростова-на-Дону и других городов страны.

— Обычно павлины не выводят в нелегкие птенцов, — рассказывает зоотехник Нина Николаевна Левченко. — Их яйца мы подкладываем под индеек. Но вот однажды павушка принесла потомство. Самоотверженно высидела в гнезде тридцать дней. А теперь — видите? — вон еще одна сидит.

Что едят павлины? Пшеницу, дробленый подсолнух, мясо, творог. Рацион скромный — всего двести граммов в день.

Есть здесь еще один сказочный уголок — царство волнистых попугаев. Они весь день в движении. Голубые, желтые, зеленые, темно-синие птицы напоминают разноцветную ленту.

— Ежегодно комбинат продает несколько тысяч волнистых попугаев, — сообщает орнитолог Сергей Макичевич

Авакян. — Они дают в год по четыре потомства.

На комбинате разводят белых мышей и морских свинок для научно-исследовательских лабораторий.

Кроме того, здесь производят отлов туров и серн для зоопарков Голландии, Чехословакии и ГДР.

В Закавказском зоологическом комбинате можно встретить крупных черных птиц с роговым красным наростом на клюве. Это американская дикая мускусная утка. Для начала с трудом раздобыли пару. Теперь их здесь несколько. Вес одной птицы достигает четырех килограммов.

Работники комбината помогают ученым создавать новую породу уток.

К. ХРОМОВ

ЛЕТЯГА

Это таинственное ночное существо встретилось мне в окрестностях Свердловска совершенно случайно. Осматривая майским днем гнездовую колонию дроздов, я краешком глаза заметил пикирующую прямо на

меня тень. Зная привычку этих шумливых птиц пачкать докучливых наблюдателей пометом, инстинктивно пригнулся.

Однако нападения не последовало, а за моей спиной раздался мягкий шлепок о дерево. Оглянувшись, я успел приме-

тить на старой березе серого зверька с огромными черными глазами, тут же шмыгнувшего в дупло. Это и была белка-летяга. В дупле находилось ее гнездо, а там, тесно прижавшись друг к другу, затаились два пушистых комочка — еще слепые бельчата.

Мне было известно, что жизнь летающего зверька изучена очень слабо, а о том, как развиваются малыши, совсем

нет сведений. Именно поэтому я извлек из гнезда одного бельчонка, посадил его на расстеленную плащ-палатку и стал готовить фотоаппарат, чтобы сделать несколько снимков. Летяга, сжавшись в комочек, сидела в это время на обломанной вершине соседнего дерева и молча наблюдала за мной.

Пока я возился с фотокамерой, крошка на плащ-палатке зашевелилась и чуть слышно пискнула. И тут же к моим ногам шлепнулась обеспокоенная мать. Она ухватила зубами бельчонка за складку кожи и стремительно вскарабкалась к себе в гнездо.

Я был настолько ошеломлен, что вспомнил о фотоаппарате слишком поздно. И, конечно, после такого самоотверженного поступка летяги уже не решился вновь беспокоить пушистое семейство.

На следующий день мне неудержимо захотелось вновь побывать в гостях у белок. Только в знакомом дупле уже никого не застал. Видимо, обеспокоенную мамашу свидания со мной совсем не устраивали, и она поспешила перенести детей в более безопасное место.

Р. МАЛЫШЕВ, зоолог

Книжная полка

Так называется книга, выпущенная Пермским книжным издательством. Эпиграфом к ней стали слова из Отчетного доклада Л. И. Брежнева XXIV съезду КПСС. «Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины».

Прикамье... Нельзя не удивляться притягательной силе суровой уральской природы, глубине ее эстетического воздействия на человека, так же как невозможно переоценить значение природных ресурсов Урала. Именно поэтому в выпущенном сборнике преобладают краеведческие статьи: «Редкие и исчезающие птицы Пермской области» Б. Д. Ананьина, «Сохраним кедр в наших лесах» Г. А. Глумова, «Об охране Кунгурской ледяной пещеры» В. С. Лукина и многие другие.

Сборник читается как увлекательная повесть. Здесь научные статьи соседствуют с лирическими стихами, краеведческие работы с охотничьими рассказами. Авторы книги — люди самых разных профессий. Но всех их объединяет одно — любовь к родному краю.

Остается сказать, что подготовили сборник пермские областные организации общества охраны природы и «Знания». Сейчас они работают над созданием третьего выпуска книги, который, надо надеяться, как и два предыдущих, не залежится на книжных прилавках.

А. ЛЕБЕДИНСКИЙ,
аспирант, биолог

СЕНСАЦИИ ОЙМЯКОНСКИХ НЕДР

Тайна березовой ветки

Журналисты уже не раз обжигались на сенсациях, вроде легенды о лабынкырском чудовище. Шумные публичные разоблачения невероятно раздутых мифов и мистификаций возымели и обратное действие: теперь газетчики иной раз сознательно проходят мимо необычного и парадоксального.

Нет, я не собираюсь защищать авторов псевдосенсаций. Но я обеими руками готов голосовать за красивые легенды и смелые гипотезы, побуждающие человека к дерзанию и поиску.

То, что я узнал на берегах одного из индигирских притоков, похоже на ранее слышанную легенду. Но, с другой стороны, почему этими любопытными и удивительными фактами не заинтересоваться биофизикам?

Иван Кошик, геолог партии, ведущей разведку крупнейшего в стране Сарылахского золото-сурьмяного месторождения, отправляясь в поиск, берет с собой... обычный стальной прут. Изогнув проволоку в виде дверной скобы, он определяет этой нехитрой самоделькой подземные аномалии. Стоит Кошику появиться на какой-нибудь из аномальных точек, как проволочная рамка вдруг поворачивается в его руке.

Достоверность показаний при этом весьма внушительная — 80 процентов. Когда вторую рудную зону исследовали специально приехавшие на Сарылах геофизики, Кошик решил проверить еще раз свой кладоискатель. И что же? Основные аномалии, выявленные им с помощью этого простейшего приспособления, полностью совпали с теми, что были зафиксированы сложнейшими приборами. Но геофизикам потребовалось несколько дней для обработки данных и окончательных выводов, а Кошик указывал на точки прямо на ходу — чуткая рамка поворачивалась сразу, стоило только искателю пройти над сурьмяными жилами.

Молодой геолог отметил весьма любопытную деталь: рамка «работает» далеко не в каждой руке. У некоторых людей она попросту никак не реагирует на аномалии. По мнению Кошика, здесь, возможно, играет роль индивидуальная сила биотоков. Иван Мартынович заметил и другое: если искатель несет рамку в резиновой обуви, эффект гораздо слабее. Говорят, что лучше всего нехитрый прибор реагирует, когда идешь босиком. Но по мерзлой оймяконской земле босиком далеко не уйдешь.

Вообще-то столь, казалось бы, «ненаучный» метод поисков не нов. Рудознатцы XVIII века применяли его на Урале. Правда, вместо стальной

проволами они брали с собой влажный березовый или ивовый прутик, расщепленный на конце. Вращаясь, он сигнализировал о местах залегания руд. В России и в Средней Азии этим методом издавна находят места, где следует заложить колодец или пробурить новую артезианскую скважину.

Какие же силы заставляют вращаться проволочную скобу — магнитные, гравитационные или еще какие-то? Почему рамка, опав на аномальную точку, поворачивается обязательно в сторону держащего ее человека? Какова при этом роль человеческого организма?

Вот те вопросы, на которые должна ответить наука.

По следу мамонта

В Верхне-Индигорской геологоразведочной экспедиции в Усть-Нере есть неплохой... палеонтологический музей. Череп ископаемого быка, зубы давно вымершего шерстистого носорога, бивень мамонта, окаменевшие кости овцебыка. Немало здесь и других очень интересных экспонатов.

Что это? Коллекция, собранная геологами на досуге? Нет, оказывается. Как разъяснил мне хранитель музея, старший геолог Борис Иванович Акулов, заниматься палеонтологическими раскопками работникам экспедиции положено по штату. Они даже обязаны собирать кости вымерших животных, раковины моллюсков и панцири ракообразных, если их основная работа — открывать новые месторождения полезных ископаемых.

Полезные ископаемые находят по-разному. Например, уникальное месторождение золотого антимонита было открыто совсем недавно здесь, в верховьях Индигирки, благодаря счастливой случайности. Серый кусок искрящегося минерала скатился с сопки прямо под ноги геологу Кузьме Дельяниди. Обычно же полезные ископаемые лежат не на виду, а под толщей вечно-

мерзлых земных пластов. И человек, прежде чем взяться за лопату или буровой станок, пытается как бы просверлить толщу грунта пытливым взором.

Уметь видеть — важное качество, а для геолога — в особенности. В местах залегания песчаников растет обычно сосна. Ель подсказывает геологу: здесь глинистые породы — алевалиты. А если вдруг здесь, на полюсе холода, встретилась корейская ива (чозения) или тополь, то под ногами — таликовая зона, или сквозная проталина в вечной мерзлоте.

Именно таким визуальным способом — по цвету растительного покрова при аэрофотосъемке — удалось обнаружить несколько кимберлитовых трубок.

А мамонты? При чем здесь все-таки они? А вот при чем. В каждом определенном слое земных отложений покоятся специфические, присущие только этому пласту остатки животного и растительного мира. Ученые составили геохронологическую таблицу, при помощи которой теперь, найдя следы того или иного организма, несложно определить возраст породы. А возраст — это как раз тот немаловажный показатель, который позволяет избрать наиболее верные пути поиска полезных ископаемых.

Кстати, в Якутии мамонтов находили неоднократно.

Эвен Шумаков в начале прошлого века несколько лет кормил собак мясом мамонта, найденного в дельте Лены. Но достоянием науки стал только труп березовского мамонта, обнаруженный Тарабукиным и вывезенный в начале XX века с низовьев Колымы. Его скелет и чучело экспонируются в Ленинграде в Зоологическом музее Академии наук СССР.

Сотрудники Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР в 1970 году обнаружили мамонта в низовьях Индигирки, на реке Берелех. Откопана и доставлена в Якутск огромная нога древнего великана.

Ценнейшей находкой надо считать 120-килограммовый бивень мамонта, извлеченный геологами семь лет назад из недр бассейна реки Делянкир. Особый интерес представляет бивень, добытый в мае 1953 года горняками при проходке золотой шахты № 28 у ручья Случайный. Бивень длиной около трех с половиной метров и весом более 200 килограммов на поверхность выносили семь рабочих. Целое кладбище мамонтов, усеянное бивнями, обнаружено в районе Эльги. Здесь, на прииске Маршалский, в 1944—1945 годах было найдено много бивней и рогов бизонов.

В марте 1951 года у ручья Короткий на глубине 8,4 метра геологи прииска «Индигирский» нашли рог носорога, а в апреле 1953 года здесь же обнаружили рога вымерших баранов. Длина рогов зубробизона, найденных старателями Молодиченко и Стрюковским 27 апреля 1961 года на ручье Загадка, достигала 84 сантиметра.

Находки, сделанные на террасах бурного ледового притока Индигирки — Эльги, позволили сделать открытие, в которое и по сей день трудно поверить. Но тем не менее это так. В Оймяконье — самом холодном уголке нашей страны — некогда буйно росли тропические растения. О мягком и влажном, чуть ли не африканском климате свидетельствуют остатки пыльцы гвоздичных, обнаруженные учеными на берегах Эльги.

Затянувшийся сон

В 1968 году в газетах появилось интригующее сообщение о загадочной даллии перторалис — черной щуке, обитающей в водоемах Чукотки. Для того, чтобы поймать эту рыбу, не потребовалось специальных снастей. Она была извлечена из водоема с помощью... обычного лома. Черную щуку, одетую в ледяную панцирь, положили в таз с теплой водой. И здесь произошло чудо — рыба, еще несколько минут казавшаяся мертвой, ожила.

Это единственное в своем роде существо обитает на Чукотке, Аляске и островах Берингова моря. Зимой, когда озера промерзают до дна, рыба засыпает в толще льда, а летом снова просыпается. Любопытно, что при температуре воды плюс 6,5 градуса температура самой даллии составляет плюс 22 градуса. Чукчи выдалбливают сонных черных щук из льда сотнями, едят их сами, кормят собак.

Но то, что случилось семь лет назад при рытье котлована под фундамент нового здания электростанции в Усть-Нере, по сей день превосходит эти сенсации. В то памятное лето два землекопа на глубине семи метров от поверхности заметили, что в одном из отколотых кусков земли что-то шевелится. Глыбу размером с добрую дыню подняли наверх и увидели, что из нее торчит хвост какой-то ящерицы. Старший геолог Индигирского горнопромышленного управления Василий Иванович Сумцов определил, что это — тритон.

Геологи не жалуют вниманием этого хвостатого, удивительно живучего приспособленца потому, что он ничего не «говорит» им о возрасте пород. И этот тритон, найденный на дне котлована, ничем не отличался от его ныне здравствующих собратьев. Поначалу даже подумали, что он — не ископаемый. И лишь внушительная глубина его «берлоги» убедила всех в том, что найден все-таки некий доисторический экземпляр.

Оттаившая после долгой спячки, длившейся десятки тысяч лет, ящерица прожила всего три дня, успев проглотить перед смертью муху. Удивительного тритона, побившего все рекорды по длительности сна, отправили в Якутский институт геологии.

Замечательный русский геолог Иван Деметьевич Черский считал, что северные районы Якутии — наилучшее место, где в мерзлых слоях земли могут сохраниться трупы животных, обитавших здесь в далекие времена. Он был очень огорчен, узнав, что не удалось спасти для науки ископаемую лошадь, вымытую во время половодья на реке Яне. Уже тяжелобольной, И. Д. Черский с семьей отправился в низовья Колымы на поиски «законсервированных» животных, в частности ископаемых лошадей. Но смерть в пути помешала ученому осуществить задуманное.

То, что искал Черский, удалось найти лишь в 1968 году на оймьяконском золотом прииске Ольчан.

Старший геолог горно-обогажительного комбината «Индигирзолото» Василий Иванович Сумцов вместе с новым главным геологом прииска Владимиром Петровичем Вдовиченко приехали на горный участок Селерикан. Здесь, у скванного

февральской стужей ручья Балхан, они осмотрели шахту № 221. Геолог Геннадий Толстокоров предупредил:

— Только не ходите в этот штрек. Там неприятный запах.

— А что такое?

— Да труп какой-то лошади...

Месяц назад во время работ горняки обнаружили... гнедую лошадь. Толстокоров не придал этому особого значения: мало ли лошадей попадало раньше в промоину!

В вечной мерзлоте хорошо сохранился труп лошади. Но когда, при каких обстоятельствах животное попало в огромную линзу чистого льда, образовавшуюся почти на десятиметровой глубине?

В трех метрах от лошади, в забое, был обнаружен бивень мамонта. Случайно ли это соседство? Домашняя это лошадь или дикая, доисторическая?

— Возможно, что это — ископаемое животное, — сказал Сумцов. — Ничего не трогайте в шахте!

Вскоре в Усть-Неру прибыла группа научных работников института геологии.

Первые же исследования находки подтвердили догадку: лошадь — ископаемая, та, которую искал еще Черский. К сожалению, у лошади не было ног и хвоста, очевидно они попали в горные отвалы.

Несколько месяцев длились поиски остатков загадочного гнедого, но ноги и хвост все-таки были найдены. Тут уж умолкли и те скептики-юмористы, которые пустили слух, будто ученые ищут лошадь, которая до сих пор числится на балансе соседнего колхоза.

Советская наука обогатилась единственным в мире экземпляром доисторической ископаемой лошади.

Для исследования ископаемой лошади древнего Оймьяконья Академия наук СССР утвердила авторитетную комиссию из десяти человек во главе с профессором Верещагиным. Научная ценность находки была велика еще и потому, что рядом с лошадью были обнаружены черепа бизонов, шерстистого носорога, много костей мамонта, вымерших северных оленей. Не удивительно, что об «индигирском чуде» появились сенсационные сообщения во многих крупных газетах и журналах мира.

Радиоуглеродный анализ образцов, доставленных в лабораторию Ленинградского университета, помог определить, что лошадь провалилась в болото и погибла 36 тысяч лет тому назад.

Оймяконская находка привлекла к себе внимание геологов и ботаников, зоологов и палеогеологов. Летом 1969 года президиум Академии наук СССР направил в бассейн реки Селерикан специальный отряд Полярной экспедиции Ботанического института имени В. Л. Комарова. В течение трех месяцев ученые изучали флору, геоморфологию и палеогеографию этого района Оймяконья.

Итоги подводить еще рано. Материал, доставленный с берегов Селерикана, еще изучается. Экспедиция в глубь веков по следам ископаемой лошади продолжается.

* * *

Великолепное золотое кольцо, извлеченное геологами из-под земли возле Диринь-Юряха, представляет собой искусно сплетенную в цепь рудную жилку благородного металла с низзяными на него осколками сверкающего кварца. Рядом с ожерельем лежит золотой медальон с отчетливым отпечатком неведомого никому растения. К этой пластинке также не прикасались руки мастера-ювелира. А эта золотая веточка — прямо-таки готовая брошь, о которой могут лишь мечтать модницы. Не хуже и всевозможные рогатки, гребешки, кружева.

Муляжи всех этих золотых уникалов хранятся в петрографо-минералогической лаборатории Верхне-Индигорской геологоразведочной экспедиции. В золотом кабинете хранятся и образцы благородного металла месторождений золотой Индигорки.

Вот уже более четверти века сюда поступают все новые и новые геологические пробы. Через восемь железных сит разного калибра приходится иной раз просеивать желтые крупинки, чтобы дать точную характеристику крупности и правильно подсчитать запасы нового месторождения. Именно в этом кабинете дается минералогическое описание золотых находок, сортируются золотишки по формам, определяется пробыность и так называемый процент окатанности.

Именно здесь было сделано описание крупнейших индигорских самородков, обнаруженных в 1945 году в россыпи Туора-Таас и на ключе Проходном. Один из этих кусков весит 9 килограммов 608,8 грамма, второй — 6 килограммов 489 граммов.

По мнению ученых и туристов, усть-нерское собрание золотых раритетов не имеет себе подобных.

В. ХОХЛАЧЕВ

Рисунки А. Бойченко

ГОРНЫЕ ПИСЬМЕНА

На севере Испании, в Кантабрийских горах; археолог-любитель Сантуола в 1879 году обнаружил на стенах пещеры изображения вымерших животных — мамонта, пещерного медведя. Он пришел к выводу, что не только эти животные, но и сами рисунки являются доисторическими и сделаны, можно сказать, с натуры.

Ученые отнеслись к утверждению Сантуолы иронически. Никто из них даже не ознакомился с находкой на месте.

Но вот через шестнадцать лет в одной из пещер Франции были найдены аналогичные рисунки. Их тщательно изучили. Знаменитый археолог Кайтерлак, который иронически отозвался о предположениях Сантуолы, выступил со статьей, названной «Моя вина!». Доказательства были неоспоримы — первобытный человек рисовал! Заостренный камень заменял ему кисть, красками иногда служили природные охры железа и марганца.

Сейчас известны сотни наскальных изображений, самых различных — от примитивных силуэтов и непонятных геометрических знаков до многофигурных композиций, поражающих своей красотой и реализмом. Такие наскальные изображения называют петроглифами (по-гречески петро — камень, глиф — резьба). Самые древние из них относят к мустьерской культуре среднего палеолита, им не менее пятидесяти тысяч лет!

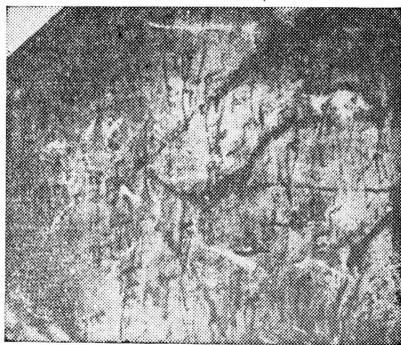
Увлечение поисками петроглифов иногда приводит к тому, что доисторическим художникам приписывают даже борозды и царапины на камнях, смутно напоминающие рисунок. При этом забывают, что и сама природа иногда работает почти как художник.

Происхождение многих знаков на камне геологам удалось достоверно установить. Так, при застывании магмы в определенных условиях кварц и ортоклаз проникают друг в друга, образуя узор, напоминающий письмена. Возникает порода издавна метко названная письменным гранитом.

Особенно часто возникают своеобразные рисунки при росте минералов из водных растворов. Незначительные изменения состава слоев, их толщины, окраски, способности отражать свет создают иллюзию рисунка. Иной раз можно рассмотреть «море и закат солнца», «корабль и пальмовую рощу». Этим знамениты так называемые пейзажные камни Урала — яшма, малахит, родонит и другие.

Помимо таких расшифрованных знаков на камне, немало известно и «проблематик» — так называют знаки, происхождение которых остается загадкой.

«Проблематики» мне довелось увидеть в Забайкалье на берегах Шилки, близ Усть-Карска.

На старых географических картах этот поселок обозначен большим кружком. И не случайно. В 1832 году здесь в устье речки Кары нашли золото. Вскоре тут вырос целый город с очень недоброй славой — на карийской «золотой каторге» погибли тысячи людей.

Давно уже отработаны на Каре золотые россыпи, разрушены и тюрьмы. Бурные разливы Шилки смыли даже их следы.

Теперь Усть-Карск маленький, заново отстроенный поселок. Приезжий человек здесь заметен. Поэтому я не удивился, когда в первый же день ко мне пришло несколько школьников. Они принесли показать мне, как геологу, несколько камней.

— Руду нашли? — спрашиваю.

— Нет, не руду, но что-то тоже интересное.

Вот...

Рассматриваю серовато-коричневую плотную породу, образующую плитки с гладкой поверх-

ностью. Это аргиллит — закаменевшая глина, порода широко распространенная и ничем не примечательная. Ничего интересного не вижу. Но с выводами не спешу.

В глинистых породах иногда сохраняются остатки организмов, отпечатки растений. Такие находки очень важны — по ним удается определить возраст породы. Может быть, и в этих образцах скрыта фауна или флора? Заметить ее иногда бывает совсем нелегко. Нужен навык и даже особый дар. Среди геологов есть настоящие асы, которые умудряются найти фауну там, где до них безуспешно искали ее десятки раз. И любопытно вот что. Когда сделана, наконец, находка, посмотрев на нее, все вдруг начинают видеть то, чего раньше не замечали.

Все это мне хорошо известно. Поэтому я очень внимательно разглядываю образцы со всех сторон. Я продолжаю тщательно осматривать

образцы, ребята терпеливо ждут. Вероятно, они впервые обратились к геологу и уверены, что я все увижу и все объясню. Чтобы несколько облегчить свое положение, спрашиваю:

— Какой же образец у вас самый лучший?

После короткого совещания мне протянули плитку аргиллита — чуть больше ладони, толщиной пальца в два. В ее торцах видно, как перемежаются слои — серые и коричневые. Сверху плитка серая, пятнистая, местами блестящая, местами тусклая, шершавая, снизу — коричневая, более однородная.

Смотрю и вблизи и издалека, но ничего интересного не вижу. Положение не из приятных, даже жарко стало. И вдруг — как сверкнуло: на серой поверхности увидел какие-то знаки. Их много, но я поспешно прижимаю к одному из них палец, боясь, что потеряю и не смогу найти его снова.

Сквозь лупу отчетливо видно, что знаки царापаны острым и тонким резцом. Там, где прорезан верхний серый слой породы, они выглядят

коричневыми, будто обведены краской. Все знаки довольно сходны между собой — «почерк» один. Длина знаков 5—7 миллиметров — раза в три больше, чем ширина. Большинство знаков имеет довольно сложный рисунок — извилистую зубчатую «головку» и более простой «хвост». Попадают и крючкообразные знаки, без «головы». Все они ориентированы одинаково, сходны по размерам и, вроде, образуют строки, направленные сверху вниз, как иероглифы. Местами знаки расположены тесно, задевают друг друга. Более ясно они заметны на блестящих участках. Но есть они везде и в совокупности занимают не менее половины поверхности плитки (рис. 1). Эта плитка самая лучшая, на других знаков мало и они еле заметны.

Что же это за знаки?

Они не похожи на остатки растений или животных. Может быть, это просто какие-то царापаны — случайная игра природы?

Царапины, борозды и даже шлифованные поверхности — «зеркала скольжения» — часто возникают, когда в горных породах образуются складки. Но все такие знаки имеют совсем другую форму — они прямые, глубоко врезанные, протяженные. А тут какая-то филигранная работа — мелкий сложный узор, будто созданный умелой рукой. Неужели это надписи на камне? И они расскажут о каких-то бесконечно далеких днях?!

Я почтительно смотрю на первооткрывателей:

— Молодцы! — говорю. — Где же вы это нашли их, как разглядели?

— На Полосатике. Мы там рыбу ловим и коллекции собираем. Но только недавно Петя эти надписи заметил.

Утром на лодке мы добрались до Полосатика. Так называется утес, расположенный на правом берегу Шилки выше поселка. Название дано метко — утес действительно полосатый, из разноцветных аргиллитов и песчаников.

Нашли еще несколько плиток со знаками. Раскалываю плитки. Внутри одной из них — тоже знаки. Человек тут, значит, ни при чем. Рухнули надежды найти в этих надписях слова далеких предков.

— А может быть, слои слиплись уже после того, как надписи были сделаны, и поэтому теперь они внутри плитки? — предположил Петя.

— Породы, обнаженные на утесе, образовались и затвердели в меловой период, примерно сто миллионов лет назад, а человекообразные существа на земле не многим более одного миллиона лет, — отвечаю Пете.

Молчание. Чувствую, что не очень убедил.

— А может, в меловой период на Землю опустился космический корабль? — делает предположение один из ребят.

— Это уже из области фантастики, — отвечаю.

Возвращались мы невесело. Я обещал показать образцы крупным специалистам.

Вот что вскоре я сообщил Пете и его товарищам в Усть-Карск.

Знаки на Полосатике первым заметил и изучил в 1926 году видный советский геолог Р. Ф. Геккер. Он предложил называть такие знаки горными письменами. Резцом, который выгравировал эти знаки, служили песчинки твердых пород, встречающиеся иногда в аргиллите. Ученый заметил, что кое-где такие песчинки расположены как раз над знаком, в слое, залегающем выше. Ученый пришел к выводу, что горные письмены образовались при особых, сложных перемещениях слоев горных пород. И песчинки в это время, как перья самопишущих приборов, вычертили следы.

Знаки, удивительно напоминающие письмены, встречаются не только в Забайкалье. Первые такие письмены, найденные близ Праги в конце прошлого столетия, описал выдающийся австрийский геолог Зюсс. Он изучал письмены, состоящие из крючкообразных, прямых и извилистых линий, местами напоминающие детские рисунки, на гладкой поверхности плиток известняка силурийского возраста. В верхнем слое кое-где виднелись выступающие твердые зерна кварца, которые, по-видимому, служили резцом.

В Германской Демократической Республике, близ Фрейберга, на плитках медистых сланцев найдены многочисленные и разнообразные знаки (рис. 2) — неправильные многоугольники, иногда с пересекающимися сторонами. По-видимому, плитка при движении описала петлю и не только вернулась в исходное положение, но даже переместилась дальше, в направлении, противоположном первоначальному движению. Резцами здесь служили, по всей вероятности, кристаллы пирита, кое-где сохранившиеся над знаками. Есть там и знаки, нарисованные черной краской — каплевидными зернами битума, встречающегося в трещинах. При перемещении слоев битум размягчался и чертил след.

Надо отметить, что далеко не везде удается установить, чем были прочерчены знаки.

В Южной Англии, вблизи Борса, знаки очень крупны и красивы. Они напоминают римские цифры, и трудно поверить, что к ним не прикасалась рука человека (рис. 3). Найдены в Англии и знаки других очертаний (рис. 4).

Р. Ф. Геккер предполагал, что письмены на Полосатике возникли при движениях, связанных с внедрением расплавленной магмы. Жильные породы, образовавшиеся после ее остывания, видны на утесе. Вблизи них поверхность плиток аргиллита особенно глянцевиата, что, вероятно, объясняется воздействием высокой температуры при внедрении магмы, поэтому горные письмены там встречаются чаще, чем в других местах.

Иное, пожалуй, более универсальное объяснение предложил первооткрыватель таких знаков — Эдуард Зюсс. Он назвал их «автографами землетрясений» или «естественными ископаемыми сейсмограммами», возникающими при резких подземных толчках. Если это так, то изучение таких автографов, оконтуривание районов их распространения поможет сейсмологам больше знать о «дыхании земли» в далеком прошлом.

Возможно, что эти объяснения не исчерпывают всех причин. Разнообразие форм знаков, обнаруженных в различных районах земли, в какой-то мере указывает и на разнообразие причин, их породивших. Делать окончательные выводы пока рано. Надо искать и изучать новые горные письмены.

А. ЛОКЕРМАН,
кандидат геолого-минералогических наук.

ПОСЛЕ ЛАВИНЫ

Это произошло во время похода по местам боев уральцев на Кавказе. Следопыты остановились на ночлег близ Клухорского перевала.

Раскаты грома подняли весь отряд на расвете.

— Ребята! Закрепите палатки, надвигается гроза! — закричала Лариса Родионова. И как бы в подтверждение ее слов крупные капли дождя застучали по брезентовой крыше.

Мальчишки повискакивали из палаток, закрепили растяжки и снова нырнули в спальные мешки.

Ливень налетел стремительно и так же быстро кончился. Возбужденные ребята высыпали из палаток. Неожиданно откуда-то сверху раздался резкий треск и вслед за ним, все нарастая, стал приближаться грохот.

— Лавина, лавина идет! — отпрянули к палаткам ребята.

Гул прокатился где-то совсем рядом и замер в соседнем ущелье. Все успокоилось, но еще целый час только и разговоров было о лавине.

— Вот бы посмотреть!

Когда ребята еще расправлялись с завтраком и сушили промокшие пожитки, дежурные по лагерю Лариса и Толя поднялись на каменный гребень и увидели ущелье, огражденное снежными пиками гор.

— Смотри! Что-то там чернеет, — показала Лариса вниз.

У самой кромки ледника, срезанного лавиной, виднелось полуовальной формы углубление, выложенное камнями. Лариса и Толя стали осторожно спускаться вдоль каменной осыпи.

— Это остатки блиндажа, — тихо произнес Толя, когда они приблизились к груде камней. Лариса наклонилась и быстро юркнула в пролом.

— Здесь что-то есть, — тотчас раздался ее голос. — Толя! Принимай! — из темноты показался оцинкованный патронный ящик.

Схватив его, Толя заглянул внутрь. Ящик наполовину был заполнен позеленевшими от времени патронами.

— Лариска! Подожди! Я сам залезу, — взволнованно прокричал Толя.

— А я еще что-то нашла, — отозвалась из-под земли Лариса, затем показалась ее светловолосая голова. В руке Лариса держала какой-то небольшой темный предмет.

— Покажи! — Толя схватил ее за руку и увидел гранату.

— Бросай! Бросай! — закричал он, потом мгновенно выхватил гранату и с силой швырнул ее в стюроду.

Раздался оглушительный взрыв. Эхо подхватило его и понесло по ущелью.

МЕТА

Мы держали путь к Конжаковскому Камню. Уже вечерело, когда мы спустились в сумрачную долину. Вроде и рядом он, Конжак, а не дойти до него сегодня. Придется искать ночлег.

И вдруг, как в сказке, перед нами выросла избушка. Огромный лохматый пес выбежал навстречу. Вышел из домика и хозяин кордона. Познакомились. Григорий Иванович Миньяров любезно разрешил нам переночевать у него.

Мы сразу заметили, что хозяин необычайно ласков со своей собакой. Вообще на севере собака и человек — всегда настоящие друзья. Но отношение Григория Ивановича к Шарикуну нас просто поразило.

Заметили мы и то, что оба они, и Григорий Иванович и Шарикун, со шрамами. Мы спросили, что это за отметины.

Весело потрескивал огонь. Шарикун, положив голову на колени хозяину, казалось, уснул, а мы слушали рассказ старого охотника.

— А было это так, — поглажив лайку вдоль шрама, начал Григорий Иванович. — Весной шли мы с Шарикуну по тропинке из Всеволодоблаго-

датского. Ходили в село за провиантом. Ружья при мне не было. Нагрузился я изрядно, — что, думаю, лишний раз ходить. Да еще бабка Анисья подарила нам к празднику живую гусыню. Поверх берестяной крошки я и привязал ее.

И вдруг в чаще, уже неподалеку от избушки, кто-то бросился на меня сверху. Еле устоял на ногах. Быстро протянул руку назад. Рысь! Видно, гусыня привлекла ее.

Руку-то я протянул назад, а рысь и вцепилась в нее. Что делать? Она уж и до шеи добралась... И тут выскочил на тропу Шарикун. Высоко подпрыгнув, он вцепился в рысь. Рысь и собака клубком покатались в траву. Мне не удалось даже к ним подступить, чтобы помочь Шарикуну. Но вот пес резко выпрямился, изловчился схватить рысь за горло. Схватка закончилась победой лайки.

Я прихватил добычу, и мы с Шарикуну поспешили домой залечивать раны...

Вот так, в один день, мы с Шарикуну и мечены

СЕРЬЁЗНОЕ С КУРЬЁЗНЫМ

И ВСЕ-ТАКИ ПОВИДАЛ!

В XVII—XVIII веках на Руси существовала пресловутая система расследования политических преступлений — «слово и дело государево». Стоило человеку выйти за ворота и произнести эту поистине чудодейственную формулу, как его забирали и увозили в Москву на допросы.

Во времена Анны Иоанновны вятч П. Т. Прозоров решил воспользоваться этим, чтобы посмотреть Москву. Свое намерение он исполнил...

Привезли его в Москву, в тайную канцелярию. Началось следствие.

— Что тебя вынудило сказать «слово и дело»? — спросили его.

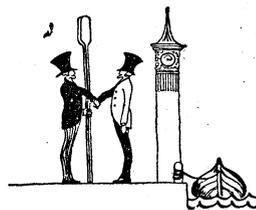
— Москву повидать захотелось! — нимало не смущаясь, ответил Прозоров.

Конечно, не обошлось без «вразумления». Однако любопытный вятч все-таки побывал в Москве...

НЕОБЫЧНОЕ ПАРИ

Ноябрьским вечером 1901 года в марсельский порт прибыла небольшая, семи метров в длину, шлюпка, которая поначалу ничем не обратила на себя внимание. На другой день портовый офицер, проезжая мимо на катере, счел нужным осмотреть неизвестное и, как казалось, пустое суденышко. Каково же было его удивление, когда на дне шлюпки обнаружили изможденного усталостью и голодом человека, лежавшего без чувств!

Злополучный путешественник оказался сорокатрехлетним англичанином Джоном Броуном. Он побился об заклад с приятелем, что без остановок проедет на маленькой шлюпке из Лондона в Марсель. Взятой провизии не хватило до конца путешествия, условия пари запрещали остановки для ее пополнения, и вот — англичанин предпочел голодать, но выиграть...

Читатель — редакции,

редакция — читателю

Нас спрашивают: — Почему в киосках «Союзпечати» нет вашего журнала!

Отвечаем: журнал «Уральский следопыт» в розничную продажу почти не поступает. Советуем оформить подписку. Сделать это можно в соответствии с правилами подписки на периодическую печать. Наш индекс в каталоге «Союзпечати» — 73413.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 18043.

Подписано к печати 28/II 1972 г.

Бумага 84×108¹/₁₆ = 2,6 бум. л. — 8,82 печ. л.

Уч.-изд. л. 9,8.

Тираж 186 000.

Цена 30 коп.

Заказ 24.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Г. ВАГИН

ПЛОТИНА

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН
Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора], МУСА ГАЛИ,
А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН,
Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. С. СВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный секретарь],
В. ШУСТОВ